

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР**

2014 – 1 (259)

Научно-информационный бюллетень

Издается с 1992 года

**Москва
2014**

*Центр гуманитарных
научно-информационных исследований*

Редакционная коллегия:

Л.В. Скворцов – д-р филос. наук, шеф-редактор, *А.Г. Бельский* – канд. ист. наук, автор проекта, научный консультант, *Е.Л. Дмитриева* – главный редактор, *О.П. Бибикова* – канд. ист. наук, первый зам. главного редактора, *Д.Б. Мальшева* – д-р полит. наук, *А.В. Малашенко* – д-р ист. наук, *А.Ш. Ниязи* – канд. ист. наук, зам. главного редактора, *В.Г. Садур* – канд. ист. наук, *В.Н. Сченснович* – отв. за выпуск.

Россия и мусульманский мир: Научно-информационный бюллетень / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. – М., 2014. – № 1 (259). – 168 с.

Тексты, представленные в бюллетене, даны в авторской редакции.

© ИНИОН РАН, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

- Ю. Матвеевко.* Модернизационные процессы в эпоху глобализации: Выбор стратегии для современной России 5
- М. Яхьяев.* Причины радикализации ислама в современном мире 16
- З. Хабибуллина.* Дорога в Мекку: Восстановление и развитие паломничества мусульман в постсоветской России 32

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

- Г. Гузельбаева.* Исламская идентичность молодых татар в Республике Татарстан (по материалам социологических исследований 2008–2012 гг.) 37
- Д. Лавриненко.* Этнополитические основания экстремизма на Северном Кавказе 49
- И. Бешта.* Конфессиональное измерение идентичности народов Автономной Республики Крым 68
- Д. Малышева.* Вызовы безопасности в Центральной Азии 76
- Е. Ионова.* Стратегический союз Казахстана и Узбекистана в геополитике Центральной Азии 95

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

- И. Иванова.* Региональные и внешние акторы. Турция 106
- Л. Раванди-Фадаи.* Особенности национальной политики в современном Иране 121

<i>Н. Горбунова.</i> Ливанский кризис: Трансформация общества и государства.....	130
<i>Д. Нечитайло.</i> «Нигерийский Талибан» и его последователи.....	143

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

<i>Р. Хисамов.</i> Институциональные изменения в странах Арабского Востока.....	150
<i>В. Амелин, К. Моргунов.</i> Этнополитические и религиозные конфликты в современном мире	158

КОНФЛИКТУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – **НЕТ!**
ДИАЛОГУ И КУЛЬТУРНОМУ ОБМЕНУ
МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ – **ДА!**

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

Ю. Матвеевко,

доктор политических наук
(РАНХ и ГС при Президенте РФ)

МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ВЫБОР СТРАТЕГИИ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Смена поколений российских политиков первого эшелона по времени совпала с утвердившейся в обществе и части научной и государственной элиты России убежденностью, что страна после 20 лет реформ вновь оказалась на распутье. России необходима модернизация. Это императив современной российской политики в эпоху глобализации. Модернизация, устойчивое, поступательное развитие невозможно без выработки научной стратегии.

Для осуществления успешной политической стратегии нужны точные знания о социальной структуре общества, роли и возможностях государственных и политических институтов и организаций, действующих в широком политическом спектре страны. События начала 90-х годов взорвали социальную структуру и систему политического управления страной. Этот процесс наложился на глобальные трансформации, связанные с бурным научным прогрессом, изменением социального характера труда и кризисом международных институтов управления. Поэтому в тех дискуссиях, которые ведутся в России и других странах, многие исследователи, ссылаясь на во многом еще неясную в своих тенденциях картину мира, предпочитают вести речь не о вызревшей и не вызывающей сомнения стратегии устойчивого развития, а о парадигме в том значении этого понятия, которое ввел в оборот во второй половине XX в. американский философ и историк науки Т. Кун.

К сожалению, Россия только в начале поиска парадигмы и выработки национальной стратегии устойчивого развития и модернизации. На протяжении последних лет государство и общест-

во, на наш взгляд, скорее отдалялись, чем приближались к пути устойчивого развития. Именно в силу этого обстоятельства страна вновь оказывается перед выбором политической стратегии.

Выбор стратегии напрямую зависит от того, какие проблемы должна решить страна в ходе модернизации.

В разных странах существуют различные причины, вызывающие необходимость модернизации вообще и политической в частности. Одной из них является происходящее осознание инновационности и динамизма развития мировых рынков и драматических последствий экономической глобализации, вызывающих в одних странах рост богатства, а в других – усиление нищеты. Другая – продолжающийся в обществе, особенно в развитых странах, сдвиг в направлении от патернализма к индивидуализму как образу жизнеустройства в системе социополитических отношений. Третья причина – разрушение и перестройка огромных вертикальных бюрократических структур, и передача полномочий местным институтам власти и непосредственно гражданам.

Применительно к России – перед обществом и государством вновь возникает вопрос: на каких основаниях, ценностях могут идти модернизационные процессы, обеспечивающие устойчивое поступательное развитие, в конечном счете, процессы укрепления страны?

Вначале об устойчивом развитии. Если попытаться сгруппировать и проанализировать многочисленные суждения и оценки об устойчивом развитии, то складывается вполне логичная картина, отражающая интересы тех или иных групп в реальной жизни.

Первая группа суждений – это категорическое неприятие идей устойчивого развития. Против устойчивого развития выступают те крупные финансово-монополистические группы, которые не хотят изменять своего привилегированного положения и терять сверхприбыли в неэквивалентном с обществом и природой обмене. Представители этой группы латентно и открыто выступают против устойчивого развития в любом варианте. Сюда же можно отнести тех отечественных и зарубежных ученых и политиков, которые видят в устойчивом развитии попытку международных финансовых кругов взять под контроль процесс трансформации международных экономических отношений и сохранить привилегированное положение для развитых стран путем создания структур и органов, закрепляющих господствующее, привилегированное положение «золотого миллиарда». И еще одна группа противников, которая в принципе не выступает против устойчиво-

го развития и модернизации, но считает, что сейчас, в условиях кризиса, было бы утопией думать о проблеме модернизации и об устойчивом развитии.

Вторая группа – это сторонники концепции устойчивого развития. Среди них можно выделить ученых и политиков, которые концентрируют внимание на экологических проблемах. Формально такая позиция представляется корректной. Однако она не вскрывает политические и социальные причины уничтожения экосферы – бесконтрольной погони за прибылями и, по сути дела, абсолютизируя экологические проблемы, скрывает социальные механизмы углубления материального и духовного неравенства на планете – движущей силы конфликтов и неустойчивого развития, в конечном итоге, уничтожения биосферы.

Политическая, социальная, экономическая и нравственная природа проблем устойчивого развития требует адекватных по качеству решений и механизмов. И уяснение этой необходимости становится важным фактором модернизации.

Во-первых, совершенно ясно, что совершенство военных технологий увеличивает вероятность вооруженных конфликтов в современном мире.

Во-вторых, на смену иллюзиям прогресса потребительской цивилизации на всех политических и социальных уровнях пришло понимание, что естественное (инерционное) развитие мировой цивилизации ограничено материальными и информационными ресурсами, несет угрозу катастрофы. Кризис экономического порядка привел к кризису экосферы планеты.

В-третьих, современная технология сделала мир во всех его сферах – политической, экономической, социальной – взаимозависимым, а динамика и масштабность мировых процессов потребовала поставить их под глобальный общественный контроль.

В-четвертых, тотальная социально-экономическая ценность и мотивация труда, господствовавшая во втором тысячелетии и заключавшаяся в максимализации прибыли, в третьем тысячелетии рано или поздно должна быть заменена на утверждающую этику ноосферы – разумной достаточности материального и духовного потребления как основы устойчивой жизни на планете.

В-пятых, глубина материальных и духовных диспаритетов на планете между государствами, нациями, народами, внутри государств достигла предельно возможной величины. Поддержание этих диспаритетов с помощью военных средств становится абсурдным и опасным с точки зрения политической, экономической

и военной эффективности. Безопаснее договориться о контроле над ресурсами, чем пытаться захватывать их с помощью оружия.

Разумеется, что все вышесказанное – это обобщенные способы решения проблем. Хотя универсального модернизационного рецепта, по-видимому, не существует, можно выработать общую стратегию модернизации, положения которой создали бы базу для формирования программы развития в условиях конкретного общества-пространства. Если модернизация предполагает наличие в обществе идей реструктуризации модернизируемого пространства, механизмов их поэтапной реализации и средств, необходимых для этого, то стратегия модернизации скорее подразумевает оценку внешней ситуации и выбор наиболее приемлемых и эффективных, с точки зрения пространства X, альтернатив на каждом этапе реализации. Одной из политических целей стратегии модернизации можно считать подбор такого сочетания выборов, при котором в течение долгого времени (оптимально в течение всего хода реформ) удастся сохранить совпадение интересов и избежать конфликта между взаимодействующими сторонами. При этом условия возможна консолидация общества, способная в свою очередь умножить усилия России по выходу из кризиса и достижению устойчивого развития по всем параметрам общественной жизни.

Сегодня модернизационное планирование во многом похоже (или должно быть похоже) на корпоративное планирование. Ведь в принципе регион или даже государство (союз государств) как объекты управления в определенном отношении не отличаются от завода, банка или корпорации, их объединяющей. Проблема в том, что редкий директор завода обладает стратегическим мышлением, и до тех пор, пока категории стратегического планирования не станут естественными категориями мышления ответственных за этот процесс руководителей, вряд ли можно рассчитывать на широкое инвестирование в процессы модернизации страны, включая иностранные капиталы.

Модернизация России, в конечном счете, должна создать условия для постиндустриализации. В противном случае она теряет смысл, поскольку не решает на современном уровне ни одной из возникших перед Россией проблем и не создает базы для последующего развития в ряду развитых стран. Только та страна в условиях целостного и внутренне взаимосвязанного мира может рассчитывать на высокое качество жизни своего народа, которая по нескольким видам современной продукции стоит на передовых рубежах научно-технического прогресса вровень с конкурентами

или даже опережает их. Именно в этом состоит один из аспектов относительности уровней развития.

Модернизация становится процессом социально-экономической и политической трансформации общества, призванным преодолеть кризис, отставание одних государств от других и привести к устойчивому развитию. Последнее же создает предпосылки – материальные, политические, духовно-интеллектуальные – для успешного решения комплекса социально-экономических проблем, без чего консолидация общества останется иллюзией.

Совокупность трансформационных мер призвана сгладить противоречия между требованиями модернизации и традиционными формами организации местного общества, их реализация исключила бы возможность перерастания столкновения интересов в фундаментализм, поиски внешних либо внутренних врагов или перелива в гражданский конфликт, раскалывающий общество.

Модернизацию можно представить как процесс реформирования пространства через ориентацию на достижения мирового уровня в экономике и других сферах. Поэтому конечную цель российской модернизации можно определить как устойчивый прогресс в направлении улучшения условий жизни за счет вклада в мировое хозяйство, что должно привести к социальной стабилизации и консолидации общества.

При этом проект модернизации, оставлявший все-таки надежду для незападных стран подняться до уровня передовых (современных), сохраняя при этом свою национальную идентичность, уступает место новому глобальному проекту, в котором жизнь людей в экономической системе мыслится уже не в национальном, а мировом масштабе. Этот проект как бы предлагает странам частично обменять свой национальный суверенитет на право вхождения в эту систему и, следовательно, на право считаться современной страной.

В глобализации видят, прежде всего, объективный процесс, в ходе которого мир как бы стягивается в единое пространство, существующее по общим для всех законам и в едином для всех режиме времени. В итоге он постепенно утрачивает свою былую многоликость и разнородность. Происходит своеобразная гомогенизация мира, причем не только в производственно-экономической, но и бытовой сфере, на уровне повседневной жизни. В разных странах люди все больше пользуются одними и теми же видами транспорта и коммунальных услуг, носят одинаковую одежду, потребляют одну и ту же пищу, смотрят одни и те же

телепередачи, слушают одни и те же новости. Создаваемые современной цивилизацией технологии, товары, услуги, информация и пр., входя в жизнь разных народов, делают их в чем-то похожими друг на друга, не теряя при этом своей самобытности.

В последние годы в России происходит лавинообразный рост работ, посвященных самым различным аспектам глобализации, и прежде всего экономическим, политическим, правовым, культурным аспектам. Однако существенные черты и закономерности процессов глобализации, их последствия в широкой исторической перспективе остаются предметом ожесточенной дискуссии. Все исследователи сходятся на том, что мир в целом становится все более непредсказуемым. Особенно это касается будущего Российского государства. Основная сложность в понимании сущности глобализации связана с тем, что в реальном своем проявлении она представляет собой тесное и многостороннее переплетение двух достаточно различных по своим последствиям процессов.

С одной стороны, под глобализацией понимают качественно новый уровень взаимодействия стран в области экономики, политики, культуры, который начал складываться в последние десятилетия прошлого века вследствие появления глобальных проблем, ставших серьезной угрозой для самого существования человечества. Решение этих проблем объективно потребовало значительных изменений в функциях всех государств как входивших в те времена в две противоположные мировые социально-экономические системы, так и принадлежавших «третьему» миру.

С другой стороны, в 90-е годы глобализация приобретает свои нынешние социальные контуры, она показала, что растущее открытие экономики, общества в целом не открыло стратегических перспектив для большинства незападных стран. Оно ведет к тому, что богатые западные страны становятся все богаче, а бедные незападные – все беднее. В этой ситуации проблема национального государства, осмысление его социальной роли, функций и перспектив в структуре единого глобального мира приобрели особую остроту.

Среди российских ученых, обсуждающих перспективы Российского государства в эпоху глобализации, имеют место разные точки зрения. Либеральная точка зрения преобладает в политической публицистике и электронных средствах массовой информации. Либерально мыслящие авторы одобряют все попытки практической реализации в российском обществе 90-х годов прошлого века основных принципов либерального устройства государства.

Здесь имеются в виду следующие принципы: естественные и неотчуждаемые права человека как основа общественного договора; разделение власти, выборность власти и контроль гражданского общества над деятельностью институтов государственной власти; рыночная экономика, минимальное присутствие государства в экономике; независимые средства массовой информации, – одним словом, свободный индивид в свободной стране. Превращение России в либерально-демократическое государство представляется неизбежным и важнейшим результатом постсоветского реформирования страны. Большое количество социологов, политологов, экономистов затрачивает огромные усилия, с тем чтобы доказать, что либеральное государство – это судьба и спасение России.

Однако в реальной действительности процессы либерализации российского общества с начала нового столетия явно замедлились. Происходит возврат ко многому из того, что, казалось, было обречено на исчезновение из политической жизни – усиление президентской власти, восстановление «вертикали власти» сверху до низу, борьба против сепаратизма регионов, появление у России собственных национальных интересов и, соответственно, патриотической тематики, и многое другое. Отечественные либералы говорят даже о кризисе демократии.

Левая оппозиция поддерживает отдельные шаги власти, направленные на укрепление государства, но критикует ее за сохранение курса либеральных реформ.

Если попытаться выявить нечто общее во всех многообразных размышлениях по поводу состояния современного Российского государства, то, независимо от идеологических позиций авторов, все они сходятся в одном – ответы нынешней власти в определенной мере неадекватны вызовам современного этапа истории, хотя различные авторы делают нередко прямо противоположные выводы относительно того, в каком направлении следует трансформировать нынешнее устройство Российского государства.

В теоретическом плане проблема может быть сформулирована примерно так: должны ли сохраниться у Российского государства те его традиционные черты и принципы организации, которые складывались и развивались на протяжении многих столетий? Есть ли сегодня в условиях глобализации жизненно важная потребность в их сохранении или, напротив, требуется, говоря либеральным языком, их демонтаж, полная смена «матрицы», и чем быстрее она произойдет, тем лучше это скажется на будущем страны?

Речь в конечном счете идет о смене или сохранении не просто конкретной формы государства, а о смене или сохранении исторически сложившегося типа российской государственности. Если ставить вопрос о смене не просто конкретной формы Российского государства, но исторического типа российской государственности, то необходимо решить несколько взаимосвязанных между собой задач.

Во-первых, создать теоретическую модель традиционного типа российской государственности. Это означает следующее – показать, на каких конкретных принципах устроены все сферы общественной жизни, т.е. как устроена власть, собственность, как работает принцип социальной справедливости, какие результаты имеются в духовной и теоретической сферах, наконец, как в ходе взаимодействия всех этих сфер (соразмерное развитие по осям развития или несоразмерное) осуществляется производство и воспроизводство общественной жизни в стране.

Во-вторых, раскрыть с аналогичных позиций содержание либерального типа государственности, который, с точки зрения либерально мыслящих ученых, предполагается для замены устаревшего традиционного типа государственности.

В-третьих, на основе результатов такого рода анализа показать, как эмпирически в сегодняшней жизни российского общества взаимодействуют между собой эти типы государственности, какие тенденции здесь обнаружались. В частности, можно ли в сегодняшней ситуации утверждать о реализующейся уже на практике радикальной смене одного типа государственности другим или только, условно говоря, можно говорить о некоем их «синтезе». Наконец, не является ли выходом для страны возвращение к принципам традиционного типа государственности?

И, наконец, в-четвертых, каким представляется тот коридор возможностей, который открывается перед Россией в зависимости от выбранного ею направления дальнейшего пути реформирования российской государственности в условиях глобализации. Подчеркну еще раз, сначала именно выбор направления, а затем определение коридора возможностей, но не наоборот. Это принципиально, потому что пока еще возможности страны определяются ее выбором. После решения этих задач станут понятными и доказательными контуры той эффективной модели, того идеала государственного устройства России, к которому следует стремиться обществу и власти.

Традиционный и либеральный типы государственности и, соответственно, конкретные формы устройства государства – это принципиально различные типы производства и воспроизводства общественной жизни. Глубина их различия остается до сих пор плохо осмысленной применительно к современной ситуации. И особенно с точки зрения раскрытия механизма, смены одного типа государственности другим.

Многие авторы – не только публицисты (что понятно), но и люди науки – дают априорно положительную оценку традиционному типу государственности в целом, всем его основополагающим принципам. Авторы других идейных ориентаций высказали в его адрес немало обличительных слов. Но во всей полемике вокруг традиционных устоев Российского государства не хватает главного. Необходимо, прежде всего, показать, как вообще существует жизнеспособное общество в рамках российского типа традиционной государственности, от каких внешних и внутренних факторов зависит уровень жизнеспособности общества и какой должна быть государственность с точки зрения типологии в сегодняшних условиях, чтобы общество было жизнеспособным и динамично развивающимся.

Если рассмотреть историю существования и функционирования российской государственности, то можно сказать, что такой социальный организм, как традиционное государство, обладает огромной устойчивостью и жизнеспособностью. Вместе с тем оно имеет ограниченные возможности, прежде всего, слабые внутренние импульсы для динамичного развития. Поэтому чертам его жизнеспособности нельзя придавать вневременной характер, тем более говорить о совершенстве традиционного государства, особенно если сравнивать его с исторически более продвинутым либеральным типом государства. Здесь и возникает вопрос о том, как возможна трансформация социального организма, основанного на одном, традиционном типе государственности, в социальный организм, основанный на другом, либеральном типе государственности при условии сохранения им своей жизнеспособности, своего воспроизводства в широкой исторической перспективе.

Сегодня в условиях нарастающей глобализации все страны в мире ранжированы в соответствии с принадлежностью к тому или иному уровню технологической пирамиды, сложившейся в мире. На верху пирамиды находятся США, которые достигли по многим параметрам стадии информационного общества, несколько отстают от них ведущие страны Западной Европы. На втором – развитом

индустриальном – уровне технологической пирамиды находится целый ряд стран Европы, Юго-Восточной Азии. Третий уровень пирамиды занимают страны, экономика которых основана на экспорте природного сырья и энергоносителей.

Что касается Российского государства, то оно находится сегодня в переходном состоянии, смысл которого еще предстоит выяснить. Как придать ему новые импульсы, повысить его жизнеспособность в связи с радикально меняющимися условиями своего существования в современной цивилизации?

В начале 90-х годов казалось, что полное разрушение советской системы, создание ситуации хаоса в стране облегчит путь от старого строя к новому либеральному порядку. Но нарастание хаоса к концу 90-х годов грозило полным распадом Российской Федерации. В теоретическом плане можно было заранее предвидеть результат эксперимента.

Но дело здесь в другом. Для державного государства с тысячелетней традицией нет никакой объективной необходимости отказываться от идеи самостоятельного, национального пути развития даже в эпоху глобализации. Наглядным примером выступает современный Китай, который успешно осуществляет грандиозную реформу общества, не отказываясь от Традиции с большой буквы.

В последнее время ряд российских исследователей выступили за позитивный синтез традиционного и либерального. Прежде всего, здесь вопрос в том, можно ли процесс соединения традиционного и либерального называть синтезом. В точном смысле слова синтез – это соединение различных, самостоятельно существующих элементов в одно целое, в систему. Но где и когда традиционные и либеральные элементы в истории общества существовали порознь?! Синтез в таком случае выступает либо некоторым неудачным заимствованием, не схватывающим суть проблемы, либо идеологемой, сознательно используемой для сокрытия истинных намерений определенных кругов общества в отношении Российского государства и, более того, государственности. Помочь в споре здесь может опыт современного Китая. Китайский социализм после реформ Дэн Сяопина стал в полной мере исторической формой традиционной китайской государственности, стал цивилизационным социализмом, обладающим ныне огромной жизнеспособностью.

В последнее время в России предпринимаются действенные меры, чтобы укрепить властную вертикаль, выстроить хорошо управляемый сверху донизу авторитарно-бюрократический аппа-

рат и сделать процессы либерального реформирования страны управляемыми, а последствия предсказуемыми. Можно сказать, что происходит резкий переход от радикально-либеральной модели к идеологии и практике либерального консерватизма.

Однако смена модели реформирования общества не привела к заметному улучшению в экономике страны, но способствовала дальнейшему наступлению на социальную сферу, ликвидации значительного числа социальных гарантий и социальной защиты населения страны со стороны государства. Все это привело к росту протестных движений как слева, так и справа, и, как следствие, к парадоксальному союзу правых и левых партий, которые объединяются в борьбе против растущего усиления авторитарной власти и наступления на социальные права граждан.

Выбор пути здесь будет во многом определяться дальнейшим отношением президента Российской Федерации именно к социальной политике.

Основой традиционного общества всегда выступала и выступает социальная справедливость. В классической либеральной доктрине нет места для социальной справедливости. Впрочем, такого мнения придерживаются и многие нынешние либеральные консерваторы. Право одно на всех. Свобода должна устанавливать лишь формальные рамки.

Что делать – это, прежде всего, вопрос о том политическом субъекте, который сможет выйти за рамки выбора между радикал-либералами и либерал-консерваторами. Важнейшей опорой традиционного российского общества всегда являлась связь между первым лицом государства и народом на основе принципа социальной справедливости.

У Российского государства на первом месте стоит вопрос социальной эффективности, а экономическая эффективность подчиняется решению задач социальной эффективности. Поэтому радикальное отличие пути развития западного общества от незападного, тем более в условиях глобализации, заключается в том, что западное развитие начинается с формального равенства и движется по направлению к социальному государству. А для России должно быть наоборот, сначала социальная защита и социальные права населения, что абсолютно необходимо для воспроизводства человека, общества, для устойчивости и безопасности государства, его независимости, а лишь потом инкорпорирование, приспособление абсолютно необходимых для дальнейшего развития страны либеральных принципов экономической и иной свободы, фор-

мального равенства к реалиям страны. Это не идеальная модель, но таким не был и не является западный путь. Социальная справедливость – это признание и законодательное закрепление иерархического характера льгот и привилегий ко всем социальным слоям и группам.

В самом общем виде суть решения проблемы состоит в том, что российская власть в ходе модернизации должна строить социальное государство, опирающееся на принцип социальной защиты граждан и, более широко, на принцип социальной справедливости. Именно на этой основе должны осуществляться реформы, а не наоборот, тогда в России, возможно такое жизнеспособное общество, которое будет способно адекватно ответить на все угрозы и вызовы мировой глобализации.

*«Россия XXI век. Политика. Экономика. Культура»,
М., 2012 г., с. 345–353.*

М. Яхьяев,

доктор философских наук, профессор (ДГУ)

ПРИЧИНЫ РАДИКАЛИЗАЦИИ ИСЛАМА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Научный анализ истоков и причин радикализации ислама в современном мире предполагает уяснение сущностного содержания понятия «радикализм», которому в современной политической литературе придается несколько значений. Первое – это трактовка радикализма как политического течения, сторонники которого подвергают критике существующую социально-политическую систему и настаивают на необходимости коренных общественных преобразований и политических реформ. При таком понимании радикализм предстает не только как определенная социально-политическая идеология, но и как способ политической деятельности, адекватный данной идеологии. Второе значение – решительный образ действия с использованием крайних методов и средств решения злободневных вопросов. Но в данном случае радикализм представляется лишь как способ действия конкретных социальных субъектов безотносительно к определенному виду общественной деятельности.

Нам же наиболее точным представляется следующее определение: радикализм – тип социально-политической деятельности, который базируется на крайних, предельно агрессивных идеологиях

и чрезвычайных, решительных действиях, направленных на коренное изменение всей существующей социально-экономической и политической системы. При этом не менее важна и интерпретация радикализма как реакции конкретных субъектов социального действия на острые, тупиковые или экстремальные обстоятельства, складывающиеся в ходе общественного развития. Такое понимание радикализма дает нам основания для выделения в нем таких двух взаимно обусловленных сторон, как радикальная идеология и радикальная деятельность.

Предлагаемое понимание радикализма требует также разграничения двух основных его форм в зависимости от характера социально-политических преобразований. Первая форма – это конструктивный радикализм, направленный на кардинальное, качественное, прогрессивное, революционное преобразование существующей социальной системы. В этом виде радикализма, высшим проявлением которого выступает социальная революция, созидательный, конструктивный момент, т.е. строительство более совершенного общества, доминирует над деструктивным моментом, т.е. разрушением существующей социальной системы. Эту форму радикализма мы можем уподобить целительному ножу хирурга, который в критической для пациента ситуации решительно, насильственными, силовыми методами исцеляет больного, спасая его от верной гибели.

Вторая форма радикализма – это деструктивный радикализм, направленный на сохранение, консервацию или воссоздание, реставрацию отживших свой век, устаревших, изживших себя социальных отношений с помощью не менее решительных, но разрушительных для социальной системы агрессивных социальных действий. Разрушительная агрессия социальных субъектов при этом направляется, как правило, либо против тех социальных сил и субъектов, которые обнаруживают подлинно прогрессивное преобразовательное начало, либо против реально существующей социально-политической системы или ситуации в целом. Однако такая форма радикальных действий не столько лечит болезнь социального организма, сколько калечит и насилует социальное тело, подобно безграмотному шаману, лишь усугубляя критическое состояние.

Так с какой же формой радикализма мы сегодня имеем дело, когда он сопрягается с исламом? Чаще всего «исламский радикализм» представляется как идеология и обоснованная ею политическая деятельность, которые характеризуются ценностно-

нормативным закреплением «чистого ислама» по отношению как к миру «неистинной веры» внутри самого ислама, так и к миру «неверных» вне ислама. Но важно то, что такой радикализм предстает как деформированная, извращенная форма ислама. Потому ее не следует отождествлять с исламом как мировой религией, или даже исключительно с каким-либо конкретным его направлением или течением.

Тем не менее сегодня и в исламоведческой литературе, и в массовом сознании радикализм, сопрягаемый с исламом, предстает как реальный существенный фактор социально-политической жизни мира, как серьезная оппозиционная мировая идейно-политическая сила. Радикально настроенные слои верующих-мусульман представляются действенной социальной силой, считающей вполне допустимым использование террора и нелегитимного насилия как средства достижения поставленных целей, как правило, политического характера. И такая сила реально обладает мощным потенциалом, нацеленным на распространение своих наиболее крайних идеологических положений и наращивание практики политического насилия.

Разрушительный порыв радикального ислама сегодня направлен на слом и упразднение секуляризированных обществ западного образца. Он презирает и игнорирует общепринятые положения международного права, не признает такие основополагающие нормы, как территориальная целостность, государственный суверенитет, неизблемость границ, признание прав и свобод человека, запрет на применение силы для достижения как политических, так и иных социальных целей. И все же наивысшую опасность для общества и личности представляет экстремистское крыло радикального ислама, чья деятельность сегодня является ключевым фактором, расшатывающим как мировую социально-политическую ситуацию в целом, так и конфессиональную обстановку в каждом отдельном регионе.

Основной целью «исламского радикализма» является изменение места и роли исламской религии в жизни современного общества. Его приверженцы отвергают господствующие в обществе ценности и политическую практику светского государственного устройства как не соответствующие нормам мусульманской религии. Радикально настроенные верующие представляют собой наиболее активную, хотя и меньшую часть мусульманской уммы. И в этой социальной группе явно преобладает молодежь как наиболее пассионарная часть мусульманской уммы, но она же является и

самой необустроенной ее частью. Потому именно молодежь легче и быстрее других слоев общества впитывает в себя радикальные идеи и воплощает их в жизнь.

Поскольку современный мусульманский радикализм воспринимает в качестве главного врага исламской цивилизации Запад, он и направлен против всего западного. По утверждению многих отечественных аналитиков, радикализм в исламском облики является «реакцией на политику навязывания общественных порядков, образа жизни, культуры и морали буржуазной Европы» (Абдуллаев М.А. «Исламский фундаментализм и формы его проявления», Махачкала, 2004, с. 152).

Антизападная ориентация исламского радикализма проявилась уже в политической доктрине ассоциации «Братья-мусульмане», которая была создана в Египте в 1920-е годы и чьим основателем был Хасан аль-Банна (1906–1949). Этот школьный учитель, ставший в последующем видным теологом, и считается одним из первых теоретиков политизированного ислама. Созданная им организация, выступавшая как оппозиционная традиционной египетской монархии религиозно-политическая сила, ориентировалась на достаточно образованные, но неимущие слои городского населения: мелкую буржуазию, интеллигенцию, младших офицеров, отдельных представителей духовенства, учащихся общеобразовательных школ и студентов вузов.

Задачей своей организации Хасан аль-Банна видел защиту исламской религии и ее приверженцев от атеизма и секуляризма, от духовно-нравственной деградации мусульман, которая происходит под тлетворным влиянием Запада и его ценностей. Он исходил из того, что ислам – это «вера и культ, родина и нация, религия и государство, дух и тело мусульманина». Хасан аль-Банна считал важнейшим направлением деятельности созданной им организации политическое объединение мира ислама в единое целое («ал-ватан ал-ислам», букв. «исламская родина»). Для этого, как он считал, необходима абсолютная исламизация общественной, государственной и личной жизни, и при этом такая исламизация, которая целиком базируется на возврате к исходным положениям исламской религии. Одновременно он допускал в некоторых случаях возможность истолкования положений Корана и Сунны в духе времени.

По мнению Хасана аль-Банна, все это должно усилить роль исламской религии и мусульманской уммы в современном мире. Лозунгом «Братьев-мусульман» стали слова: «Бог – наша цель,

Пророк – наш руководитель, Коран – наша конституция, джихад – наш путь, смерть во имя Бога – наше высшее стремление». В 40–50-е годы прошлого столетия египетская ассоциация «Братья-мусульмане» уже имела боевую организацию, осуществлявшую террористические акты против представителей власти (Султанов Ф.М. «Ислам и татарское национальное движение в российском и мировом мусульманском контексте: История и современность», Казань, 1999). Экстремистское крыло «Братьев-мусульман» представлял последователь Аль-Банни, крупнейший идеолог исламского радикализма Сейид Кутб (1906–1965), который внес существенный вклад в разработку идеологической концепции «обвинения в неверии и ухода от мира» («ат-такфир ва-ль-хиджра»). Суть концепции заключается в обосновании забвения мусульманами шариата как основного источника власти «ал-хакимийя ал-исламийя», что и стало причиной утверждения в исламской среде духовного невежества «джахилийя», неприятия истинного Аллаха и подлинной веры, распространения многобожия и поклонения иному помимо Аллаха «ширк». Избирательная актуализация вероучительных положений позволила Кутбу, вопреки исламской традиции, разделить человечество на мусульман, строго придерживающихся законов шариата, и «неверных» («куффар»), а не на мусульман и немусульман, как это было принято традиционно. При этом он стал утверждать невозможность примирения и компромисса между мусульманами и неверными. Таким образом, Кутб относит к числу неверных, с которыми недопустим компромисс, и большинство мусульман.

С. Кутб полагал, что земля ислама «дар ал-ислам» – это исключительно те государства, в которых высшим законом является шариат. Остальные земли – это «дар ал-харб». В его интерпретации мир погряз в невежестве «джахилийи». В нем пребывают христиане с иудеями, идолопоклонники и вероотступники, атеисты и коммунисты, т.е. все те, кто не поклоняется единому Аллаху и не придерживается идеи абсолютного подчинения Господу миров. Кутб считал грех идолопоклонства тягчайшим из грехов и представлял идеологии секулярного мира в качестве новых идолов. Для мусульманина же важна принадлежность к мусульманской умме, а не его национальность. Национальность мусульманина целиком поглощена исламом.

В книге «Социальная справедливость в исламе», где Кутб разрабатывает краеугольные социальные установки своей радикальной доктрины, утверждает, что все общественные проблемы

разрешимы только на основе Корана. Ислам опирается на принцип социальной солидарности и приоритет общественных интересов, сбалансированных с личными интересами членов общины. Ислам и социализм, по его мнению, – это две непримиримые системы взглядов и образа жизни. Социализм, коммунизм и капитализм относятся к высшей ступени «джахилийи», поскольку эти мировоззрения исходят из приоритета материального над духовным, тогда как в исламе упор делается на соединении всех духовных, моральных и социально-экономических элементов, определяющих жизнь человека, социальные условия, материальный достаток.

Развивая идеи Кутба, Абд ас-Салям Фараг, основатель ультра-радикальной египетской организации «Аль-Джихад», разработал фанатическую доктрину, которая стала идеологической платформой деятельности многих современных террористических групп. В своей доктрине он агитировал убивать мусульман, которые игнорируют нормы шариата, призывал к вооруженной борьбе с властями, с идолопоклонством, с приверженцами других религий, с неверующими. Фараг утверждал, что вероотступник хуже неверующего, «с ним нужно воевать, пока он не вернется к Суду Аллаха и его посланника и не перестанет судить ни в большом, ни в малом другим судом» (Малашенко А.В. «Неприятие фундаментализма как его зеркальное отражение», НГ-религия, 1997, 25 дек.).

Логика современного радикального ислама базируется на теологической модели, отождествляющей суть ислама с ее буквальным выражением. Эта модель, исходящая из концепции Абд аль-Ваххаба и его сподвижников, сегодня модернизирована при помощи новых идей и расстановок акцентов, которые усиливают ее политическую составляющую. Способы и методы аргументации своих взглядов у адептов радикального ислама примитивны, они создают лишь видимость истинности и обоснованности концептуальных положений. Подкрепляя собственные идеи и домыслы произвольными ссылками на Коран и Сунну, они пошли по пути упрощения и искажения авторитарных источников ислама.

Подобное упрощение нашло свое выражение в таком расширенном толковании понятия «враг ислама», что в эту категорию оказались включенными все, кто не разделяет взгляды радикалов. Понятно, что радикальное религиозное рвение должно быть на кого-то направлено, что оно требует четкого разделения на «чужих» и «своих», «образа врага». Поэтому радикальная идеология и представляет большинство мусульман вероотступниками, наносящими еще больший вред религии, чем открытые враги ислама. Не

имеет значения, называют ли они себя мусульманами или нет, определяющим здесь оказывается отношение мусульманина именно к радикальной трактовке мусульманской веры и ее авторитарных источников. Таким образом, идеологи радикализма объявляют врагами истинной религии всех, кто не разделяет их примитивные мировоззренческие представления и видение религиозного культа.

Мы можем утверждать, что исламский радикализм сегодня находится в целом в стороне от магистральной линии развития исламской цивилизации. Это подтверждается тем, что наиболее распространенные формы бытия ислама в XX в. в период активизации радикальных религиозных течений не мешали экономической и социально-политической модернизации исламского общества. Важным направлением модернизации исламского мира оставался поиск путей сочетания традиционных исламских ценностей с социально-политическими и иными доктринами, распространенными на Западе. Как отмечает А. Игнатенко («Центральная Азия и Кавказ», 2001, № 1), на протяжении 60-х – начала 70-х годов в ряде арабских стран стал формироваться «прогрессистский политический ислам», «ислам, тяготеющий к социализму» и, более того, «прогрессистский, даже социалистический ислам».

Одновременно с этим проявляли себя и радикальные идейно-политические движения, которые опирались на концепцию «обвинения в неверии и ухода от мира» («ат-такфир ва-ль-хиджра»). Активизация этих движений, в частности в Египте, совпала с переориентацией внешнеполитического курса страны и ее вступлением в стратегический альянс с Западом. В такой ситуации активисты радикальных движений стали рассматриваться в качестве союзников прозападно настроенного режима «в борьбе против атеизма и коммунизма». В Афганистане подобное наблюдалось в 80-х годах прошлого столетия, когда «исламский фактор» интенсивно эксплуатировался в интересах Запада против Советского Союза. Такого же сценария придерживается американо-израильско-саудовский стратегический альянс, провоцирующий вооруженные конфликты, перевороты и «цветные» революции по всему арабо-мусульманскому миру и сегодня.

Однако радикализация современного ислама началась значительно раньше, а именно в период окончания Первой мировой войны, когда в мусульманском мире завершилось создание колониальной и полуколониальной систем. Исламский терроризм, основывающийся на радикальной идеологической доктрине, связываемой с исламской религией, стал ответом на насильственный

передел территории проживания мусульман между странами Антанты. Но его утверждению и повсеместному распространению способствовал целый ряд причин.

1. Организационное оформление радикальной идеологии. Именно в это время отмечается активизация деятельности религиозно-политических организаций, которые заявили о себе как оппозиционные колониальным властям, проповедовали радикальные идеологию и практику, систематически прибегали к насилию и террористическим методам как средству достижения своих политических целей. Так, организация «Братья-мусульмане» отличалась фанатической приверженностью идее воссоздания халифата как теократической социально-политической системы, основанной на положениях Корана и нормах шариата.

2. Произвольное утверждение границ между отдельными арабскими государствами вследствие колонизации исламского мира. Эта причина и сегодня остается существенным фактором фанатичного неприятия населением одних арабских государств интересов и политики других, провоцирующим пограничные трения, этнические конфликты, сепаратистские движения.

3. Организованное младотурками в 1915 г. массовое истребление армянского населения в Османской империи. Геноцид за короткое время унес жизни около 1,5 млн. армян, еще свыше 600 тыс. армян были угнаны в пустыни Месопотамии. Это привело к возникновению радикальных националистических организаций, вызвало фанатичную ненависть армянского населения к мусульманам, породило радикальную идеологию и политическую практику мести. Так, армянской националистической партией «Дашнакцутюн» была проведена операция «Немезис», направленная на устранение вождей младотурок, объявленных виновными в осуществлении геноцида армян. В результате была ликвидирована часть руководителей Азербайджанского мусаватистского правительства (Петросян Д. «От боевых организаций к общественно-политическим», Кишинев, 2002).

После Первой мировой войны курдская проблема превратилась в значимый фактор радикализации ислама. Курдам была обещана государственная независимость, однако и по сей день они остаются разобщенным народом, хотя их численность превышает 20 млн. человек. Отсутствие реальных перспектив решения курдского вопроса, создания независимого Курдистана радикализирует сознание курдского населения, провоцирует возникновение

экстремистских организаций, использующих террористические методы практической реализации своих целей.

Существенным фактором политизации и радикализации ислама сегодня остается и палестинский вопрос, спровоцированный созданием в 1948 г. вразрез с решениями ООН на территории Палестины Государства Израиль. Такой поворот событий привел к вооруженному конфликту, затем переросшему в арабо-израильскую войну, в результате которой более миллиона палестинского населения оказалось вытесненным в соседние страны. В среде этих мусульман стали одна за другой возникать радикальные религиозные организации, поставившие своей целью уничтожение израильского государства и создание арабского Палестинского государства. Взятые на вооружение этими организациями террористические методы и средства поддерживаются многими мусульманами и арабскими странами, рассматривающими поползновения еврейского государства как «проникновение сионизма в Палестину и вызов арабской нации и исламу» («Исламский фактор в международных отношениях в Азии»: Сб. статей, М., 1997, с. 80).

На радикализацию ислама оказала свое влияние и американская экспансия на Ближнем и Среднем Востоке. С 20-х годов XX в. США расширяют свое присутствие в этом регионе, превращающемся в мировой центр добычи нефти. Радикальные антиамериканские настроения возбуждает и стратегическое партнерство США с Израилем. Военно-политическое продвижение США в регионе под предлогом обеспечения общественной безопасности, прав и свобод граждан, демократических ценностей и пр. и вовсе вызывает в мусульманской умме фанатичную ненависть ко всему западному. Вторая мировая война и ее последствия для арабского мира привели к появлению новых причин радикализации исламистских политических организаций, активизации их террористической деятельности. К ним, прежде всего, относятся социально-экономические проблемы и порождаемые ими последствия (социальное расслоение мусульманской уммы, рост безработицы при высокой рождаемости и увеличении продолжительности жизни, разгул преступности и коррупции, усиливающиеся миграционные процессы и пр.), которые в совокупности создавали благоприятную почву для развертывания террористической деятельности экстремистских организаций.

Так, провозглашением в Иране исламской республики в феврале 1979 г. было спровоцировано возникновение радикальных религиозно-политических движений в ряде арабских стран,

настроенных на создание «Всемирного халифата» и «экспорт» идеалов исламской революции. Усилению политизированного ислама способствовала и бессмысленная война, развязанная Советским Союзом в Афганистане (1979–1989), которая не просто привела к росту антисоветских настроений среди мусульман, но и превратила радикальные исламистские организации в мощную военно-политическую силу. Однако после вывода из Афганистана контингента советских войск США и их союзники, осуществлявшие подготовку боевиков и планировавшие перенос боевых действий на территорию Советского Союза, сами оказались объектом террористических атак радикальных организаций мусульман и боевиков-моджахедов, вернувшихся после окончания войны в свои страны.

К числу особо значимых причин активизации исламского радикализма, разрастания сферы его террористической деятельности относятся процессы, вызванные крушением мировой системы социализма и распадом СССР. Прежде всего, это такие процессы, как банкротство идей социализма, на который как на наш более справедливый общественный уклад ориентировались некоторые страны Ближнего и Среднего Востока. К таким процессам относятся и стремительная исламизация стран социалистического лагеря, республик бывшего Советского Союза, традиционно мусульманских регионов Российской Федерации. Все они и привели к стремительному заполнению исламом радикального толка образовавшегося идеологического вакуума.

Таким образом, ислам фундаменталистской направленности, лежащий в основе радикализма и способствующий росту террористической активности, привел к широкому распространению в постсоветском пространстве различных деструктивных идеологий. Радикальные исламские учения, в частности салафизм-ваххабизм, основываются на обвинении в неверии и идее священной войны за веру. В главных противников радикальных идеологий превратились США и Израиль. В этом аспекте становится понятным и образный призыв лидера «исламской революции» Р. Хомейни: «Если каждый мусульманин выльет ведро воды на Израиль, наводнение уничтожит это сионистское государство».

Радикальный настрой политизированного ислама сегодня поддерживается усилением военно-политической экспансии США в регионах с разведанными огромными запасами нефти и преимущественным проживанием мусульман, но объявленных «зоной жизненно важных интересов Америки». Военная операция в Аф-

ганистане, устранение иракского диктатора С. Хусейна и оккупация страны, «арабская весна» 2011 г. и продолжающиеся по сей день спровоцированные Западом «демократические» процессы в арабских государствах, другие действия США и его союзников приводят к активизации террористической деятельности исламских радикальных организаций по всему миру.

Радикализация политизированного ислама в современном мире во многом объясняется негативным отношением мусульманской уммы ко многим политическим, культурным, нравственным ценностям западной цивилизации. Мощный социальный протест мусульман, который направлен не только против Запада, но и против лояльно настроенных к нему собственных правящих режимов, вызывает и «ползучая» вестернизация. Наступление Запада в экономической и политической сферах, в области науки и инновационных технологий, привнесение быта и нравов, нетрадиционных социальных связей расшатывают привычные ценности и установления исламской уммы. Они ведут к болезненной ломке традиционных структур мусульманского общества, которое в стремлении не остаться на задворках истории тяжело приспосабливается к требованиям модернизации хозяйственной жизни и процессам глобализации.

Но глобализация «по-американски» оказывается еще одним значимым фактором нарастания радикальных настроений среди мусульман. Суть такой модели глобализации заключается в установлении «господства международной диаспоры финансовых спекулянтов над нациями, теряющими экономический суверенитет» (Панарин А. «Искушение глобализмом», М., 2002, с. 9). Все иные попытки завуалировать эту суть лозунгами о содействии развитию «стран Третьего мира», борьбе с диктаторскими режимами, об утверждении в них демократических форм и ценностей ничего принципиально не меняют.

Росту числа людей, привлекаемых в радикальные религиозные движения, способствуют и внутренние процессы, происходящие в мусульманских странах. Модернизация экономики и глобализация «по-американски» обернулись для Востока быстрым обнищанием городского населения, высокими темпами маргинализации крестьянства, что привело к пополнению социальных низов восточного города гигантской массой сельских маргиналов. За последние десятилетия большинство традиционно аграрно-крестьянских арабских стран перестали быть таковыми в результате урбанизации. Это вытолкнуло за грань бедности массы людей,

воспитанных в мусульманских традициях. Сегодня свыше 40% городского населения остаются безработными, не имеют достойных условий жизни, что превращает места массового проживания мусульман в своеобразный социальный пороховой погреб. Только в одном Египте, по данным Арабского фонда социально-экономического развития, насчитывается около 2 млн. безработных, по большей части молодежи со средним или высшим образованием (Панарин А. «Искушение глобализмом», М., 2002, с. 8).

Подтверждением этого является значительно меньшее проявление социального недовольства в тех восточных регионах, где глобализация и «вестернизация» проходят менее болезненно. К примеру, в странах Юго-Восточной Азии (Индонезия, Малайзия), где доминирует ислам, который обрел определенную гибкость в условиях относительно «глобализированного» и «капитализированного» многоконфессионального общества. В странах же Северной Африки, Ближнего Востока, Южной и Центральной Азии, на большом пространстве от Бангладеш и Пакистана до Марокко и Западной Африки складывается совершенно иная ситуация. Здесь политизированный ислам радикального толка обрел прочную почву, он заявил о себе и в общинах, образуемых мусульманскими иммигрантами в странах Европы и Северной Америки.

Обнищавшее и отчаявшееся население, склонное к крайним способам выражения социального протеста, все чаще обращается к архаичному эгалитаризму и уравнильным принципам ранней мусульманской общины. Политически неискушенным людям вожди-вдохновители деструктивного радикализма указывают на забвение Корана и шариата, заветов Пророка, истинных предписаний религии как на причины всех их несчастий и бедственного положения. Они объясняют их как следствие вредных новшеств, внедряемых нехорошими «мусульманами-вероотступниками», лицемерами, атеистами и пр. Поэтому представители маргинальных слоев мусульманской уммы и становятся, по преимуществу, надежной опорой радикальных движений. При этом нельзя сбрасывать со счетов и то, что весомую роль в провоцировании подобных движений сыграли и идеи национализма.

Наиболее активными носителями радикальных идеологий выступают те конфессиональные группы, которые заинтересованы в консервации или восстановлении шариатской формы правления. В этом полностью и безусловно заинтересовано лишь antimoderнистское исламское духовенство, которое не имеет исторических

перспектив. «Это вызвано тем, что секуляризация стран распространения ислама приводит к вытеснению духовенства из общественной жизни в ходе модернизации и превращению его в исчезающий класс, за исключением модернистов, которые в той или иной степени адаптируют ислам к изменяющимся историческим условиям» (Журавлев И.В. и др. «ЦА и Кавказ», 2001, № 1, с. 169).

Всеми обозначенными нами выше причинами и вызван всплеск активности исламского радикализма, предстающего как требование «возврата к истокам» и истинной религии. Исламский радикализм сегодня играет определенную роль и в жизни российского общества. Ему подвержены разные социальные слои регионов России с преобладающим мусульманским населением. Интенсивность проявлений радикализма находится в зависимости от конкретных социальных условий бытия людей. В наибольшей мере радикализировано сознание исламской молодежи республик Северного Кавказа. Причины радикализации сознания исламской молодежи обнаруживаются в экономических, политических, социальных, этнических, конфессиональных процессах, характерных постперестроечной России. В немалой степени радикализация ислама была обусловлена разрушением устоявшихся общественных институтов, гражданских, семейных традиций в 1990-е годы прошлого столетия, образовавшимся после распада СССР идеологическим и духовно-нравственным «вакуумом». Разброд и шатания в сердца и умы верующих-мусульман внесли социальная нестабильность и бытовая неустроенность. Тому в немалой степени поспособствовали две «чеченские» войны и последующий всплеск экстремистской и террористической активности на Северном Кавказе.

Однако мы должны отметить, что радикализация сознания мусульманского населения России происходит не по классической схеме, когда обострение социально-экономических проблем вызывает к жизни идеологию, а затем эта идеология внедряется в сознание масс и в последующем находит свое внешнее проявление в радикальной практике. Логика проявления и утверждения радикального сознания в исламской среде оказалась несколько иной: в ситуации образовавшегося идеологического «вакуума» пропаганда радикальных идей в форме салафизма и ваххабизма привела к радикализации сознания части мусульман, которые воспользовались сложившейся неблагоприятной социально-экономической и политической ситуацией и предприняли попытки практического воплощения радикальных идей в социальную жизнь.

Первоначально радикальные идеи политизированного ислама проявились на Северном Кавказе, затем медленно, но верно стали расползаться по другим регионам России. Прирастая недовольными слоями общества, криминальным элементом и даже представителями государственной власти, исламский радикализм стал неуклонно расширять географическое и социокультурное пространство своего влияния. Сегодня с радикально настроенными приверженцами ислама, среди которых немало и этнических русских, правоохранительные органы уже сталкиваются и в Поволжье, и за Уралом, и даже на Дальнем Востоке. По всей видимости, духовно-нравственная общность и идентичность социально-экономических условий жизни во многих регионах России оказались благоприятной средой для радикализации сознания. Если первоначально радикализации было подвержено сознание лишь представителей маргинальных слоев общества, криминальной среды, наркоманов и прочих социальных субъектов, находящихся не в ладах с законом, то в последующем произошло значительное расширение социальной базы радикализма. Сегодня в среде радикально настроенных верующих можно встретить ученых-интеллектуалов, аспирантов, студентов вузов, государственных и муниципальных служащих, работников правоохранительных органов. Более того, появление в этой среде образованной и материально обеспеченной части верующих стало широко использоваться идеологами исламского радикализма как в пропагандистских целях, так и в качестве аргумента интеллектуальной насыщенности и социальной значимости своих иллюзорных деструктивных целей.

В этой ситуации удивляет то, что иные интеллектуалы, недальновидные чиновники, ангажированные представители отдельных СМИ наперебой стали отрицать детерминированность радикализма социально-экономическими, политическими, конфессиональными причинами. Причины радикализации ислама, активизации исламского экстремизма и терроризма стали усматриваться исключительно во внешнем финансовом и идеологическом воздействии, пробелах воспитания и образования, слабостях пропагандистской работы институтов гражданского общества и т.п. Никто не отрицает значимости этих факторов. Однако не они определяют радикальное состояние сознания верующих-мусульман, а более приземленные причины экономического, социального, политического характера. Потому и дерадикализация исламского сознания требует комплексного решения всех этих проблем. Но власти, которая оказалась не в состоянии проводить последова-

тельную и продуманную экономическую и социальную политику, оказалось на руку переключить общественное мнение на внешние факторы и второстепенные причины.

Причин радикализации религиозного сознания молодежи, проживающей в Северокавказском регионе и в конфессиональном отношении идентифицирующей себя с исламом, много, но доминантными остаются социально-экономические и политические. Общеизвестно, что этот регион России является наиболее трудоизбыточным, безработица здесь приобрела массовый характер, имущественное расслоение граждан достигло беспрецедентных размеров, коррупция, клановость, кумовство не имеют аналогов в других регионах России, а выборы и назначения на ответственные должности давно превратились в открытую куплю-продажу возделенных мест. Именно здесь произвол чиновников и представителей правоохранительных органов достиг таких масштабов, что люди предпочитают защищать свои интересы нелегитимными средствами, нередко при помощи оружия. Эти условия остаются и по сей день благодатными для радикализации сознания исламской молодежи, которой проводники радикальных идей, прикрывающиеся исламскими лозунгами, указывают в качестве выхода из создавшейся ситуации вооруженную борьбу с властью и конституционными устоями демократического светского государства.

Конкретные шаги, которые предпринимаются властью для решения проблемы дерадикализации сознания, нам представляются не только бессистемными и непоследовательными, но и явно недостаточными. Так, к примеру, согласно программе социально-экономического развития СКФО, в регионе предполагается создание до 2025 г. 400 тыс. рабочих мест. Но даже если эти места и будут созданы, они не решат проблемы безработицы. Во-первых, этого количества рабочих мест явно недостаточно для обеспечения занятости всех нуждающихся. В одной только Республике Дагестан, где проживает менее одной трети населения СКФО, больше безработных среди трудоспособного населения, чем запланированное количество рабочих мест на территории всего округа. Даже по официальным данным из республики ежегодно в поисках заработка в другие регионы России выезжают более 200 тыс. человек. Во-вторых, через 13–15 лет в силу только естественного прироста населения нуждающихся в работе станет в 1,5–2 раза больше, чем сейчас. А нерешенность проблемы трудоустройства превратит часть этого населения в социальную базу религиозного радикализма.

Молодежи, как наиболее пассионарной части общества, характерен максимализм, она хочет всевозможных благ здесь и сейчас, а не в отдаленном будущем. К тому же молодые люди клюют на романтику, они ощущают себя робингудами, защищающими интересы обиженных и обездоленных. А вожди-вдохновители исламского радикализма методично внушают им чувство богоизбранности, обещают райские блага в вечной жизни. Чтобы хоть как-то дерадикализировать сознание исламской молодежи, до нее необходимо доносить подлинно гуманистические идеи ислама. А для этого требуется знакомить подрастающее поколение с ценностями подлинного ислама, культивировать в формирующемся сознании идеи толерантности, интернационализма, патриотизма и пр. А это задача не столько органов государственной власти, сколько институтов гражданского общества.

Еще одним фактором, радикализирующим сознание исламской молодежи в регионе, является увлеченность специальных структур государства силовыми методами борьбы с отдельными носителями радикальных идей. Политики, определяющие стратегию и тактику противодействия радикализму, отождествляют проблему преодоления экстремизма как социального явления с борьбой против конкретных экстремистов и тем самым показывают абсолютное непонимание диалектики общего и единичного. Радикализм и экстремизм как социальные явления преодолеваются комплексным решением назревших экономических, политических, социальных проблем, тогда как конкретные личности, вставшие на этот скользкий путь и не поддающиеся перевоспитанию, уничтожаются силовыми средствами.

Сегодня Российскому государству явно не хватает понимания того, что «точечными» ударами и спецоперациями, «кинжальными» ударами по экстремистам, похищениями и пытками не уничтожить идеи радикализма. Тактика силового противодействия необходима и важна для уничтожения тех, кто уже встал на этот скользкий путь, кто нарушил закон и должен ответить за свои действия по всей строгости. Тактика борьбы с конкретными носителями радикальных идей должна иметь профилактический характер, в этом случае она может удержать часть молодежи от приобщения к радикальным идеям. Подлинная же борьба и профилактика экстремизма и терроризма заключаются в преодолении причин возникновения и распространения в обществе радикализма как иллюзорно-утопической идеологии и деструктивной формы социальной практики. Но если и впредь политика государства бу-

дет ориентирована не на системное качественное изменение общества, преодолевающее радикализм как социальное явление, а лишь на ликвидацию экстремистов, то место одних уничтоженных боевиков будут занимать другие.

Очевидно, что радикализм, сопряженный с исламом, предстает как одна из глобальных опасностей для человеческой цивилизации в целом и Российского государства в частности. Современные инновационные технологии дают радикалам мощные разрушительные средства. Сегодня радикальные организации, в отличие от минувших эпох, в попытках преобразования мира в соответствии со своими безумными идеями и по своим утопическим программам могут нанести всей земной цивилизации колоссальный ущерб и даже уничтожить ее. Поэтому помимо выяснения сущности, анализа истоков и причин, уяснения специфики проявления радикализма в современном мире актуальной научной и практической проблемой остается системная, комплексная модернизация общества, придающая ему новое гуманистическое качество.

«Исламоведение», Махачкала, 2012 г., № 2, с. 4–14.

З. Хабибуллина,

кандидат исторических наук

(ИЭИ УНЦ РАН им. Р.Г. Кузеева, г. Уфа)

ДОРОГА В МЕККУ: ВОССТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПАЛОМНИЧЕСТВА МУСУЛЬМАН В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

В конце XX в. после долгих гонений на конфессии в общем процессе возрождения ислама восстанавливается и развивается культура паломничества мусульман. В современной России государство держит курс на создание благоприятных внутренних и международных условий для организации хаджа. Для этого мобилизуется потенциал государственных, административных, материально-технических, финансовых, международных и кадровых ресурсов, негосударственных общественных и религиозных объединений во всех регионах России.

В советские годы главной причиной ограничения паломничества в Мекку и Медину было отсутствие дипломатических отношений между Советским Союзом и Саудовской Аравией, в связи с этим возникала необходимость получения визы для советских граждан через третью страну. Количество и состав паломников

строго регламентировались, «хадж по-советски» был равноценен туристическим поездкам из СССР в капиталистические страны. Многие, совершившие хадж в конце 1920-х годов, были репрессированы. Отношение к организации паломничества мусульман несколько изменилось после Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., когда 25 человек от всех четырех муфтиятов, контролирующих мусульманское сообщество Советской России – Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана, Духовного управления мусульман Закавказья, Духовного управления мусульман Северного Кавказа и Духовного управления мусульман Европейской части СССР и Сибири, – получили возможность выезда в хадж. Кандидатуры проходили строжайший отбор и проверку органами безопасности. Хадж совершали в основном номенклатурные деятели культуры, секретари ЦК среднеазиатских компартий и официально признанные муфтии.

Возможность свободно отправляться в хадж у российских мусульман появляется с конца 1980-х – начала 1990-х годов. Первая большая группа паломников из СССР (около 1,5 тыс. человек) после десятилетий запрета впервые прибыла в Мекку в 1990 г. Ее возглавил верховный муфтий Т. Таджуддин. По сообщению уполномоченного по делам хаджа в Комиссии по вопросам религиозных объединений при Правительстве РФ И. Умаханова, если к 2000-м годам паломники выезжали менее чем из десяти регионов России, то в 2012 г. возможность совершить хадж реализуют жители 55 регионов страны.

Количество желающих совершить хадж в России с каждым годом увеличивается в среднем на 30%. В общероссийском масштабе основная масса паломников – из Республики Дагестан (80%), на втором месте паломники из Чечни, на третьем из Ингушетии, остальное число распределяется между Москвой и Уралом-Поволжьем. Высокая популярность исполнения мусульманами пятого столпа на Северном Кавказе объясняется особенностями ислама на данной территории, высокими темпами его возрождения, близостью расположения мест паломничества в Саудовской Аравии, деятельностью меценатов, среди которых наиболее известны Р. Кадыров и сенатор от Дагестана С. Керимов. Ими ежегодно приобретает около 5–6 тыс. путевок для благотворительной раздачи среди малоимущих мусульман. Северный Кавказ достиг и превзошел предреволюционный уровень развития ислама (количество и состав приходов, масштабы хаджа, религиозного образования и т.д.). Особенности ислама в Северо-Кавказском ре-

гионе выделены Д. Макаровым: устойчивость здешней исламской традиции; наличие собственных организованных и активных диаспор в мусульманских странах; обстоятельства социально-экономического, этно- и геополитического плана; более жесткая политическая культура и психология; ограниченные масштабы религиозного взаимодействия и взаимовлияния. Также на интенсивность развития ислама немаловажное влияние оказывает уровень социально-экономической развитости регионов, преимущественная сфера трудовой занятости населения, формы его расселения и социоприродной адаптации («Ислам в советском и постсоветском пространстве», Казань, 2001, с. 49–51).

В связи с активным ростом числа паломников в святые для мусульман города Мекку и Медину, проблема организации хаджа в региональном и российском масштабах в настоящее время становится весьма актуальной. Число российских паломников в Мекку за последнее десятилетие возросло многократно и в настоящее время превышает официальную квоту, которую Саудовская Аравия по согласованию с ОИК установила для всех стран мира еще в 1987 г. – по одному паломнику от каждой тысячи проживающих в стране мусульман. За основу при определении квоты на хадж для России берется максимальное число российских мусульман – 20 млн. С 2007 г. квота для Российской Федерации составляет 20,5 тыс. человек. Это количество паломников зафиксировано в подписанном в Мекке в апреле 2009 г. российско-саудовском Протоколе по приему российских паломников.

В 2002 г. был образован координационный орган духовных управлений мусульман – Совет по хаджу при Правительстве Российской Федерации. Его основными задачами стали: формирование хадж-делегации для переговоров с Министерством по делам хаджа Королевства Саудовская Аравия по вопросам определения квоты для российских мусульман, условий их пребывания, транспортировки, проживания, питания, оплаты пошлин и сборов; формирование и направление хадж-миссии в составе специалистов и представителей духовных управлений мусульман; своевременное определение туристических фирм, обеспечивающих паломничество, согласование их деятельности с посольством КСА; взаимодействие с органами власти в РФ; обмен информацией между духовными управлениями. В настоящее время Совет действует как незарегистрированное общественное объединение, включающее представителей крупнейших ДУМ России, где все решения принимаются большинством голосов. Совет собирается регулярно, рассматривает

общие для всех мусульман вопросы организации хаджа и необходимой поддержки со стороны государственных органов.

Наиболее острой проблемой для Совета по хаджу является распределение общероссийской квоты на паломничество внутри страны. В 2007 г. число желающих совершить хадж превысило официальную квоту. В перспективе российские мусульмане, желающие исполнить пятый столп ислама, будут вынуждены записываться заранее. В исламском мире уже давно сложилась практика ожидания верующими своей очереди в течение нескольких лет. Следует отметить, что квоты в России выделяются не для регионов, а для духовных управлений мусульман. ДУМы, в свою очередь, передают их нескольким туристическим компаниям. Все остальные российские туристические фирмы работают по агентским договорам с той или иной аккредитованной компанией.

Сложившаяся практика распределения квот на хадж исключает конкуренцию между туристическими фирмами, что обуславливает высокую стоимость хаджа для российских мусульман. Духовные управления из года в год выбирают одни и те же фирмы, предоставляя им квоту. В соответствии с законодательством о туристической деятельности и внутренними правилами Саудовской Аравии туроператоры имеют право самостоятельно оформлять желающих выезжать на хадж, заключать договоры с Министерством по хаджу КСА и другими саудовскими ведомствами по всем вопросам организации хаджа, действовать самостоятельно на всех этапах подготовки и организации паломничества. Представители духовных управлений и большинство компаний высказываются против такого формата работы, аргументируя это тем, что при данном положении дел теряется ряд льгот, предусмотренных при деятельности в рамках единой хадж-миссии. Духовным управлениям, накопившим достаточный опыт в решении организационных и финансовых вопросов хаджа, в настоящее время необходимо выйти на общепринятый в мире уровень предоставления услуг при совершении паломничества.

Одним из главных условий исполнения хаджа для российского мусульманина является наличие финансовых средств. Хадж обходится от 80 до 300 тыс. руб. в зависимости от региона. Верующий обращается в Духовное управление или в туристическую фирму, которые берут на себя все организационные моменты, связанные с дорогой, проживанием, медицинской страховкой, консультированием на всех этапах совершения обрядов. Существует бытовое мнение, что из-за удобств современного мира хадж в какой-то степени теряет свой смысл и постепенно превращается

в индустрию, в религиозный туризм. На постсоветском пространстве ситуация усугубляется еще одним феноменом – модой на религию. Однако практикующие мусульмане считают, что хадж отдельного человека должен быть принят Аллахом, т.е. в жизни паломника, если он правильно выполнил все обряды во время хаджа, обязательно должны произойти какие-либо положительные изменения. Одним из наилучших дел для мусульманина является «безупречный хадж», т.е. свободный от грехов и удостоенный божественного одобрения и милости.

В целом для российских мусульман характерна устойчивость традиции паломничества. В перспективе будет увеличение численности паломников в Мекку, что обусловлено развитием мусульманского социума в стране и в определенной степени зависит от социально-экономического уровня жизни населения. Рост количества паломников-хаджи имеет ряд результатов. Во-первых, российские мусульмане в большей степени, чем прежде, интегрируются в общее мусульманское сообщество. В советские годы простые верующие крайне мало были знакомы с культурой и бытом исламских стран. Во-вторых, в настоящее время прослеживается поворот части верующих в сторону ортодоксальности, особенно среди молодых мусульман. В-третьих, хаджи составляют элитную часть внутри сообщества верующих, могут оказывать воздействие на формирование общественного климата у себя на родине и имеют определенный потенциал влияния на развитие процесса политизации и радикализации ислама. Мусульманин, совершивший хадж, воспринимается своими единоверцами как человек, ставший более близким к Богу, познавший его волю и приобщившийся к неким тайнам бытия, пользуется высоким авторитетом.

Совершение хаджа – один из главных маркеров принадлежности мусульман страны к мусульманской умме и один из важнейших элементов взаимодействия Российского государства с общиной своих мусульман и странами мусульманского Востока. Возможность реализации паломничества верующих – одна из основ функционирования России как поликонфессионального государства. Совершение хаджа и умры мусульманами России в прошлом и в настоящее время – это большой пласт евразийской культуры, который необходимо сохранить. В современной России хадж признан неотъемлемым столпом ислама и важным элементом международных религиозных связей.

*«Россия и Арабский мир: История и современность»,
Уфа, 2012 г., с. 70–72.*

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Г. Гузельбаева,

социолог

ИСЛАМСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ МОЛОДЫХ ТАТАР В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН (по материалам социологических исследований 2008–2012 гг.)

В течение нескольких последних десятилетий в мире наблюдаются возрождение религиозности и увеличение роли религии на личностном и социальном уровнях, а социологи говорят о «религиозном ренессансе», «религиозном возрождении», «деприватизации» (Х. Казанова) и даже «десекуляризации» религии. Еще нет четкого однозначного толкования этих понятий, но очевидно, что изучение религиозности и ее составляющих сегодня требует нового подхода, так как существует расхождение между меняющейся социальной реальностью и устоявшейся «классической» интерпретацией религиозности.

Обозначим картину конфессионального состава Республики Татарстан (РТ) в целом. Согласно данным социологического исследования, проведенного в феврале-марте 2012 г. научно-исследовательским коллективом кафедры социологии Казанского федерального университета (объем выборки – 1590 единиц), большинство опрошенных жителей РТ (89,5%) называют себя мусульманами или православными, лишь незначительное число респондентов заявляют о своей принадлежности к другим религиям, затрудняются с ответом или не относят себя ни к какому вероисповеданию (см. табл. 1).

Итак, исследование по критерию самоопределения показало, что чуть более половины опрошенных татарстанцев исповедуют ислам. Необходимо отметить, что религиозное возрождение, характерное для всех российских народов и конфессий с конца XX в., в России более активно проявилось в отношении мусуль-

ман. Один из наиболее ярких примеров – рост исламской идентичности в РТ.

Таблица 1

**Доля представителей различных конфессий
в РТ по критерию самоопределения, 2012 г.**

Представители конфессий	Доля среди опрошенных жителей РТ
Мусульмане	50,5%
Православные	39%
Другие религии	0,5%
Не соотносят себя с религией	6%
Затрудняются с ответом	4%

Свидетельствами данного процесса, с одной стороны, являются восстановление старых и строительство новых мечетей с начала 90-х годов XX в.; рост числа людей, которые их посещают, появление мусульманских изданий, открытие мусульманских учебных заведений, создание и активность религиозных организаций и исламских инициативных групп. С другой стороны, это подтверждают данные социологических опросов последних полутора десятков лет в РТ, которые показывают, что религия для татар важнее, чем для представителей других этнических групп, которые традиционно исповедуют не ислам. Среди татар больше верующих, старающихся соблюдать религиозные обычаи и обряды, меньше колеблющихся и неверующих.

Давая оценку степени религиозности и особенностям религиозного поведения населения, социологи обычно утверждают, что в России женщины религиознее мужчин, старые люди – молодых, необразованные – образованных, а сельские жители – горожан. Однако постмодерновые процессы в совокупности с некоторыми другими факторами ломают эту ситуацию, и мы видим другие, порой противоположные, тенденции. Одни из носителей этих новых тенденций – татарский этнос в целом и татарская молодежь в частности. Именно особенностям религиозной идентичности молодых татар в РТ и посвящена настоящая статья.

В социологии в 1960–1970-е годы был заложен подход к изучению и эмпирическому измерению религиозности, согласно которому религия – понятие многомерное (Ч. Глок, Р. Старк, Г. Ленски, Ё. Фукуяма, Д. Фолкнер, Г. де Йонг и др.). В рамках этого подхода религиозность рассматривается как целостная система, которую

невозможно зафиксировать и измерить посредством одномерной шкалы, а следует оценить путем разложения на несколько осей. Например, Ч. Глок выделял принятие и содержание религиозных верований, обрядовую составляющую, личные религиозные переживания, знания о вере и вероучении и в качестве дополнительного, результирующего измерения – проявление религиозности в повседневной жизни (последнюю шкалу некоторые исследователи, например Ё. Фукуяма, сознательно упускают). В конце 60-х – начале 70-х годов разворачивается дискуссия среди социологов и психологов о том, какое количество измерений необходимо для адекватного анализа религиозности.

П. Хилл и Р. Худ в 1999 г. выделили два уровня анализа (их подход часто называют иерархическим): общая религиозность (самоидентификация с определенным верованием и оценка собственной религиозности) и частные проявления (религиозные верования и практики). В большинстве современных исследований религии и религиозности подробно бывают представлены два измерения – верования и практики. Избрав этот подход, мы измеряем религиозность через такие показатели, как вера в Бога, самоидентификация с определенной конфессией, а также принятие ее доктрин, принятие и исполнение религиозных предписаний, в том числе частота молитв, посещение храма и священных мест, соблюдение поста и пр.

Наряду с проблемой выбора шкал и индикаторов измерения религиозности в последнее время возникает и проблема соответствия традиционного, «классического» понимания религиозности последним тенденциям в изменениях социальной действительности, а также сознания, поведения и мотивов человека относительно религии. «Классический» подход предполагает, что религиозный человек, помимо того что верит в Бога, обязательно принадлежит к определенной конфессии, молится, ходит в храм, совершает религиозные обряды / таинства / ритуалы и / или участвует в них, читает духовную литературу, является членом религиозной общины, ведет определенный образ жизни, придерживается определенного комплекса взглядов.

Долгое время «классическая» концепция религиозности соответствовала социокультурной ситуации и давала адекватные оценки социальной действительности. Однако с определенного момента (в России – с конца 80-х – начала 90-х годов XX в.) сама объективная ситуация начинает меняться. Во-первых, культура теряет свою антирелигиозную направленность: борьба с религией

утратила свою актуальность. Во-вторых, религиозность обрела новые характеристики. Если в традиционном обществе предполагалась массовая религиозная идентичность (это гарантировала традиция), то теперь сами субъекты, носители религиозных взглядов и ценностей, становятся активными и начинают рефлексировать.

Таким образом, методологические принципы, составлявшие основу «классической» концепции религиозности (традиционной религиозности), должны быть пересмотрены. Часто человек приходит к религии уже в сознательном возрасте (раньше или позже, в зрелом, в молодом, очень молодом возрасте, но не «с пеленок»), и нередко это осуществляется через осознанный выбор.

Новая концепция изучения религиозности не предполагает отказа от классических показателей – внешние проявления остаются значимыми признаками религиозного поведения, однако они перестают играть определяющую роль в понимании религиозности, поскольку они, как писал Ч. Глок, не позволяют измерить то, что называется религиозным опытом. Акцент смещается с внешних показателей и индикаторов на внутреннюю направленность сознания.

Эти признаки не являются постоянной величиной, потому что часто они усвоены в процессе не столько первичной, сколько вторичной социализации, и, следовательно, процесс их усвоения и интернализации может растягиваться на долгие годы, к тому же не существует четкого понятия о норме, нет обязательного для всех индивидов перечня признаков религиозности. Кроме того, традиционные показатели ничего не говорят о мотивации человека в его обращении к вере и религии, о ее силе и качественных характеристиках. Соответственно, старая, классическая концепция религиозности плохо описывает современную ситуацию и не может быть надежной основой для прогнозов относительно ее развития.

Религиозность в период позднего модерна обязательно включает в себя рефлексивный момент. Поэтому важными показателями являются религиозная и конфессиональная идентичности человека. Основной критерий религиозности – внутренняя установка, вера, религиозная направленность сознания.

Обратимся к анализу сложившейся ситуации в отношении уровня религиозности молодых татар в РТ. Сопоставление результатов опросов, проведенных в РТ с 1999 г., дает основание для вывода о том, что возрождение религии носит не случайный, а поступательный характер. В таблице 2 представлена динамика уровня религиозности татарской молодежи в РТ с 1999 по 2011 г.

Данные приводятся по материалам опросов группы под руководством Р. Мусиной (1999–2000), Е. Ходжаевой и Е. Шумиловой (2001; 2004), Г. Гузельбаевой (2008; 2011).

Таблица 2

**Уровень религиозности в динамике:
Результаты социологических исследований
среди татарской молодежи РТ в 1999–2011 гг. (в %)**

Отношение к вере	1999–2000	2001	2004	2008	2011
верующие	70,2	66,5	76,2	89,5	89,3
неверующие	16,7	15,8	9,7	3,2	3,1

Социологические исследования последних лет, начатые во второй половине 90-х годов XX в., позволяют утверждать, что процессы религиозного возрождения среди мусульман в Татарстане в несколько большей мере затрагивают молодежь, а также что степень ее религиозности не зависит от уровня образования и места проживания (можно даже говорить о несколько более быстрых темпах исламизации образованной молодежи в крупных городах, особенно в Казани).

Данные опроса, проведенного автором статьи, показывают, что повышение уровня религиозности происходит в среде молодых образованных людей несколько интенсивнее, чем в других социокультурных слоях. В РТ одним из наиболее активных центров повышения религиозности (а пожалуй, и самым активным) стал город Казань с большим количеством университетов. Это подтверждается и анализом текущей ситуации. Иллюстрацией этого служат такие открытые выступления и организации городской молодежи, как:

– акции, связанные с требованием разрешить женщинам-мусульманкам фотографироваться на паспорт в хиджабах (причем активистками этого движения выступали не только выходцы из сельских районов, но и молодые женщины из городских интеллигентских кругов);

– религиозная организация «Сознание», созданная несколько лет назад студентами и аспирантами «элитных» факультетов ведущих казанских вузов;

– организованное студентами ряда вузов Казани (Казанский государственный (ныне – федеральный) университет, финансово-экономический институт, Российский исламский университет) не-

формальное движение мусульманской молодежи, участники которого неоднократно поднимали вопрос о предоставлении мест для чтения намазов в татарстанских вузах;

– молодежный центр исламской культуры «Иман»;

– движение «Алтын Урта» (организационно это группа в социальной сети «ВКонтакте», сформировавшаяся и набирающая активность в 2011–2012 гг.), которое объединяет исламское студенчество Казани и пытается решить такие проблемы, как организация халяльных блюд в студенческих столовых Казанского федерального университета, и др. (в названии группы используется игра слов: оно созвучно с Алтын Урта («Золотая Орда»), но в переводе с татарского означает «золотая середина»).

С целью детального изучения новых тенденций в самосознании и поведении татарской молодежи автором данной статьи в 2008–2012 гг. было проведено социологическое исследование социокультурных ценностей молодых татар (в возрасте от 16 до 28 лет). Методы исследования – два массовых опроса с объемом выборки по 1500 человек каждый (репрезентативные по основным социально-демографическим показателям – пол, возраст, уровень образования и место проживания) и глубинные интервью, в которых приняли участие 50 респондентов. Проект осуществляется при содействии Фонда поддержки и развития научных и культурных программ им. Ш. Марджани (г. Москва).

Чтобы судить о степени религиозности молодых татар, необходимо выяснить их идентичность (или ее отсутствие) и в качестве мусульманина, и в качестве верующего, а также степень влияния религии на их повседневное поведение и жизненные взгляды. Поэтому религиозность изучалась нами по двум основным параметрам – религиозное сознание (верования) и религиозное поведение (практика).

1. Религиозное сознание (верования)

Итак, по данным наших социологических исследований 2008 и 2011 гг., можно уверенно сказать о достаточно высоком уровне религиозной идентичности среди молодых татар: верующими себя считают 89,3% татарской молодежи. Данные опроса представлены в таблице 3, за основу градации по степени религиозности взята шкала Д.М. Угриновича с объединением позиций «неверующий» и «атеист» в силу их синонимичности в сознании наших современников. Среди молодых татар 92,2% утверждают, что они принад-

лежат к исламу, 3,8 – к другой религии, оставшиеся 4% – ни к какой.

Таблица 3

**Уровень религиозности татарской молодежи
в РТ (2011 г., массовый опрос,
руководитель – Г. Гузельбаева)**

Степень религиозности	%
глубоко верующие	5,3
верующие	84
колеблющиеся	7,5
неверующие	3,1
нет ответа	0,1

Говоря о конфессиональной самоидентификации татар, можно отметить, что практически все татары – мусульмане. Есть лишь небольшое меньшинство православных татар. Отождествление татар с исламом стало частью этнической идентификации, и это можно уложить в формулу: «Если ты татарин – значит, ты мусульманин». Однако порой татары могут соотносить себя с исламом, вообще не веря в Бога (такие случаи зафиксированы в ходе нашего опроса).

Кратко остановимся на тех, кто отождествляет себя с православием (и христианством). Около половины из них являются татарами-крещеными (или крещеными татарами). Это представители татарского субэтноса, которые, по официальным данным 2010 г., составляют 1,5% от всех татар, проживающих в республике (или 0,8% от всего населения Татарстана). Другая часть молодых татар, назвавших себя православными, – это дети от смешанных браков (русско-татарских или иных). Доля татар-православных, родители которых исповедуют ислам, незначительна и составляет 0,3%. Таким образом, и среди татар-мусульман, и среди татар-православных выбор религии в основном определяется этнической традицией.

Несмотря на достаточно высокий уровень религиозного сознания, далеко не все верующие татары выполняют обязательные религиозные предписания. Из всех опрошенных 43% утверждают, что они придерживаются религиозных ценностей и стремятся соотносить свои поступки и мысли с религиозными правилами; 57% молодых людей ценности, которых они придерживаются, называют общечеловеческими.

2. Религиозное поведение (религиозная практика)

Остановимся на внешних, поведенческих показателях религиозности мусульманской молодежи Татарстана. Говоря о религиозном поведении, следует отметить, что в большей степени проявление веры у значительной части людей обычно сводится к участию в обрядах, связанных с рождением ребенка, заключением брака и смертью человека.

Как известно, даже нерелигиозные люди обращаются к религии в подобные переломные моменты жизни. Около 80% молодых татар считают обязательным при заключении брака проходить церемонию никаха и при рождении ребенка совершать обряд имянаречения (*исем кушу*); 16% не считают их необходимыми. Не придают этим церемониям никакого значения лишь 4% татарской молодежи.

Отдельный вопрос, который в последние годы активно исследуется социологами, касается ношения молодыми мусульманками хиджаба – одежды особого стиля (это в первую очередь платок, повязываемый так, чтобы не были видны волосы и шея, а также одежда, открывающая лишь кисти рук и стопы).

Более трети молодых татар (38%) одобрительно относятся к тому, что татарские девушки носят хиджаб. Еще 48% равнодушны к этому явлению. Лишь 14% представителей татарской молодежи это не нравится. Сложнее обстоит дело, когда речь идет о том, чтобы самим использовать этот стиль одежды в публичной социальной жизни.

Лишь 5% девушек носят хиджаб. Еще 14% хотели бы его носить, но не делают этого по разным причинам. Глубинные интервью показали, что есть несколько причин отказа от ношения платка: некоторые до сих пор опасаются неодобрительного отношения окружающих; другие практикующие ислам девушки считают, что они пока еще не готовы и не достойны носить хиджаб. В целом 48% девушек заявили, что не будут носить платок. Этот вопрос вызвал затруднения у трети молодых татарок, они так и не смогли на него ответить (33%). 5% молодых мужчин считают ношение платка обязательным (эта доля равна доле девушек, которые уже носят платок), не возражают против этого 29% юношей. Категорически против того, чтобы их девушка носила платок, выступают 39% молодых людей, а 16% выразили свое совершен-

ное равнодушие к этому вопросу. В отличие от девушек, меньшая доля юношей затруднялась с ответом на этот вопрос – лишь 11%.

Таким образом, значительная часть татарской молодежи не приветствует ношение хиджаба (однако существенна и доля приемлющих ношение платка, что говорит об изменении в религиозной ситуации).

О повышении степени религиозности во внешней, обрядовой ее части можно судить также по тому, что за последние 20 лет произошел существенный сдвиг в приобщении к практике моления, посещения храма, поста и других ограничений, предписанных исламом. Сегодня умеют совершать намаз 19% молодых татар. Но читают его регулярно – пять раз каждый день – лишь 5% опрошенных; молятся по правилам совершения намаза, но реже (несколько раз в неделю), 3% молодежи. Не по правилам совершения намаза, но часто молятся 38% татар, а 35% знают короткие молитвы, но произносят их редко. Вообще не молятся 20%.

По результатам нашего исследования, регулярно ходят в мечеть 14% опрошенных (каждую неделю ходят в мечеть 4,5%, 2–3 раза в месяц – 4%, примерно раз в месяц – 55%). Ходят в мечеть редко, несколько раз в год, в том числе по праздникам, 43% татарской молодежи. Не ходят никогда 43% (при этом следует помнить, что ислам не требует от женщины обязательных посещений мечети). Соблюдает уразу в целом 31% молодых татар (причем 8% постятся в течение всего времени, а 23% – лишь в некоторые дни). Не соблюдают уразу 60%. Никогда не едят свинину и не употребляют спиртные напитки 17% молодежи, стараются ограничить себя в этом 27%. Не соблюдают запрет ислама на алкоголь и свинину примерно 54% молодых татар.

Одним из значимых аспектов влияния религии на повседневное поведение является степень важности конфессиональной принадлежности и силы веры спутника жизни (супруга, партнера). Так, для 47% молодых татар очень важны и конфессиональная принадлежность, и степень религиозности и веры будущего супруга / супруги. Не вполне важно это для 41%, а совершенно неважно – для 11%.

Вообще говоря, татарская молодежь придает достаточно большое значение общности отношения к религии в семейной жизни. Не высказывают желания вступить в брак с немусульманином 55% (26% говорят при этом жесткое «нет»), а смогли бы избрать в качестве спутника жизни человека другой веры 45% молодых людей. Причем для 10% молодежи важнее, чтобы супруг был

мусульманином, чем татарин, а для 45% важнее, чтобы муж или жена были одной с ними национальности. Это в очередной раз подтверждает мысль о том, что в самосознании татарской молодежи этнические ценности в целом превалируют над религиозными, а религиозные часто рассматриваются как часть этнической культуры.

Для 24% респондентов важным является и татарское происхождение супруга, и его принадлежность к исламу, а 21% не считает важным ни то, ни другое. 18% молодых людей проводят четкую параллель между татарским происхождением и исламом, т.е. в их представлении татарин обязательно должен быть мусульманином. Однако большинство – около двух третей (65%) – этой версии не придерживаются.

Молодые татары очень толерантно относятся к представителям других религий: так, 60% заявляют, что они относятся к ним дружелюбно, еще 35% – нейтрально. Чувство настороженности представители других конфессий вызывают у 4,3% опрошенных, а чувство неприятия – лишь у 0,7%. Особый вопрос – толерантность внутри самих татар. Можно хорошо и даже дружелюбно относиться к православным, иудеям и прочим, иметь их среди своих друзей (что характерно для татар, которые несколько столетий мирно живут с русскими и другими этническими группами), но другое дело – толерантно относиться к представителю своей религии, который сознательно перешел в другой «лагерь». Поэтому мы спросили молодых татар о том, как бы они отнеслись к знакомому татарину-мусульманину, если бы он принял православие. В этом вопросе православие выбрано потому, что оно традиционно воспринимается татарами как «противоположная» и в определенной степени чуждая религия, несмотря на то что сам ислам толерантно относится к христианству. Выяснилось, что этот факт не вызвал бы осуждения у 64,5% опрошенных (36,5% не осудили бы, 28% вообще остались бы равнодушными к такому факту). Осудили бы переход татарина-мусульманина в другую религию в целом 35% татарской молодежи, причем 7,5% даже постарались бы ограничить общение с таким человеком.

Типологический анализ с использованием методики построения индексов по уровню религиозного сознания и поведения показал, что в среде молодых людей можно выделить группу глубоко религиозных мусульман, которые составляют 6% от общего числа татарской молодежи и проявляют высокую степень религиозного самосознания (исламской идентичности). Это подтверждает

ются их поведением, ориентированным на каноны ислама: они исповедуют ислам, считают себя верующими людьми; религия является тем ориентиром, с которым они стараются соотносить свои мысли и поступки; они соблюдают обязательные требования ислама – при заключении брака и рождении ребенка считают необходимыми мусульманские обряды (никах, имянаречение), регулярно молятся и совершают намаз, посещают мечеть (мужчины), придерживаются ограничений в еде и одежде согласно шариату, в выборе спутника жизни предпочтение отдают мусульманам.

Эта группа относительно невелика, и мы можем предположить ее дальнейший рост, хотя, вероятно, незначительный. Одна из причин предполагаемого численного увеличения этой группы молодых людей заключается в том, что многие из них не пассивны, а включены в социальную жизнь, причем их активность часто связана с исламом (иногда с желанием публично продемонстрировать свою приверженность исламу), со стремлением решить проблемы, с которыми сталкиваются мусульмане.

Этот факт подтверждает мысль социолога Хосе Казановы о деприватизации религии в современном мире. Он пишет, что религия отказывается принимать маргинальную и приватную роли (которые ей отводят теории модерности и секуляризации) и выходит в публичное пространство.

Мы можем сделать еще один важный вывод, который подтверждается как массовым опросом, так и глубинными интервью. Большинство молодых мусульман придерживаются мнения, что современный человек имеет право личного выбора религии и веры (так считают большинство даже тех респондентов, чья религиозность была сформирована в детстве, в семье). Это свидетельствует о том, что в РТ постепенно появляется весомая часть молодых мусульман, для которых приход в ислам и углубление в вере преимущественно осуществляются на основе самостоятельных религиозных поисков, выбора, рефлексии над вероучением, а не только (и не столько) под давлением семейного окружения.

Итак, среди татарской молодежи РТ отчетливо наблюдается тренд новой религиозности, при которой приход к вере и исламу сопровождается осмыслением, личной внутренней установкой на религию, порой сочетанием второстепенности следования обрядам со стремлением выйти с идеями, наполненными религиозными смыслами, в публичное пространство.

В заключение приведем свои соображения о некоторых причинах повышения религиозности мусульман в Татарстане.

1. Подъем религиозности населения России прежде всего объясняется тем, что в постсоветское время появилась реальная возможность удовлетворения духовных запросов посредством религии. Немаловажное значение имеет и определенная мода, которая идет от сверстников и подкрепляется СМИ и религиозными организациями.

2. Отметим, что бóльшая религиозность татар по сравнению с русскими отмечается историками и для дореволюционного времени, и для первого десятилетия советской власти. Сегодня молодые татары чаще, чем русские, называют своих бабушек, дедушек и родителей верующими людьми и говорят о своем «религиозном» воспитании. Только 9% сказали, что среди их родителей, бабушек и дедушек нет (или не было) религиозных людей.

3. Для татар, которые ощущают себя меньшинством в Российской Федерации и живут в стране, все больше на государственном уровне и в СМИ подчеркивающей свою православность, ислам выполняет роль барьера против ассимиляции в иноэтническую и иноконфессиональную общность.

В России в последние два десятилетия укрепляется роль Русской православной церкви на государственном уровне. На это татары «отвечают» усилением влияния ислама и ростом мусульманской идентичности, а также апелляцией к светскому характеру государства и идее равенства религий. В ответ на строительство храма Христа Спасителя они строят мечеть Кул Шариф в Казанском кремле, а в ответ на попытки введения в школах предмета «Основы православной культуры» говорят о предмете «Основы ислама».

4. В Татарстане действует и такой фактор, как более активная и более успешная (по сравнению с православием в России) пропаганда ислама со стороны миссионеров из арабских государств и молодых россиян, прошедших обучение в исламских странах.

5. Татары в большей степени, чем представители других этнических групп, видят в религии средство возрождения этнической культуры. Татары-горожане, особенно в крупных городах, во многом ведут себя так же, как русские: значительная их часть даже в быту и в кругу семьи говорит по-русски, они разделяют те же ценности, что и русские (во многом это ценности западной культуры). Исключение составляет, пожалуй, лишь религиозная сфера. Причем молодые татары чаще, чем русские, называют своих бабушек, дедушек и родителей верующими людьми и говорят

о своем «религиозном» воспитании. Это связано отчасти со стремлением к сохранению национальной идентичности, что заставляло татар более позитивно относиться к исламу, чем русские (этническому существованию которых было гораздо меньше угроз) относились к православию. Степень атеизации татарского сознания в советские годы была меньше, чем русского.

В тенденции роста исламской идентичности много неизученных моментов, поэтому проект «Исламская идентичность татарской молодежи в РТ» будет продолжен в 2012 и 2013 гг.

«Ученые записки Казанского университета.

Гуманитарные науки»,

Казань, 2012 г., т. 154, кн. 6, с. 76–86.

Д. Лавриненко,

кандидат политических наук

(ИСЭГИ ЮНЦ РАН)

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ЭКСТРЕМИЗМА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Сегодня несомненной является связь между частотой событий, которые можно отнести к проявлениям терроризма, и ростом этнополитической напряженности в северокавказском макрорегионе. Происходит реполитизация этничности после периода ее относительной деполитизации в середине первого десятилетия XXI в. Еще один важный тренд – политизация религиозных процессов. Оба эти фактора играют все большую роль в политических процессах на Юге России, при этом религия используется как инструмент эскалации этнополитической напряженности. Представляется, что наиболее продуктивным подходом к анализу процессов и проблем, продуцирующих экстремизм и терроризм, является конфликтологическая парадигма.

Конфликтологическая парадигма понимает общество как систему, подверженную изменениям, систему, в которой неизбежны притязания групп, сопровождающиеся перемириями и столкновениями. Это первое отличие данного подхода от ставшего традиционным для социальных наук структурно-функционального анализа, представляющего конфликт как социальную дисфункцию. Второе отличие конфликтологической парадигмы в том, что в ее рамках конфликт рассматривается как функциональный, его функция – в разрешении противоречий. Важно оговориться, что

большое значение имеют средства, которыми это достигается. Именно этим объясняется необходимость овладевать искусством управления конфликтами. Из конфликта можно выйти по типу «взаимный выигрыш», но это не гарантировано. Такой вариант исхода конфликта достигается путем совместной деятельности сторон.

В рамках общей теории разрешения и предупреждения конфликтов социальный конфликт – следствие ущемления совокупности человеческих потребностей, которые составляют реальную личность человека как активного субъекта социальных процессов. Иными словами, человек, сталкиваясь с тем или иным противоречием, стремится разрешить его, и, собственно, эта деятельность называется конфликтом.

Понятие «социальный конфликт» как столкновение двух и более субъектов социального взаимодействия находит множество интерпретаций у представителей различных направлений в конфликтологии, что справедливо как в зарубежной, так и отечественной науке. Вне зависимости от того, какой может представляться природа конфликта, конфликт – порождение социальной среды, а исследование любого из его видов как автономного, изолированного явления не представляется возможным.

В качестве исходного может выступать представление о том, что конфликт заключается в противоречии на стадии его реального разрешения. Тем не менее даже на основе повседневного опыта известно, что не всякое противоречие приводит к конфликту, хотя противоречия пронизывают все сферы социальных отношений. Необходимым условием превращения противоречия в конфликт является его осознание субъектом как препятствия на пути достижения целей и интересов. Следовательно, сознание и духовный мир участников конфликтной ситуации имеют определяющее значение для ее возникновения, протекания и разрешения. В практическом плане это означает, что участники конфликта действуют ситуативно. Важно понимать, что они могут изменить свои цели и стратегии. Конфликт на более поздних этапах может выглядеть иначе, чем на этапе его возникновения.

Это особенно характерно для конфликтов с выраженным этническим компонентом, имеющим большое значение в современных политических конфликтах. Например, это касается конфликтов, возникающих на территории полиэтничного Северо-Кавказского региона: своего рода правилом стало то, что любой конфликт, если в нем участвуют люди разных национальностей,

развивается как этнический независимо от причин его возникновения.

Соотнесение социальной действительности с социально значимыми ценностями может породить чувство глубокой неудовлетворенности, создать ощущение, что определенные политические изменения могут обеспечить достижение целей в относительно короткий срок. Если такое расхождение оказывается значительным, а недовольство приобретает массовый характер, возникают мотивы участия в протестных действиях. В зависимости от характера конфликтного взаимодействия позиции его участников могут измениться, может произойти радикализация их требований.

Под радикализмом нами понимается политическая идеология и практика, направленная на системно-институциональную перестройку общества в рамках правового пространства государства, открытую и легитимную. При этом следует отметить, что радикализация политических требований может в свою очередь привести к росту экстремистских настроений.

В контексте исследования современного терроризма нам не удастся избежать вопроса о взаимосвязи этнополитических процессов на постсоветском пространстве, частью которого является Северный Кавказ, и радикализации исламского движения. Не удастся, поскольку, как справедливо отмечают авторы коллективной монографии «Радикализация исламских движений в Центральной Азии и на Северном Кавказе», начавшиеся в конце 80-х – начале 90-х годов XX в. возрожденческие процессы практически во всех религиях на постсоветском пространстве не могли обойти стороной и ислам. Возрожденчество объективно предопределило политизацию и, как следствие, радикализацию исламского движения в постсоветских странах. Особенно значимо эти процессы протекали и до сих пор фиксируются в наиболее исламизированных регионах бывшего Советского Союза – в Центральной Азии и на Северном Кавказе. Однако, как пишет В.В. Наумкин, успешное научное освоение существующих в современном исламе течений, доктрин и движений осложнено нерешенностью вопроса о дефинициях, необходимых для концептуализации.

Очевидная и весьма тесная связь между религиозными и политическими процессами там, где религия продолжает оказывать значительное влияние на политическое поведение населения, позволяет сегодня говорить о религиозно-политическом процессе. В основном речь идет о регионах – традиционных ареалах распространения ислама. Современная наука оперирует целым набором

понятий, характеризующих религиозно-политические процессы: «исламский фундаментализм», «политизация ислама», «политический ислам», «радикализация ислама», «радикальный ислам», «исламизм», «исламский экстремизм» и даже так называемый «исламский терроризм».

Конечно, в зависимости от политических условий того или иного исторического периода, изменения политических векторов отдельных государств, в конце концов в зависимости от научной традиции, отношение к отдельным религиозно-политическим явлениям меняется, как меняется и отношение к проводникам этих процессов – лидерам религиозных групп, политических систем. Кроме того, общество не стоит на месте – оно оказывается в новых условиях, явления обретают новые черты, формируются новые политические цели. Научная среда должна фиксировать эти изменения, отражать их в новых подходах, использовать подходы, которые формировались под влиянием другой традиции, иначе практически невозможным становится исследование тех явлений, которые также стали порождением этой традиции. Это прежде всего касается обсуждаемого нами процесса радикализации ислама.

И российские, и западные исследователи ислама злоупотребляют термином «фундаментализм», которым они склонны обозначать широкий спектр известных явлений. Под фундаментализмом в исламе принято понимать течение, требующее возврата к истокам ислама, прежде всего к Корану. Фундаменталисты допускают свободное толкование положений шариата, исключая догмы, ритуал, коранические запреты, поэтому их можно рассматривать и как слугителей, творчески развивающих ислам, и как охранителей его канонов. Разумеется, фундаментализм присущ не только исламу. Известный политолог А.А. аль Малек считает, что фундаментализм является постоянной чертой всех зрелых цивилизаций, культур, наций в периоды конфронтации и глубоко осязаемых угроз либо тупиковых ситуаций, обрывающих прежнее течение жизни. Как пишет В.В. Наумкин, «этот термин, изначально примененный к христианству, обычно относится к тем течениям и движениям, которые иначе называются обновлением (если еще более расширить границы суждения по аналогии, то в этом же смысле возможно употребить и термин “ревизионизм”), либо “салафизмом”, наиболее адекватно объясняющим явление. Как уже пояснялось в немалом числе исламоведческих работ, главной для салафизма (от араб. “салаф” – предки, что, собственно, и делает его “фундаментализмом”) является мысль о том, что на протяже-

нии веков ислам искажался, в него все время привносились новые элементы, в том числе противоречащие исконному исламскому учению». А.В. Малащенко считает, что фундаментализм – это «форма выражения цивилизационной константы», а суть его – в стремлении воссоздать фундаментальные основы своей цивилизации, очистив ее от чуждых новаций, вернуть ей «истинный облик».

Практическая реализация идей фундаментализма, по мнению А.А. Игнатенко, принимает форму исламизма, который можно рассматривать как реакцию на адаптацию ислама к немусульманскому миру, в котором он может видоизмениться или раствориться. Для исламизма, являющегося глобальным дестабилизирующим фактором мирового сообщества, характерна идея исламизации неисламских территорий, в том числе путем их завоеваний. Он представляет собой идеологию и практическую деятельность, ориентированные на создание условий, в которых социальные, экономические, этнические и иные проблемы и противоречия любого общества (государства), где наличествуют мусульмане, а также между государствами будут решаться с использованием исламских норм, прописанных в шариате. Именно таким образом – через постановку тех или иных политических требований – салафизм, или так называемый «исламский фундаментализм», обретая общественно-политическое значение, превращается в исламское религиозно-политическое течение радикального толка – так называемый «исламизм».

В отличие от радикализма термин «экстремизм» изначально использовался в качестве обозначения приверженности к крайним политическим взглядам и методам достижения целей, в отношении политических течений революционной направленности. Такое применение несколько отличается от современного: сегодня термином «экстремизм» обозначают приверженность в политике и идеях к крайним взглядам и действиям.

Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» дает определение экстремизма. Под экстремистской деятельностью понимаются пропаганда, публичные призывы, финансирование, направленные на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности Российской Федерации, захват или присвоение властных полномочий, создание незаконных вооруженных формирований, осуществление террористической деятельности. В законе сказано, что субъектами экстремистской

деятельности могут являться организации, СМИ, группы лиц, отдельные граждане, а объектами – государство и социальные группы, равно и их представители (чиновники, сотрудники правоохранительных органов, граждане).

Во многие справочные материалы вплоть до конца 90-х годов XX в. понятие «экстремизм» не включалось, а раскрывалось в составе дефиниции «радикализм». В отличие от радикализма, характеризующегося легитимностью и легальностью, экстремизм выражается в стремлении реализовать стратегию конфликтующей группы и ее тактику в немедленной деструкции существующей системы, создании общества, идеология которого должна фундаментироваться на конкретных политических концепциях и доктринах. Главной отличительной чертой экстремизма, таким образом, является ориентация на захват власти, дестабилизацию социально-политической обстановки, использование средств и методов борьбы, которые выходят за рамки правового поля, включая насильственные методы, терроризм.

Важной характеристикой экстремизма является неприятие существующих социальных и политических условий, а также целей, заключающихся в их изменении. При этом данная характеристика не является единственной для анализируемого понятия, поскольку иначе практически любое конфликтное взаимодействие можно было бы считать проявлением экстремизма. Р.Г. Абдулатипов считает, что «любая форма экстремизма – это есть навязывание своих идей и ценностей насильственным путем с нарушением прав человека, достоинства человека, прав и достоинств народов или других социальных обществ». «Навязывание» не является важнейшей и конечной целью экстремистской деятельности. На наш взгляд, оно является этапом, сопутствующим любой форме конфликтного взаимодействия, однако применение прямого насилия в конфликте происходит отнюдь не всегда.

Переход от радикализма к экстремизму происходит посредством целеполагания и выбора средств достижения цели. Одна из конфликтующих сторон может усомниться в способности системы предложить удовлетворяющее решение или рассматривать ее как объективное препятствие. Это в конечном итоге может привести к постановке таких целей и выбору таких средств, которые будут угрожать существованию системы и безопасности граждан. Так, требование коренным образом изменить принципы миграционной политики (например, существенно ограничить въезд на территорию региона трудовых мигрантов из других регионов страны по

причинам, не связанным напрямую с их социальной принадлежностью) является проявлением радикализма. С другой стороны, попытки самостоятельно выдворить мигрантов, применение психологического и физического насилия по отношению к ним как к представителям определенной социальной группы – проявление экстремизма.

В первом случае радикализм не обязательно связан с национализмом, наоборот, часто речь может идти о таких изменениях в миграционной политике, которые направлены на защиту прав трудовых мигрантов, принадлежащих к той или иной этнической группе. Более того, можно предположить ситуацию, когда в стремлении оказать давление на органы власти в интересах мигрантов та или иная политическая сила в своей деятельности выходит за рамки правового поля, переходит к применению насилия. Таким образом, вне зависимости от того, какие ценности отстаивает та или иная политическая группа, ставя крайние цели и прибегая к крайним средствам, она является экстремистской.

Анализируя основные подходы к определению экстремизма, а также российское законодательство в части, касающейся данного явления, мы рассматриваем экстремизм как форму конфликта. При этом основным признаком, отличающим экстремизм от радикализма и умеренной конфликтности, будет отношение субъектов политического конфликта к социальной системе в широком смысле (в том числе политической), а также их отношение к применению насилия как к политической практике (см. табл.).

Таблица

Признаки уровней конфликтных взаимодействий

<i>Требование</i>	<i>Деятельность</i>
Неподчинение системе, деструкция системы, формирование принципиально новой системы	Неконвенциональные формы участия: насильственные методы
Использование системы в значительно или радикально измененном виде	Конвенциональные формы участия: ненасильственные методы
Использование системы в неизменном или незначительно измененном виде	Конвенциональные формы участия: ненасильственные методы

Э.В. Улезко считает, что экстремистскими можно назвать лишь такие действия, которые превышают необходимую степень воздействия, независимо от используемых средств: физического насилия, морального принуждения, экономического давления

и т.д. Автор пишет: «Экстремизм... обостряя ситуацию, доводит ее до крайности, до режущих противоречий, в силу чего спокойное конструктивное решение проблемы, как правило, становится невозможным. Если экстремизм – крайность, то терроризм – крайность – крайность, выступающая скорее как “логическое, но не обязательное развитие экстремизма”. Тем самым экстремизм лишь потенциально способен перерасти в терроризм. В то же время экстремизм может ограничиться сферой идеологических абстракций, тогда как терроризм – явление из области социально-политической практики, хотя и имеющее собственную идеологию. Экстремизм может служить почвой (как идеология, социальная база и т.д.) для терроризма. Точно так же, как и другая, более “мягкая” дефиниция – радикализм – может потенциально перерасти в экстремизм». Следует согласиться с утверждением автора, но с некоторыми допущениями: экстремизм, на наш взгляд, являясь широким социальным явлением, реализуется в политической практике деятельностью, характеризующейся применением насилия, включающей в себя терроризм.

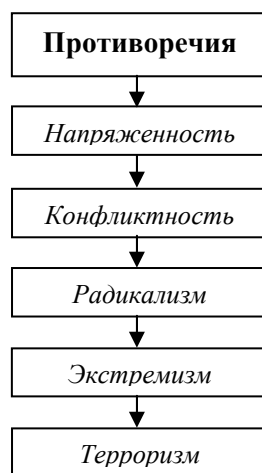
Если мы согласны, что терроризм всегда политически мотивирован и теракты совершаются негосударственными субъектами со слабой легитимностью совершения насилия, тогда логично предположить, что терроризм всегда является проявлением экстремизма. Как считает В.Е. Петрищев, «по существу терроризм является частью экстремизма, так как из широкого ряда его проявлений (мятеж, создание параллельных структур власти, выдвигание ультиматумов, акции гражданского неповиновения, вооруженное сопротивление конституционным органам и т.д.) вобрал в себя наиболее жесткие методы достижения политических целей, допускающие как физическое уничтожение государственных, политических, общественных деятелей, так и убийства рядовых граждан, уничтожение различных материальных объектов». Данное утверждение можно считать ключом к определению связи экстремизма и терроризма (см. рис. 1).

На наш взгляд, если экстремизм – явление, которое главным образом характеризуется выбором целей и средств их достижения, то терроризм можно охарактеризовать как соответствующий им метод. Другими словами, терроризм – одно из практических проявлений экстремистской деятельности.

Ю.Н. Демидов в середине 90-х годов XX в. писал, что терроризм – разновидность конфликта, который возникает вследствие крайнего обострения противоречий между различными общностями-

ми и группами населения и обусловлен различием социальных, экономических, идеологических интересов и целей их деятельности. На наш взгляд, необходимо добавить также и то, что эти противоречия могут возникать между общностями и группами, с одной стороны, и государством – с другой. Терроризм мы рассматриваем как крайнюю форму открытого конфликта, применение насилия в котором обосновывается необходимостью оказать максимально необходимое воздействие на представителей противоборствующей группы для разрешения возникшего противоречия. Экстремистские идеи в обоснование таких действий представляют собой по сути «идеологию терроризма».

Рис. 1. Соотношение форм конфликтных взаимодействий

В роли объекта терроризма выступают население или органы власти, представляющие его интересы, противоречащие интересам субъекта терроризма или представленной им в конфликте стороны. В каких бы действиях ни реализовывался терроризм, все они объединены тем, что террористы стремятся достичь общественного резонанса, а угроза жизни и безопасности становится очевидной.

Мы предлагаем понимать терроризм как метод разрешения возникающих между социальными группами (общностями) и государством противоречий, предполагающий посягательство или

угрозу посягательства на здоровье или жизнь людей как средство воздействия на государство. Терроризм – это форма протекания конфликта, которая характеризуется посягательством или угрозой посягательства на здоровье или жизнь людей, направленного на формирование дискурса незащищенности с целью принуждения к выполнению обществом и властью требований противоборствующей группы.

Данные формулировки учитывают в себе норму российского законодательства и фиксируют наиболее важные характеристики явления в рамках конфликтологической парадигмы. Необходимо признать, что эти формулировки не совпадают с мнением И.П. Добраева и В.И. Немчиной, которые считают, что «идеологическая составляющая терроризма носит именно террористический, а не экстремистский или радикальный характер, поскольку экстремизм представляет собой крайнюю, негативную часть радикализма (радикализм – понятие амбивалентное), а в свою очередь терроризм выступает крайностью экстремизма...» Мы же оставляем за собой право считать, что экстремизм существует в качестве идеологии терроризма, его причин и целей. Экстремизм реализуется в форме терроризма и других преступлений против личности, общества и государства, характеризующих крайние формы конфликтного взаимодействия.

Именно экстремизм, на наш взгляд, выступает и как политическая доктрина, и как средство формирования особой социально-психологической атмосферы, эмоционального отношения к представителям противоборствующей группы, необходимого для поддержки терроризма, и к самим участникам террористической деятельности. Так, Е.Б. Батуева пишет, что:

1) содержание понятия «терроризм» зависит от отрицательного, нейтрального или положительного отношения к этому явлению;

2) отношение к различным видам точечного и диффузного (массового) терроризма различно;

3) особенности отношения (положительное или отрицательное) к социально-политическому и религиозно-этническому терроризму зависят от уровня субъективного контроля человека, особенностей его самооценки и оценки борца за справедливость, стиля поведения в конфликте;

4) размер дистанции между образами «Я» и «Борец за справедливость» и «Я» и «Террорист», идентификация человека либо с борцом за справедливость, либо с террористом зависят от особенностей самооценки, оценки борца за справедливость и террориста,

размера дистанции между образами «Борец за справедливость» и «Террорист». Сходство или различие этих образов связано с удовлетворенностью материальными условиями;

5) образы террориста и борца за справедливость могут быть слиты в единый образ, и именно это, возможно, влияет на двойственность оценки терроризма.

Для нас наиболее важными являются три последних вывода автора. Информация, распространяемая лицами, аффилированными с экстремистскими и террористическими организациями, направлена на формирование дискурса, согласно которому экстремистская и террористическая деятельность выступает как «борьба за справедливость», «за права угнетенных», происходит героизация участников этой деятельности, формирование негативного образа противника, «демонизация», уничтожение. Обоснование этого может фундироваться на политических и религиозных идеях различной направленности, что представляет собой идеологический уровень конфликтного процесса.

Отсутствие консенсуса в ответе на вопрос, какова связь между этнополитическими противоречиями и ростом протестной активности, в том числе с привлечением экстремистских и террористических методов, приводит к принятию решений, которые зачастую «бьют мимо цели». Сегодня на Северном Кавказе мы можем наблюдать различные проявления всех уровней регионального конфликтного процесса: идеологического, организационного и деятельностного. Демонстрируя примеры этих проявлений, мы умышленно не ограничиваем их контекст только северокавказским макрорегионом – это позволяет нам указать на перспективы, которые видятся самим участникам конфликтного процесса, а также на системность, общероссийский характер проблемы. Мы считаем необоснованной излишнюю акцентуацию риторики на проблемах Северного Кавказа, хотя и признаем, что социально-политический «ландшафт» региона накладывает отпечаток на все процессы, которые характерны для России как страны, находящейся в условиях антинормальной социально-политической трансформации.

Действия государственной власти на Северном Кавказе еще до недавнего времени в основном представляли собой реакцию на внешние проявления конфликтных ситуаций, а не на их причину; совершались попытки скрывать и замалчивать факты их возникновения. Отчасти благодаря этому в 2009 г. состоялся переход с умеренно-негативного конфликтологического сценария на негативный. Наличие проблем и противоречий, загнанных в глубь

социально-политического дискурса, но не разрешаемых, и сегодня создает возможность для обоснования утверждений о нежизнеспособности существующей социально-политической системы, чем активно пользуются экстремисты в своей риторике.

Интересным является высказывание министра иностранных дел Великобритании Д. Миллибэнда, которое приводится исследователями Р.Я. Эмануиловым и А.Э. Яшлавским в монографии, посвященной исследованию экстремизма и терроризма: «Идея “войны против террора” давала впечатление об объединенном, транснациональном враге, воплощенном в фигуре Усамы бен Ладена и “Аль-Каиде”. Реальность состоит в том, что мотивации и особенности террористических группировок несопоставимы. “Лашкар-и-Таиба” имеет корни в Пакистане и озабочена Кашмиром. “Хезболла” утверждает, что выступает за сопротивление оккупации Голанских высот. Шиитские и суннитские повстанческие группировки в Ираке имеют мириады требований. Они столь же многообразны, как и европейские движения 70-х годов (ИРА, группа Баадера-Майнхоф и ЭТА). Все использовали терроризм и иногда поддерживали друг друга, но их цели не были едиными, а их сотрудничество было оппортунистским. Так обстоит дело и сегодня». На наш взгляд, хотя причины роста этнополитической напряженности могут быть совершенно различными, радикализация политических требований и распространение экстремизма в целом соответствуют региональным социокультурным и политическим условиям. «В мотивированном этнонационалистическими и сепаратистскими соображениями экстремизме отчасти может быть обнаружен прообраз религиозно мотивированного экстремизма – в той степени, в какой та или иная конфессия играет отличительную роль для идентификации того или иного этнического сообщества... из чеченского националистического сепаратизма выросло салафито-джихадистское движение на Северном Кавказе».

Среди факторов террористической активности выделяется внутривнутриполитический. Сепаратизм и национально-освободительные движения, а также религиозные, этнические, идеологические конфликты называются самыми частыми основаниями терроризма, что особенно актуально для российского Кавказа. Экономические проблемы, по мнению А.В. Цопановой, могут косвенно влиять на проявления терроризма. Она делает вывод о том, что подавляющее большинство террористов являются представителями среднего класса, а их лидеры происходят из обеспеченных слоев населения, занимающих высокое социальное положение.

Тем не менее в пользу экономических причин воспроизводства терроризма говорит теория рационального выбора: «Беднейшие слои населения являются “человеческим ресурсом” терроризма, основной группой вербовки». Экономическая незащищенность выступает в качестве аргумента в поддержку террористической деятельности («нечего терять»), а строгость наказания – аргумента против («жизнь / свобода дороже»). Однако, как отметил в одном из своих выступлений полпред в Северо-Кавказском федеральном округе А. Хлопонин, он не считает верным распространенное мнение о том, что в обострении ситуации в округе виновата в основном безработица. Он же отметил, что «вся конфликтология выстроена вокруг несправедливости и коррупции, и только гражданское общество может эффективно противостоять им», определенно имея в виду причины социально-политической напряженности на Северном Кавказе. Ему вторит руководитель Ингушетии Ю.-Б. Евкуров. Боевики, по его мнению, – это «...в большинстве своем ребята, которые имели работу, достаток, учились или имели образование. То есть они ушли в лес не от безысходности, не из-за безработицы. По крайней мере, в большинстве случаев именно так. Кроме того, мы все понимаем, что отсутствие работы не повод взрываться и взрывать других. Более того, даже среди самых отъявленных бандитов, которые творят беспредел, не было мотива мести. Таких единицы, где экстремизм порождается жесткими акциями силовиков».

В.А. Чуланов и В.Н. Гурба считают, что важнейшим фактором легитимации и общественной поддержки терроризма является идея справедливости. «С древнейших времен справедливость полагалась в качестве важнейшей добродетели и главного принципа мироустройства, – пишут они. – Нормы справедливости соответствуют идеалу общественного устройства и принимаются большинством населения, поскольку они обещают каждому человеку воздаяние по заслугам». Идеал справедливости включает принципы, позволяющие человеку формировать пространство свободной реализации собственных интересов с учетом интересов каждого. Однако принципы справедливости не столь универсальны; они вытекают из универсальной природы человека, но на их содержание оказывают влияние исторические условия, социальные установки, образ жизни социальной группы, общности. Таким образом, складывается собственная шкала оценки справедливого, заставляющая человека специфическим образом оценивать свои и чужие поступки. Отметим, что, на наш взгляд, такой субъективации могут быть

подвержены ценности, явления социальной среды, социальная система вообще. Таким образом, срабатывает формула: «То, что для одного – терроризм, для другого – борьба за свободу».

В поддержку такого мнения можно привести высказывание полномочного представителя Республики Дагестан в Ставропольском крае А. Омарова. В интервью журналу «Экспертиза власти» он говорит следующее: «Вы видели, по городу (Ставрополю. – *Авт.*) расклеены фотографии боевиков. Среди них – двадцатилетний уроженец села Айгурский Апанасенковского района СК. Так вот, в этом районе лет восемь назад выселялись чабанские семьи. Может, и семья этого боевика была несправедливо обижена, и сын подался в лес именно из-за этой несправедливости? А сейчас мы снова возвращаемся к этой практике...»

Некритическое отношение к подобным жизненным ситуациям позволяет использовать их для убеждения против существующей социальной системы, государственного устройства как противоречащих индивидуальным принципам справедливости.

За долгий период социально-политической трансформации произошла дезинтеграция общества к фрагментарным этническим сообществам. Появились самодостаточные общины, живущие по своим законам, создавшие районы компактного расселения, замкнутые производственные коллективы, ограничивающиеся внутренним общением. Доминантой идентификационного пространства Северного Кавказа сегодня становится религия. При этом трансформация социокультурного пространства Северного Кавказа, его религиозного содержания, социально-экономическая ситуация в регионе влияют на качество взаимодействий этноконфессиональных групп друг с другом и государством, создают предпосылки для развития конфликтных взаимодействий.

О значимости религии для жителей Северного Кавказа говорят результаты исследования, которое проводилось в 2009 г. на территории четырех субъектов бывшего ЮФО: в Ставропольском и Краснодарском краях, а также в республиках Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии. Конфессиональная идентичность молодого жителя Юга России является весьма значимой. Как «очень важную» или «важную» ее определили 76% респондентов. Это третье место в «рейтинге идентичностей» молодежи Юга России, и меньшая выраженность этого вида идентичности обусловлена тем, что христианская часть Юга России достаточно секуляризирована.

Терроризм, основанный на экстремистских идеях религиозно-догматического происхождения, – наиболее серьезная угроза. «Для религиозных террористов насилие (или терроризм) – божественный долг, оправдываемый священным писанием (будь то Библия или Коран). Насилие, легитимизируемое религией, делается самоподдерживающимся, поскольку насильственные действия сами по себе рассматриваются как “санкционированные” Богом». Однако знакомство с данными RAND Corporation (<http://rand.org>) позволило сделать следующие выводы относительно влияния религиозного фактора: многочисленные анализы биографий известных членов религиозных террористических организаций показали, что эти люди не получали серьезного религиозного образования и в подавляющем большинстве являются выходцами из семей, придерживающихся весьма умеренных религиозных взглядов. Эти выводы совпадают с теми, которые делает А. Хлопонин, который считает, что «сегодня в исламе не разбираются, в том числе и те, кто им прикрывается». Х. Яхья мыслит сходно: «...поэтому истоки всех террористических актов следует искать не в богобоязненности и вере, а в безбожии и ересях». Нельзя при этом отрицать тот факт, что многие террористы оправдывают свою деятельность религией, и чаще всего в качестве идейной основы терроризма выступает ислам.

Тем не менее, продолжая мысль Х. Яхья, приведем мнение ученых, считающих, что «в последнее время значительную роль в духовной жизни общества стала играть религия, которая попала на благодатную почву, подготовленную действовавшими десятилетиями лозунгами воинствующего атеизма. Однако ситуацией возросшего спроса на религиозные учения, наряду с действующими сегодня общемировыми конфессиями, воспользовались и разнообразные международные религиозные организации, проповедующие свое, альтернативное видение норм религии. Зачастую деятельность таких организаций носит экстремистский характер, так как направлена на насильственное насаждение собственной веры и изменение на этой основе общественно-политической ситуации в том или ином регионе. Религиозные чувства граждан становятся в руках псевдодуховных лидеров эффективным инструментом, с помощью которого они могут направлять их действия не только в русло противоправного, но и преступного поведения». Характерной для встраивания исламистов в современное государство и использования преимуществ демократии является деятельность исламских общественных организаций, как отмечает Б. Долгов, не

обладающих статусом политической партии. Очевидно, что религия является удобным стартом для дальнейшей политической (в том числе экстремистской) деятельности: имеет большое общественно-политическое значение в определенной этнокультурной среде; свобода вероисповедания гарантируется демократическими процедурами; сами демократические процедуры позволяют в дальнейшем добиться власти, не используя экстремистские методы.

Неоваххабизм – ваххабизм той формы, которую уместно рассматривать в связи с современным терроризмом, – несет в себе идеологию, основной характеристикой которой является крайнее неприятие форм реализации личности в духовной, социальной, политической сферах, соответствующих идей и практик, а также социально-политических систем, которые противоречат религиозно-догматическим принципам. Ареал распространения исламского радикализма на Северном Кавказе – это прежде всего Дагестан, Чечня, Ингушетия. Несколько ниже уровень радикализации в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии, однако этот уровень постоянно повышается. Важно понять, каковы причины радикализации религиозно-политической сферы на Северном Кавказе.

Как считают некоторые исследователи, осознание мусульманами своей религиозной идентичности потребовало ее закрепления, в том числе и в политической жизни общества. При этом политизация ислама происходила на разных уровнях и в разных формах. С одной стороны, предпринимались попытки встраивания ислама в политическую систему через создание мусульманских общественно-политических организаций, своего рода попытки формирования нового «чистого ислама», с другой – спонтанная политизация, в том числе и радикализация ислама в малых социальных группах. Отмечено также, что в результате непродуманной и неуправляемой пропаганды традиционалистских ценностей общество стало чрезвычайно восприимчивым к религиозным идеям. То есть в итоге были созданы тепличные условия для развития в Северо-Кавказском регионе радикального исламского подполья. Да и сами лидеры традиционного ислама дискредитировали себя в глазах населения связью с властью, которую исламские радикалы называют коррумпированной.

Как пишут И.П. Добаев, Г.А. Мурклинская, А.В. Сухов и К.М. Ханбабаев, процесс радикализации исламского движения на Северном Кавказе начинался с осуществления так называемого «исламского призыва» и «просветителей». В начале 90-х годов XX в. в Дагестане развернулась религиозная дискуссия между сто-

ронниками традиционного в республике суфийского направления ислама, которых называют традиционалистами, и теми, кто начал подвергать ревизии это направление. Именно тогда в этой республике закладывалась идеология движения, которое впоследствии было названо «ваххабизмом». Малочисленные в то время сторонники этого движения выступали с ревизией суфизма, культа почитания предков.

Среди предпосылок распространения исламского радикализма на Северном Кавказе, во-первых, называется национально-территориальное устройство: сам принцип территориально-административного размежевания по национальному признаку противоречит истории народов Северного Кавказа. Разделенными межгосударственными границами оказались два северокавказских народа: осетины и лезгины. Значительное количество северокавказских народов разделено внутренними (межреспубликанскими) границами. Данный фактор разобщил народы трансграничных регионов и позволил исламистам использовать противостояние между народами Северного Кавказа для активизации своей деятельности.

Во-вторых, политическая борьба на Северном Кавказе неразрывно связана с борьбой за власть между этническими, а также региональными элитами.

В-третьих, для Северного Кавказа характерна так называемая «азиатская», или традиционная, структура занятости. Коренное население занято в основном в сельском хозяйстве и торговле, «приезжие» (главным образом славяне) – в промышленности. Регион трудоизбыточен, причем безработица в первую очередь характерна для сельской местности, где и проживает подавляющая часть коренного населения. Именно традиционный сельский образ жизни коренного населения и предопределяет «механизм» возникновения конфликтов. Абсолютная и относительная перенаселенность Северного Кавказа и одновременно невозможность большей части коренных жителей участвовать в индустриальном производстве порождают социальную напряженность.

Многие из так называемых межнациональных конфликтов на Северном Кавказе произошли из-за пригодных для земледелия территорий – «земельные конфликты». Легко объяснить, почему власти двух горных республик (Северной Осетии и Ингушетии) с таким упорством спорят о территориальной принадлежности Пригородного района. Равнинный земледельческий Пригородный район был основной житницей для потерявших его ингушей и является одной из наиболее плодородных зон в Северной Осетии.

Сложности в экономическом, социальном и политическом развитии на постсоветском пространстве позволяют исламистам активно и целенаправленно использовать людей, не удовлетворенных своим экономическим, социальным положением, активно выражающих политический протест, создавая тем самым благодатную почву для деятельности исламских радикалов в двух трансграничных регионах.

Четвертая причина кроется в самой сути религиозного фундаментализма: подавляющая часть салафитов считают неподобающим для мусульманина подчиняться светским властям и выступают за создание исламского (живущего по законам шариата) государства. При этом в регионах распространения «ваххабизма» около 70% живут в традиционном обществе с практически не изменившимся за годы советской власти укладом, и то обстоятельство, что лучшие его представители выступили против новой системы ценностей, не может не вызывать тревогу. Как отмечает Р.Г. Ланда, главный секрет успеха фундаменталистов (впрочем, отсылительного почти на всем постсоветском пространстве) – их ставка на молодежь. Основная предпосылка радикализации северокавказской молодежи – глубокая религиозность, привитая им с детства. Выросло целое поколение, основой мировоззрения которого выступает религия. Подавляющее большинство участников современного террористического подполья на Северном Кавказе составляют 15–20-летние молодые люди, которые сильно отличаются по своим идейным установкам от поколения 25–30-летних, придерживающихся более светских и умеренных взглядов на жизнь и происходящее в обществе.

В-пятых, росту социальной базы исламских радикалов способствуют неэффективность государственной власти и правовой нигилизм, что характерно практически для всех мусульманских регионов бывшего СССР. Например, в сегодняшнем Дагестане власть фактически поделили между собой две прослойки общества – бывшая партноменклатура и так называемые «новые дагестанцы», т.е. обладающие собственными вооруженными отрядами криминальные авторитеты. «Конфликт дагестанских ваххабитов из села Карамачи с официальной Махачкалой впервые проявился после того, как они отказались платить дань местному криминалитету». В такой ситуации многие из мусульман теряют веру в эффективность действий светских властей и приходят к убеждению, что справиться с беззаконием можно лишь в том случае, если общество будет жить по нормам шариата.

В-шестых, в немалой степени успеху фундаменталистов способствовало их финансовое могущество.

Идеологию современного терроризма, как правило, составляют социально-утопические концепции и взгляды радикализма и нигилизма, насилия и экстремизма в разрешении общественных противоречий и осуществлении социальных преобразований. Комплекс противоречий общественного развития подменяется упрощенными схемами социальной динамики, похожими в большей степени на социал-дарвинизм. Признается «революционность» развития, а не развитие как трансформация. Антиномичное видение мира в рамках бинарной оппозиции «мы – они» проявляется в крайней нетерпимости к инакомыслию, сомнениям. Принадлежность к группе выступает в качестве одной из основополагающих ценностей, групповые нормы идеализируются, общество интернализируется, т.е. становится «обращенным внутрь себя», замыкается само на себе. Отрицаются общечеловеческие ценности, в первую очередь – право других людей на жизнь. Ответные, как правило, силовые, действия со стороны общества имеют противоположный результат – укрепляют целостность группы, уменьшают групповые разногласия, создают моральное алиби.

Сегодня на Северном Кавказе сформирован дискурс, утверждающий непримиримость к гражданскому светскому обществу, имеющий целью создание государства, правовые нормы которого должны основываться на религии, – теократического государства, так называемого «Кавказского Имарата». При этом сепаратистской направленностью в отношении России деятельность террористических групп не ограничивается, поскольку речь идет о включении в борьбу с так называемыми «неверными» всей исламской уммы на территории России и за ее пределами. Прочному утверждению подобных политических и религиозных взглядов способствует апелляция религиозных радикалов к чувствам и вере. Экстремизм и терроризм становятся деятельностным продолжением идей радикализма. Можно сделать вывод о том, что участники конфликтного процесса делают акцент на политико-идеологических аспектах перспектив регионального развития, базой для которого становится религиозное возрождение.

*«Проблемы социально-экономического
и этнополитического развития Южного макрорегиона»
(Г.Г. Матишов и колл. авт.), Ростов н/Д., 2012 г., с. 117–130.*

И. Бешта,
ст. преподаватель СУЦ ДОН НУЭТ
(г. Симферополь)
**КОНФЕССИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ
ИДЕНТИЧНОСТИ НАРОДОВ
АВТОНОМНОЙ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ**

Актуальность исследования. Крым является уникальным регионом Украины во многих аспектах: географическом, историческом, национальном, этническом, религиозном, конфессиональном. В Крыму пересекаются истории двух мировых империй – Османской и Российской, сосуществуют две мировые религии – христианство и ислам, проживают разные этносы, связанные общим историческим опытом, как позитивным, так и конфронтационным.

Распад СССР, «социалистического лагеря» и двухполярного мира в целом повлекли не только массовые миграции и репатриацию этносов, но и поиск странами Черноморского региона новой идентичности, в процессе которого нарастали националистические тенденции, актуализировались исторические разногласия, вспыхивали тлеющие межэтнические и /или межконфессиональные конфликты, формировались конкурирующие национальные интересы.

Все эти явления, процессы и тенденции в той или иной степени коснулись Крыма и представлены в его общественном пространстве сегодня. Таким образом, рассмотрение конфессиональной идентичности народов Крыма вне контекста региона и особенностей его развития является невозможным и некорректным.

Анализ последних исследований и публикаций. Вопросы и проблемы конфессионального измерения идентичности, в том числе и для Автономной Республики Крым, не являются новыми. Огромное количество научных трудов, монографий и статей, диссертаций и публикаций в средствах массовой информации посвящено конфессиональной идентичности в различных ее проявлениях: философском, социальном, политическом и т.д. Отдельные работы освещают специфику измерения данной идентичности в многонациональных и многоконфессиональных регионах, ярким представителем которых выступает Крым. Но несмотря на широкую изученность рассматриваемой проблемы, многие вопросы конфессионального измерения идентичности народов полуострова оста-

ются до сих пор спорными или не до конца исследованными, причем это касается не только его практических аспектов, но и философско-теоретического обоснования.

Целью статьи явилось исследование философского аспекта конфессионального измерения идентичности Автономной Республики Крым и особенностей религиозной самоидентификации народов, населяющих полуостров.

Изложение основного материала. Исследование конфессионального измерения идентичности целесообразно начать с определения самого понятия «идентичность», которое сегодня широко используется в философии, психологии, этнологии, культурной и социальной антропологии с разными значениями и в разных аспектах. В самом общем понимании оно означает осознание принадлежности объекта (субъекта) другому объекту (субъекту) как части и целого, особенного и всеобщего. Главным характерным признаком и основанием этого понятия является тождественность самому себе, а дифференцирующими признаками при этом могут выступать язык, этнические стереотипы поведения, конфессиональная принадлежность и т.д.

Одной из первых форм самосознания человека является религиозная идентичность, которая в этой связи находится у истоков формирования других видов идентичностей. Под религиозной идентичностью можно понимать форму коллективного и индивидуального самосознания, построенную на осознании своей принадлежности к определенной религии и формирующую представления о себе и мире посредством соответствующих религиозных догм, однако и это понятие религиозной идентичности в последнее время используется размыто и пространно. Одна из причин – отождествление в научной литературе и массовом сознании понятий «религия» и «конфессия», часто употребляемых как синонимы. Также взаимозаменяемы во многих научных исследованиях понятия «религиозная идентичность» и «конфессиональная идентичность». Однако это не совсем корректно. «Конфессия» происходит от латинского «confessio» – «вероисповедание», т.е. это исповедование какой-то конкретной религии; «религия» (religare) переводится с латинского как «связывать», т.е. это отношение связи человека с невидимым миром, воплощение которой каждое вероисповедание определяет по-разному. В зависимости от вероучения люди, принадлежащие к разным конфессиям, должны придерживаться различных обрядов, ритуалов, догм, т.е. следовать различным социальным и религиозным практикам.

Многочисленные социологические исследования фиксируют противоречия, которые нельзя объяснить, если считать понятия «религиозная идентичность» и «конфессиональная идентичность» синонимами, поэтому необходимо теоретическое осмысление процессов, происходящих в духовной сфере и затрагивающих вопросы становления конфессиональной идентичности, особенно в таких мультикультурных регионах, как Автономная Республика Крым.

В настоящее время в Крыму зарегистрированы 1362 религиозные организации (в 1988 г. – 37) 52-х конфессий и религиозных направлений, действуют более 1330 религиозных общин и девять духовных учебных заведений. С 1991 по 2012 г. на полуострове было построено 166 культовых зданий, в том числе 80 мечетей; 690 культовых зданий находится в пользовании или собственности религиозных организаций.

Упразднение в начале 90-х годов XX в. ограничений права крымчан на свободу вероисповедания, признание общественной ценности религии, а также значимости церковного служения в совокупности с изменением социально-экономического и политического строя создали на полуострове новую конфессиональную ситуацию. Религия стала важным фактором общественной и государственной жизни, произошло значительное увеличение числа конфессий, деноминаций, религиозных направлений, наблюдается быстрый рост числа их последователей. Помимо традиционных конфессий Крыма, к которым относят православие, ислам суннитского толка, иудаизм, караизм, а также католичество и армянское апостольское христианство, возникло и развивается множество других религиозных течений.

Уникальность религиозной ситуации в Крыму, в отличие от общеукраинской, заключается в значительном количестве мусульман и крайне малом числе греко-католиков и приверженцев УПЦ-КП и УАПЦ. Свыше трех четвертей населения АРК (78,9%) считают себя православными, второй по численности группой являются мусульмане (8,8%), по 5,2% жителей полуострова относят себя к просто христианам или атеистам, остальные группы малочисленны. Однако ключевым определением, с точки зрения рассматриваемой проблемы идентичности, в данном статистическом исследовании являются слова «считают себя», «относят себя» и т.д. Несомненно, речь здесь идет именно об идентичности религиозной, в соответствии с которой человек ощущает свое единство с определенной нацией или этносом, развивающимся в нравствен-

ных и бытовых условиях присущей им религии. Идентифицировать же себя с определенным конфессиональным течением в рамках представленных религий, с соблюдением определенных правил и постулатов, готов далеко не каждый. Так, религиозные обряды в соответствии со своей конфессиональной принадлежностью ежедневно совершают лишь 5,0% крымчан, а с разной периодичностью – 63,0% от числа опрошенных.

Справедливости ради необходимо отметить, что такая картина свойственна не только Крымскому региону и даже не только реалиям сегодняшнего времени. Изменение значения тех или иных признаков самоидентификации может быть связано с тенденциями исторического развития (в Средневековье преобладало значение конфессиональной идентичности, позже, начиная с эпохи Возрождения, все более значимой стала языковая и этническая идентичность), а может быть обусловлено ситуацией (развал Советского Союза начался с мобилизованного лингвизма). В эпоху распространения мировых религий акцент на конфессиональной идентичности мог свидетельствовать о преобладании универсалистских тенденций. Но в ряде ситуаций конфессиональная принадлежность может стать важнейшим элементом самоотождествления и характеристики понятия «этнос». В частности, в настоящее время русские в Крыму оказались в ситуации, когда не совсем ясно, в чем заключается их «русскость» и в чем ее ценность. И здесь на помощь приходит православие – не столько как религия, сколько как символ русского своеобразия и некоей духовной ценности этого своеобразия. Аналогичная картина наблюдается и у крымских татар, изгнание и возврат которых в Крым значительно укрепили позиции мусульманства, в первую очередь, как образа жизни, а во вторую – как конфессионального течения.

Особенности исторического развития Автономной Республики Крым повлияли и на возрастные рамки самоидентификации населения полуострова. С возрастом растет доля верующих, а среди верующих – доля приверженцев УПЦ, тогда как доля верующих мусульман в самой старшей возрастной группе ниже, чем в младшей и средней возрастных группах. Высокие морально-нравственные установки, духовные ценности повсеместно считаются неотъемлемой составляющей традиционного религиозного мировоззрения, и в этом смысле традиционные российские конфессии могут выступить в качестве важнейшего фактора, способного преодолеть негативные аспекты развития общества на современном этапе, такие как бездуховность, нравственный кризис,

разрушение семьи, демографические проблемы. При этом можно отметить большое разнообразие перспективных для общества направлений социальной деятельности молодых мусульман, в числе которых преобладают участие в духовно-нравственном воспитании и работа в сфере милосердия и благотворительности, а также их устойчивые семейно-репродуктивные установки.

Ввиду этого позитивным представляется тот факт, что в ходе религиозного возрождения происходит возобновление традиционных способов воспроизводства конфессиональной идентичности – религиозная конверсия через посредничество значимых агентов социализации, среди которых главное место вновь занимают члены семьи. Наиболее распространенный в недавнем прошлом опыт приобщения, при котором религиозный образ жизни выступает как свободно осуществляемый индивидуальный выбор, происходящий, как правило, уже в сознательном возрасте, также приводит к включению традиционных нравственных ценностей в габитус. Однако семейная социализация с ранних лет вводит индивида в сферу соответствующих эмоциональных и ментальных установок более естественно, на уровне подсознания, что способствует более устойчивому их усвоению.

Не менее важным аспектом в формировании и развитии конфессиональной идентичности народов Крыма выступает и политика государства в сфере религии на национальном и региональном уровнях. Абстрагируясь от различных точек зрения влияния государства на религиозную сферу жизни общества, можно констатировать, что межконфессиональные отношения в республике носят явную политическую окраску и усугубляются спланированными и неадекватными действиями различных властных структур.

В целом можно выделить две группы факторов, способствующих обострению внутри- и межконфессиональных противоречий, – внутрирелигиозные и социетальные. К первой группе факторов, действующих в самой религиозной сфере, относятся:

- доктринальные, догматические расхождения;
- идея конфессиональной исключительности;
- фундаментализм, религиозная нетерпимость, осложняющая отношения внутри и между различными конфессиями;
- возникновение новых религиозных движений, а также асоциальный или экстремистский характер некоторых религиозных практик;

- прозелитизм, жесткая конкуренция на религиозном «рынке», обозначая борьбу за паству, обладание возвращаемыми государством культовыми зданиями и имуществом, поддержку со стороны властей, лидеров общественного мнения, СМИ и т.д.

Ко второй группе факторов (социетальных), внешних по отношению к самой религиозной подсистеме, можно отнести следующие общественные явления и процессы:

- этнизацию религии, в ходе которой религия становится опорой национализма и сепаратистских движений, вследствие чего этнические конфликты приобретают религиозную окраску;

- политизацию религии, проявляющуюся в том, что различные политические силы, разыгрывая политическую карту, сталкиваются между собой конфессии, на которые сделаны (или не сделаны) ставки;

- слабость законодательной базы, регламентирующей взаимодействие государства и религиозных организаций;

- нарушение принципа свободы совести и вероисповедания со стороны государства и отдельных граждан.

В реальной практике эти факторы зачастую тесно переплетены между собой. Однако случаи межконфессиональной напряженности, которые периодически возникают в Крыму, инициируются не рядовыми верующими, а некоторыми духовными лицами и лидерами отдельных религиозных организаций, а также конфессионально ангажированными или некомпетентными публикациями в СМИ. Об этом свидетельствуют и данные отношения верующих автономии к противоположным религиям: христиане преимущественно положительно относятся к исламу (29,5% представителей этой группы), а мусульмане – нейтрально к православию, при этом 18,0% мусульман высказывают положительное мнение о христианстве, негативное, соответственно, 13,5%.

Обобщая вышесказанное, можно выделить следующие основные аспекты конфессионального измерения идентичности народов Автономной Республики Крым:

- исторический, связанный с длительным периодом отрицания религии как таковой и возвратом к ней в лице различных конфессий в последние годы;

- национальный, характеризуемый мультикультурностью региона и населяющих его народов;

- этнический, детерминирующий формирование и развитие религиозности и конфессиональной идентичности; при этом конфессиональное самосознание современной молодежи не является

определяющим в развитии этнического самосознания и языковой культурной ориентации, что, в частности, обусловило распространение русскоязычного ислама;

– социально-политический, проявляющийся в использовании межконфессиональных отношений в процессе борьбы за власть.

В настоящее время верующие Крыма достаточно равномерно распределены во всех группах населения по возрасту, полу, национальности, образованию, занятости и т.д. В современном обществе религиозность утратила характер маргинальности определенных общественных групп и стала духовным качеством, присутствующим примерно в равной степени всем группам населения, в том числе и наиболее молодым, образованным, профессионально квалифицированным и социально активным. Вместе с тем показатели степени религиозности (интенсивности проявления религиозности и участия в религиозной жизни) в Крыму значительно ниже показателя уровня религиозности. Это позволяет заключить, что конфессиональная идентичность большей части верующих носит формальный, декларативный характер, не подкрепляется глубокими религиозными переживаниями, знанием догматических основ и культовых предписаний своей религии, соответствующим уровнем религиозного поведения.

В целом конфессиональная идентичность в Автономной Республике Крым с некоторых пор перестала быть исключительно сферой интересов религиозных структур. Активная институционализация религий, с одной стороны, вызвала в обществе определенные ожидания того, что традиционные конфессии способны содействовать преодолению духовного и мировоззренческого кризиса, с другой стороны – поставила общество перед целым рядом трудноразрешимых проблем (религиозный фанатизм, нетерпимость, агрессия, экстремизм, изоляционизм, эскапизм). В сложившихся условиях становление конфессиональной идентичности молодежи рассматривается как важнейшая научно-теоретическая и практическая задача общества, решение которой может остановить раскол между православными и мусульманами в Крыму.

Этот раскол проявляется, во-первых, увеличением числа приверженцев агрессивных мусульманских течений, представители которых приехали из арабских стран (например, ваххабитов), что представляет собой угрозу не только для крымских татар, но и общества в целом.

Во-вторых, у мусульман отсутствует конфессиональное единство, что проявляется в наличии сразу трех центров: Киевском, Донецком и Симферопольском.

И, наконец, в-третьих, в Крыму негласно присутствует конфронтация между региональной идентичностью православно-славянского населения и этноконфессиональной идентичностью, претендующего на исключительный статус «коренного» крымско-татарского народа.

Выводы:

1. Любая конфессия представляет собой единство религиозного сознания, культа и религиозных организаций. Однако особенностью, хотя и не исключительной, конфессиональной самоидентификации крымчан является ее несовпадение с идентификацией по признаку веры–неверия. В сознании многих жителей полуострова конфессиональная идентичность выступает своеобразным заместителем этнокультурной идентификации, что обусловлено своеобразием культурно-исторического развития региона.

2. В конфессиональной идентичности народов Крыма преобладает элемент традиционности, а зачастую она выступает как ситуативная религиозность, которая не является проявлением глубокой и искренней веры в Бога, носит спонтанный характер, проявляется лишь время от времени в определенных, преимущественно неблагоприятных жизненных обстоятельствах и в основном сводится к формальному соблюдению некоторых традиционных религиозных обрядов, следованию этноконфессиональным стереотипам поведения.

3. Процесс глобализации современного мира требует новых подходов к воспитанию личности и ее самоидентификации в современном обществе. Именно поэтому одним из ключевых направлений воспитания личности современного типа должно стать формирование толерантности, причем принцип толерантности должен творчески применяться во всех социальных отношениях, в том числе и в образовательном процессе. Особое значение придается формированию религиозной толерантности, являющейся необходимым условием межкультурного и межконфессионального диалога, без развития которого невозможно плодотворное и позитивное существование такого региона, каким является Автономная Республика Крым.

*«Общественные нации в современном мире:
Вопросы социологии, политологии, философии, истории»,
Новосибирск, 2013 г., с. 70–78.*

Д. Малышева,
доктор политических наук (ИМЭМО РАН)
ВЫЗОВЫ БЕЗОПАСНОСТИ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

1. Все страны мира, независимо от того, в какой части земного шара они располагаются, все больше сталкиваются со схожими вызовами безопасности. Это не только терроризм, экстремизм, распространение оружия массового уничтожения, наркобизнес. Значительное место стали занимать угрозы деградации природной среды, глобальное потепление, уменьшение лесных массивов и т.п. Серьезное значение приобретает угроза войн из-за воды. Все эти глобальные вызовы и угрозы весьма актуальны и для Центральной Азии. Но ее странам, к сожалению, не удастся пока найти адекватные ответы на многие застарелые, а также и новые вызовы, имеющие по преимуществу внутренний, эндогенный характер.

К их числу относятся:

- Внутривнутриполитическая и социально-экономическая нестабильность, имеющая такие составляющие, как:
  - межэтническая, межклановая напряженность;
  - противостояние внутри государств региональных элит и кланов;
  - обнищание населения;
  - углубляющийся разрыв в доходах населения и растущие социальные диспропорции;
  - высокий уровень безработицы, особенно среди молодежи;
  - коррупция;
  - низкая эффективность государственных структур.
- Радикальный исламизм, готовый поднять голову в случае любой политической дестабилизации и активно использующий социальные проблемы для дискредитации светских правящих режимов;
- Рост влияния наркомафии и частично питающегося из этого источника религиозного экстремизма;
- Проблема преемственности верховной политической власти, поскольку в центральноазиатских государствах нет четко установленных и устоявшихся правил такой преемственности.

Сохраняются и конфликтогенные межгосударственные противоречия.

Это, во-первых, «энергоразмежевание», вызванное соперничеством из-за водных и энергетических ресурсов. В частности, напряженность создавалась в связи с планами возведения Рогунской ГЭС в Таджикистане и Камбаратинской ГЭС в Киргизстане на трансграничных водных артериях Амударьи и Сырдарьи. Эти планы вызывают особую озабоченность Узбекистана, где опасаются уменьшения потока воды в реках в результате строительства ГЭС.

Во-вторых, это неурегулированные пограничные споры, которые становятся в Центральной Азии серьезным вызовом безопасности. Споры эти затрагивают большинство республик региона, но особенно Узбекистан, Киргизстан и Таджикистан, где этническая чересполосица и отсутствие общепризнанных границ усугубляются дефицитом земельных и, что еще более важно в условиях засушливого климата, водных ресурсов, придавая периодически возникающим конфликтам отчетливо выраженную социально-экономическую окраску. Обострившиеся в последние годы отношения между этими тремя центральноазиатскими республиками не исключают возникновения новых этнотерриториальных конфликтов, социальную почву для которых создают продолжающийся приток населения и сложное социально-экономическое положение.

В-третьих, межгосударственные конфликты провоцируют незавершенные в центральноазиатских государствах сложные процессы нациестроительства и формирования государственных идеологий, компонентом которых часто становятся территориальные претензии к соседям или же притязания того или иного государства (что более всего свойственно Узбекистану) на региональное лидерство.

Наряду с быстро накапливающейся критической массой внутренних проблем серьезный вызов безопасности в Центральной Азии создают внешние вызовы и угрозы. В их числе – трансграничная преступность, терроризм, рост наркотрафика.

Но наиболее серьезным внешним вызовом для Центральной Азии на ближайшую перспективу остается афганский фактор с такими возможными перспективами, как возврат талибов к власти в Афганистане и превращение его в центр радикального исламизма.

2. 2014 год может стать последним в длящейся в Афганистане с 2001 г. американо-натовской военной операции, которая изначально ставила своей целью разгром движения «Талибан», уничтожение «Аль-Каиды» и других террористических группировок. Приказ о выводе из Афганистана к 2014 г. основного контингента

американских войск был отдан президентом США 24 июня 2011 г., а решение о прекращении операции Международных сил содействия безопасности (МССБ) под командованием НАТО было принято на 25-м саммите этой организации в Чикаго (20–21 мая 2012 г.).

Для центральноазиатских государств, являющихся стратегическими партнерами России по Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), формирующемуся Евразийскому союзу, небезразлично, превратится ли Центральная Азия после вывода из Афганистана сил международной коалиции в регион бурь и потрясений или же здесь удастся и дальше поддерживать приемлемый уровень стабильности. Они глубоко озабочены такими вопросами, как: сохраняют ли США / НАТО нынешние параметры своего военно-политического присутствия в постсоветской Центральной Азии, свернут его или же, напротив, расширят; будет ли налажено в этом регионе взаимодействие со структурами безопасности, действующими под эгидой России и / или Китая, и каковы могут стать формы и механизмы участия их, а также других региональных игроков (Индии, Ирана, Пакистана) в энергетических, транспортных, военно-политических проектах.

Россия стремится к тому, чтобы к 2014 г. ситуация в Афганистане была максимально смягчена, дабы исключить повторения ситуации 1990-х годов, когда из афгано-пакистанского источника питались сепаратисты и террористы в религиозном обличье на Северном Кавказе. Для интересов нашей страны важно также, чтобы кабульский режим, который будет действовать после вывода большей части иностранных войск, не был ни радикально исламистским, ни марионеточно-проамериканским. Все это заставляет внимательно следить за процессами в Афганистане, которые отмечены сложным переплетением множества интересов как внутренних, так и внешних, а потому являются во многом непредсказуемыми, как противоречивы на сегодняшний день итоги афганской кампании США / НАТО.

3. С одной стороны, достигнуты определенные успехи: в Афганистане созданы новые политические институты, армия, спецслужбы, призванные самостоятельно обеспечивать безопасность. С другой стороны, своей главной цели – ликвидации материально-технической базы талибов, уничтожения их лидеров и изоляции оставшихся в живых командиров движения «Талибан» от подконтрольных им вооруженных повстанческих отрядов – союзникам добиться удалось лишь частично. По некоторым дан-

ным, талибы контролируют хоть и не весь Афганистан, но значительную его часть, выдвигая собственные условия на переговорах с правительством Карзая. Не предотвращена и радикализация Пакистана, где обосновались связанные с влиятельной пакистанской Объединенной военной разведкой (Inter-Services Intelligence, ISI) главные силы афганского вооруженного сопротивления – «Талибан» с его руководящим органом «Кветта шура», «сеть Хаккани» и «Исламская партия Афганистана» Г. Хекматияра. Есть, правда, и признаки усиливающегося неприятия самими пуштунами политической практики «Талибана», усталости от этого движения, что проявляется в попытках предложить новый политический проект национальной консолидации пуштунов в преддверии скорого ухода сил США и НАТО из Афганистана.

Проводимые США на этом непростом фоне переговоры с представителями движения «Талибан» относительно будущего устройства Афганистана неизбежно будут сопровождаться активными военно-силовыми действиями. Им, ввиду непрекращающегося нападения боевиков на военнослужащих международной коалиции, будет отдаваться предпочтение перед политико-дипломатическими методами, по крайней мере, на протяжении всего транзитного периода.

Что касается разгрома международных террористов – другой основной задачи военной операции в Афганистане, – то и его нельзя считать полностью осуществленным. Террористические группировки типа «Аль-Каиды» в основном покинули Афганистан и Пакистан. Но они не исчезли, а сделали средой своего обитания ряд стран Ближнего Востока и Северной Африки. Более того, ливийская авантюра НАТО 2011 г. открыла «Аль-Каиде» возможность развить в этой североафриканской стране свою инфраструктуру и распространить ее затем на светскую Сирию, где боевики «Аль-Каиды» действуют против режима Б. Асада, по сути, заодно со странами Запада во главе с США, умеренно-исламистским турецким режимом и арабскими консервативными монархиями. При этом «сменившая место жительства» «Аль-Каида» сохраняет сильнейший заряд антиамериканизма и антизападничества. Она привносит в жизнь стран региона религиозную и этническую нетерпимость, хаос, кровопролитие, индивидуальный террор, ставший для организации практически единственным способом решения политических задач. Это угрожает стабильности не только стран Ближнего и Среднего Востока, но и светских режимов

Центральной Азии, а также – объективно – интересам как США, так и всего цивилизованного мира.

4. Заключив в мае 2012 г. соглашение о стратегическом партнерстве с Афганистаном и наделив эту страну статусом «главного не входящего в НАТО союзника», администрация США обещает на протяжении десяти лет после вывода войск международной коалиции (т.е. до 2024 г.) оказывать Афганистану помощь, с тем чтобы в перспективе ответственность за поддержание безопасности взяли на себя формируемые при поддержке НАТО и США афганские структуры безопасности. Так что и после 2014 г. военное присутствие США и НАТО в Афганистане сохранится, но оно, по официальной версии, «не будет носить боевого характера». Пока неясно, каковы будут численность и состав такого международного контингента, будет ли он сосредоточен (временно или постоянно) только в самом Афганистане или также в соседних центрально-азиатских странах.

О том, что функции американско-натовских военнослужащих вряд ли сведутся лишь к официально обозначенным целям, говорит намерение Пентагона сохранить за собой и после 2014 г. крупные военные базы в Афганистане – в Баграме (к северу от Кабула), Шиндане (близ границы с Ираном), Кандагаре (недалеко от пакистанской границы). Можно, таким образом, предположить, что имеются не афишируемые планы США и в дальнейшем использовать достигнутые ими с 2001 г. логистические и военные преимущества в этом стратегически важном азиатском «хартленде» для мониторинга ситуации и наблюдения здесь за своими стратегическими конкурентами – Россией и Китаем – и сдерживания их по мере необходимости.

Отношения с другими региональными игроками – Индией, Пакистаном, Ираном – будут рассматриваться американской администрацией не только с точки зрения обеспечения региональной безопасности или поддержания стабильности в Афганистане, но и в контексте объявленной президентом Обамой в ноябре 2011 г. «повестки дня будущего США», согласно которой Азиатско-Тихоокеанский регион провозглашен высшим приоритетом американской политики. Очевидно также, что этот стратегический посыл адресован в первую очередь Китаю, растущее влияние которого в Азии угрожает, как считают в США, американским интересам.

В этой связи США прилагают усилия к тому, чтобы придать значимости своему главному стратегическому партнеру в АТР – Индии (в том числе через увеличение продаж ей оружия и совмест-

ные военные учения), которая, как полагают в Вашингтоне, может уравновесить растущую военную мощь КНР. Заинтересованная в американских военных технологиях и разделяющая опасения США относительно Китая, Индия постарается также ограничить возможное расширение влияния Пакистана в Афганистане после вывода оттуда войск международной коалиции. Сам Пакистан, без участия которого окажутся безрезультатными любые переговоры по афганской проблеме, будет пристально следить за сохранением за собой роли ключевой стороны в разрешении афганского конфликта.

Иран, несмотря на его непростые отношения с Афганистаном и Пакистаном, также мог бы стать позитивным участником афганского урегулирования, учитывая долгосрочный интерес Ирана к формированию в Афганистане «после 2014 года» умеренного и не враждебного по отношению к афганцам-непуштунам (и шиитам) правительства. Неконструктивная позиция США в отношении Ирана, которая вряд ли претерпит изменения ввиду неприятия Вашингтоном тегеранского режима, оказавшегося относительно устойчивым, снижает шансы на достижение регионального консенсуса в вопросе обеспечения безопасности Афганистана. Это не затеняет того факта, что все региональные державы, несмотря на достаточно сложные взаимоотношения и друг с другом, и с США, объективно заинтересованы в стабильном, предсказуемом Афганистане.

5. В краткосрочной перспективе, т.е. до 2014 г., США / НАТО постараются максимально использовать транзитные и транспортные возможности центральноазиатских стран. Во-первых, это связано с недостаточной надежностью южного маршрута снабжения войск международной коалиции – через Пакистан, отношения с которым у США в последние годы резко ухудшились. Во-вторых, с огромным объемом вывозимых из Афганистана грузов. Так, только к концу 2014 г. НАТО необходимо будет транспортировать из этой страны около 100 тыс. контейнеров со снаряжением и 50 тыс. транспортных средств, треть которых предполагается пропустить через территорию Центральной Азии.

США заинтересованы также и в более активном привлечении к своей стратегии в Афганистане инфраструктурных возможностей центральноазиатских государств. Им предложено стать экономическими и энергетическими донорами Афганистана в рамках усиленно продвигаемых в последние годы администрацией и Госдепартаментом США политико-экономических (Большая

Центральная Азия, Новый шёлковый путь) и энергетических проектов (ТАПИ, названный так по начальным буквам стран-участниц – Туркменистана, Афганистана, Пакистана, Индии). Цель таких проектов – геополитическое переформатирование Центральной и Южной Азии в рамках нового макрорегиона, где не будет места России, Китаю или Ирану и где международно-политические процессы, сфера безопасности, энерго-транспортная система окажутся под контролем США / НАТО.

В связи с близящимся завершением афганской кампании США и НАТО открывают новые возможности для расширения военного сотрудничества с центральноазиатскими государствами. Всего к началу 2012 г. им было выделено из бюджета США 1,69 млрд. долл. При общем сокращении военного бюджета США на 2012 г. финансирование программ в сфере военного сотрудничества и безопасности в Центральной Азии было увеличено почти вдвое – на 74%, а на программу Пентагона по борьбе с наркотиками было отпущено 109,5 млн. долл. Кроме этого, США предлагают оставить центральноазиатским странам часть вывозимых из Афганистана вооружений, спецтехники и оборудования. Взамен США надеются получить преференции при согласовании условий транзита грузов по северному маршруту и дальнейшему пребыванию своих сил на военных объектах в странах Центральной Азии. Можно предположить, что вслед за техникой в страны региона, согласившиеся принять эти «подарки», придут обслуживающие их натовские и американские военные специалисты. Заметное увеличение на центральноазиатском рынке западных вооружений повлечет за собой потребность в обучении специалистов, поставке запчастей, модернизации, а в итоге может привести к привыканию партнеров Москвы по ОДКБ к военной технике из-за океана. Велика также опасность попадания оставленного оружия в распоряжение радикальных группировок или попросту криминальных элементов и наркомафии.

6. Согласно многоцелевому центральноазиатскому сценарию, главная роль в «Северной распределительной сети», задействованной для транзита американо-натовских грузов из Афганистана, отдана в 2012 г. Узбекистану. Предваряя это решение, 22 сентября 2011 г. Конгресс США снял введенные в 2004 г. против Узбекистана ограничения на предоставление ему военной помощи. Территория республики рассматривается в США и как наиболее привлекательная для создания крупных транспортных хабов, имеющих региональное значение, военных объектов (баз), кото-

рые могут функционировать и не на постоянной основе. Неслучайным в этой связи видится решение Узбекистана в конце июня 2012 г. приостановить свое членство в ОДКБ, что обусловлено несколькими причинами: принятием ранее ОДКБ новых правил, запрещающих ее участникам размещать у себя иностранные военные базы без согласия других членов; надеждой получить от США в обмен на такой шаг гарантии безопасности после вывода войск коалиции из Афганистана, а также тем, что именно Узбекистану обещана большая часть техники и вооружения, вывозимых войсками коалиции из Афганистана. Этот демарш Узбекистана вряд ли серьезно ослабит военную составляющую ОДКБ, поскольку республика практически не участвовала в военном сотрудничестве в формате Организации, а в 2009 г. президент Ислам Каримов даже отказался подписывать соглашение о Коллективных силах оперативного реагирования (КСОР) ОДКБ. Однако борьбу с наркотрафиком данное решение Узбекистана, который граничит не только с Афганистаном, но и с четырьмя центральноазиатскими республиками, может осложнить.

7. Внимание, уделяемое в последнее время американскими политиками и военными Таджикистану, обусловлено не только его географической близостью с Афганистаном, но и открывающейся, как видится в США, возможностью для создания в Таджикистане разветвленной военной инфраструктуры. Этому, как очевидно, мешает российское военное присутствие (201-я база и «Нурек» на Памире). Тем не менее таджикская сторона подписала с российским президентом во время его официального визита в Таджикистан (5–6 октября 2012 г.) «Соглашение о статусе и условиях пребывания российской военной базы на территории Республики Таджикистан». Согласно ему, эта база останется в республике до 2024 г. с возможностью продления ее пребывания на последующие пятилетние периоды. За это Россия обязуется переоснастить вооруженные силы республики и обеспечить подготовку кадров для таджикской армии. Кроме того, военнослужащие базы и члены их семей приравниваются по своему статусу к административному персоналу посольства – подобным статусом пользуется персонал натовского транзитного центра «Манас» в Киргизстане.

8. Третье «прифронтовое» государство – Туркменистан. Ссылаясь на свой нейтральный статус, он единственный из стран региона не подписал с НАТО и США договоров о транзите из Афганистана. Туркменистан интересен для ведущих глобальных игроков в основном богатейшим газовым потенциалом, а также в

связи с инициированными им важными проектами в энергетической и транспортной сферах. В их числе – проект ТАПИ (Туркменистан–Афганистан–Пакистан–Индия), который в случае его реализации приведет к крупным геополитическим сдвигам в регионе Центральной и Южной Азии. Очевидно также, что вопросы демократии и ситуация с правами человека в Туркменистане не станут на ближайшую перспективу (до 2014 г.) предметом особой озабоченности США.

9. В зоне внимания США / НАТО останется и Киргизстан – официально в силу того, что он, согласно западной версии, сохраняет свою роль «островка демократии в Центральной Азии». Но фактически – благодаря функционирующей с 2001 г. в киргизском аэропорту «Манас» военной базе «Ганси», переименованной в 2009 г. в Центр транзитных перевозок (ЦТП). На территории этого военного объекта, формально используемого для снабжения операции в Афганистане военными грузами, находится крупнейший технический радиолокационный узел, который ведет разведку по всей Центральной Азии, а также – что особенно важно – и в КНР. Численность американского воинского контингента достигает здесь 1,5 тыс. человек, а прямые выплаты республике в 2011 г. за использование ЦТП составили 151 млн. долл. США. Не удивительно, что Киргизстан поддерживает идею использования этого объекта и после 2014 г., но уже под новой вывеской – Гражданский центр транзитных перевозок. Киргизстан поддержал идею использования этого объекта и после 2014 г. Об этом президент республики А. Атамбаев заявил в начале 2012 г., фактически перечеркнув тем самым данное им самим на президентских выборах декабря 2011 г. обещание вывести американскую базу с территории Киргизстана. О серьезности намерений в отношении будущего ЦТП говорило и соглашение о наземном транзите грузов международной коалиции, подписанное во время чикагского саммита НАТО 20–21 мая 2012 г. Данным соглашением Киргизстан помог НАТО завершить формирование второго наземного маршрута «Северной сети», пролегающего теперь в Афганистан через Узбекистан, Казахстан, Киргизстан и Россию.

Впоследствии, однако, киргизский лидер уточнил, что стремится к превращению авиабазы в гражданский аэропорт, а не в военно-воздушную базу какой-либо страны. По итогам прошедших в Бишкеке 20 сентября 2012 г. российско-киргизских переговоров на высшем уровне были подписаны документы, закрепляющие российское военное присутствие в республике. Речь,

в частности, идет о «Соглашении между Российской Федерацией и Киргизской Республикой о статусе и условиях пребывания объединенной российской военной базы на территории Киргизской Республики», которое начнет действовать с 2017 г. Объединенная российская военная база включит в себя четыре военных объекта: базу подводных испытаний оружия в Караколе, центр военной связи в Кара-Балте, радиосейсмическую лабораторию в Майлуу-Суу и авиабазу в Канте.

10. Что касается Казахстана, который до 2012 г. занимал приоритетное место в центральноазиатской стратегии США, то с вступлением в силу Таможенного союза и Евразийского экономического пространства, участниками которых наряду с Казахстаном являются Россия и Белоруссия, это центральноазиатское государство будет интересовать США / НАТО в переходный период (до 2014 г.) в основном только как экспортер энергосырья. Это не исключает в дальнейшем попыток оказать давление на руководство Казахстана, в том числе через прозападно настроенную элиту, с целью переориентации республики с постсоветских интеграционных проектов в направлении программ, финансируемых и лоббируемых Западом.

11. Если в Центральной Азии произойдет расширение американо-натовского присутствия, как военного (базы), так и экономического, на основе преобразования ныне функционирующей «Северной сети» в трансконтинентальную сеть, которая полностью покроет территорию бывшего СССР, это будет способствовать реализации широких стратегических целей США и их союзников. Целями подобного военно-стратегического контроля станут сдерживание Китая, контроль над Афганистаном, подрыв «экспортной монополии России» и переориентация структур безопасности государств Центральной Азии с постсоветских на натовские. Но как показывает опыт других стран и регионов, натовские структуры заинтересованы не столько в поддержании стабильности – внутригосударственной или межгосударственной, сколько в «принуждении к партнерству» (термин А. Богатурова) стран пребывания, включении их в качестве сателлитов в орбиту западного влияния. Американские военные объекты, там, где они уже имеются (Киргизстан), и там, где они могут появиться (Таджикистан), возможно, придадут некоторую уверенность правительствам этих стран. Но американцы едва ли будут готовы принять на себя риски в случае обострения внутривосточной ситуации в этих странах, взять на себя обязательства предоставить длительные гарантии безопасно-

сти своим старым-новым стратегическим партнерам. Иллюзией может оказаться и бытующее ныне в Центральной Азии представление о том, что западные военные структуры окажутся эффективнее в плане защиты от внешних и внутренних угроз, нежели СНГ-овские (ОДКБ и пр.). Есть также и пределы использования России как фактора, позволяющего мягко шантажировать американских партнеров: такая «многовекторная» тактика грозит со временем обернуться против тех, кто взял ее на вооружение.

12. Для самих США возможность реализовать свои планы в Центральной Азии в долгосрочной перспективе зависит от многих факторов: мировой экономической и политической конъюнктуры, способности быстро справиться с негативными последствиями экономического кризиса и с имиджевыми потерями после войн в Ираке и Афганистане. Географическая отдаленность США от региона и неустойчивая внутренняя ситуация в его странах могут стать препятствиями для более активного американского вовлечения в центральноазиатские дела «после Афганистана». При этом нельзя исключить активизации в Центральной Азии более заинтересованных в энергоресурсах региона европейцев. Впрочем, ограничить активность всех их в Центральной Азии способны непредсказуемые и далеко еще не завершённые процессы на Ближнем Востоке, начало которым положила «арабская весна». Для США, кроме того, может стать невыгодным осложнение отношений с двумя главными державами в Центрально-Азиатском регионе – Россией и КНР, – от которых естественно будет ожидать противодействия любым планам расширения военно-политического присутствия здесь США / НАТО и которые постараются поддерживать стабильность в регионе, опираясь на региональные структуры «коллективной безопасности».

13. В связи с начавшимся выводом войск из Афганистана можно спрогнозировать следующие возможные сценарии развития ситуации в этой стране:

а) пессимистический сценарий рисует дальнейшее обострение внутригражданского и внутриэтнического противостояния в Афганистане вплоть до вспышки вооруженной борьбы. Ее нежелательным итогом может стать приход к власти непримиримых талибов и воссоздание ими ситуации, схожей с периодом 1996–2001 гг., когда Афганистан стал прибежищем для «Аль-Каиды» и действовавших под ее эгидой сил международного терроризма, угрожавших и Центральной Азии, и России, и миру. Такое развитие ситуации, несомненно, явится серьезным вызовом для окру-

жающих Афганистан стран, в первую очередь центральноазиатских. Наиболее вероятным из рисков станет распространение боевых действий гражданской войны на территорию приграничных центральноазиатских государств – Таджикистана в первую очередь. Сопутствующим этому явлению риском можно считать и массовый поток беженцев с территории Афганистана, что Таджикистан уже испытал в 1996–1997 гг.;

б) согласно оптимистическому сценарию, после некоторого обострения вооруженной борьбы в Афганистане и ожидающегося в 2014 г. вместе с выводом войск западной коалиции уходом со своего поста президента Х. Карзая, будет реализована программа национального примирения и реинтеграции. По иракской модели – пусть не совершенной, но работающей, – будет создано коалиционное правительство на основе достигнутого между основными политическими силами страны консенсуса. Оно будет представлять интересы всех главных политических сил и народов страны, как пуштунов, так и непуштунов. Оснований для такого сдержанного оптимизма несколько:

– народ Афганистана устал от войны;

– «Талибан» во многом утратил поддержку населения из-за того, что дал прибежище террористам со всего мира, навлекши, тем самым, на страну нашествие «иноземцев», бедствия и массовую гибель людей;

– региональная и мировая среда сильно отличается от того, с чем столкнулся Советский Союз, когда он находился в Афганистане, и от периода, предшествовавшего приходу талибов к власти;

– международное сообщество не намерено, судя по всему, оставлять афганцев один на один со своими внутренними проблемами и будет изыскивать пути финансирования развития Афганистана.

14. Развитие событий в Афганистане по негативному сценарию способно привести к череде восстаний, переворотов и гражданских войн в Центральной Азии, может потребовать вмешательства союзников по ОДКБ и ШОС, что приведет к росту социальной и экономической напряженности во всех государствах-членах. В случае развития ситуации в Афганистане по оптимистическому сценарию («Мирный Афганистан»), талибы, являющиеся в массе своей пуштунскими националистами, не станут распространять зону своего влияния на соседние центральноазиатские республики, население которых этнически чуждо талибам, и где

талибы не могут рассчитывать на понимание и поддержку. Даже если талибы, как предполагают многие, снова возвратятся в Афганистане к власти, в их ближайшие планы вряд ли входит осуществление прорыва в Центральную Азию с целью захвата ее территорий или установления в этом регионе халифата. Основные вызовы безопасности в Центральной Азии будут исходить от внутренних социально-экономических проблем. Да и в целом не прослеживается на ближайшую перспективу прямая и непосредственная связь центральноазиатских государств, или, по крайней мере, большинства из них (за исключением Таджикистана), с происходящими в Афганистане внутренними процессами – борьбой за власть, межэтническими, межрелигиозными конфликтами и пр. Ведь все этнические группы в Афганистане заинтересованы в укреплении собственных позиций, прежде всего, внутри страны, а не вне ее, и поддержку своим действиям местные узбеки и таджики, например, едва ли станут искать среди родственных им народов в Центральной Азии. Другое дело, что угрозу безопасности стран этого региона могут создать базирующиеся в Афганистане и Пакистане «непримиримые» из состава Исламского движения Узбекистана и подобных ему структур.

15. Тем не менее центральноазиатским государствам важно обезопасить себя от угроз со стороны афганского направления – роста наркотрафика, распространения радикальных религиозных течений. Это и обусловило готовность государств региона поддерживать операцию «Несокрушимая свобода» в Афганистане как на начальной, так и на завершающей стадии. Однако особенно опасным видится в Центральной Азии сочетание потенциальных внешних вызовов (из Афганистана) с реально нарастающими внутривнутриполитическими рисками, которые способны основательно дестабилизировать ситуацию. Опасность представляет и возможное соединение социального и религиозного факторов. При этом, исламская революция вряд ли реально угрожает какой-либо республике региона, даже несмотря на то, что в Узбекистане и Таджикистане, например, роль политического ислама традиционно высока. Более вероятен вариант «афганизации» или же «киргизации», когда в условиях длительной нестабильности и войны кланов исламисты, питающиеся от наркотрафика и внешней помощи своих «братьев» по вере, становятся элементом всеобщего беспорядка. Для противодействия такому варианту развития государствам региона, помимо сильной армии и специально обученных сил

быстрого реагирования, нужна стратегия ответа на внешние вызовы и риски, которую трудно выработать без внешней помощи.

16. Наиболее уязвимым с точки зрения безопасности является Таджикистан, который имеет с Афганистаном протяженную общую границу, частично проходящую по сложному горному рельефу, что и является причиной трудностей в ее охране. В эту республику после 2014 г. возможными станут проникновение отрядов боевиков, приток беженцев из числа этнических узбеков и таджиков, которых может погнать за пределы страны гражданская война в Афганистане. Чтобы подготовиться к такому развитию событий, власти Таджикистана должны, прежде всего, укрепить свою внешнюю границу с Афганистаном. Реальную помощь в этом мог бы оказать Евросоюз в рамках его «Программы содействия управлению границами в Центральной Азии» (Border Management Programme in Central Asia). Однако в силу того, что основное внимание европейских стран сосредоточено ныне на борьбе с экономическим и финансовым кризисом, исход которого далеко еще не ясен для самого ЕС и будущего еврозоны, на широкомасштабную поддержку ЕС Таджикистану, как и другим центральноазиатским государствам, рассчитывать не приходится. Как не имеет смысла возлагать им слишком большие надежды на финансирование со стороны международных финансовых институтов (Всемирного банка, МВФ). Они, во-первых, так же концентрируют основное внимание в связи с кризисом на европейском направлении. Во-вторых, их деятельность в известной мере зависит от внешнеполитической конъюнктуры. Известно, что как только США стали рассматривать Узбекистан в качестве своего главного стратегического партнера в Центральной Азии, Всемирный банк предписал Таджикистану приостановить – по неофициальным данным, до февраля 2013 г., – возведение Рогунской ГЭС, против которой активно выступает именно Узбекистан. Ущерб от этого решения стал для республики достаточно драматичным, поскольку 5,5 тыс. таджикских строителей потеряли работу, в то время как вопрос занятости стоит в республике чрезвычайно остро. Таджикистан более других республик Центральной Азии подвержен также нападениям со стороны транснациональных радикальных религиозных организаций типа ИДУ и «Аль-Каиды». Обращает на себя вместе с тем внимание то, что экстремистская вооруженная активность в Таджикистане в 2010–2012 гг. (Раштский инцидент и др.) была связана не с внешним фактором, а преимущественно с внутренними проблемами. В республике многие

из тех, кто боролся во время гражданской войны 1990-х годов на стороне оппозиции, разочаровавшись в мирном процессе, вновь обратились к насилию. Растет в республике и популярность Партии исламского возрождения (ПИВТ), готовой бросить вызов правящей Народно-демократической партии Таджикистана и тому политическому строю, который успешно выстраивался в республике в истекшее десятилетие. По словам председателя ПИВТ и депутата нижней палаты парламента Таджикистана Мухиддина Кабири, в настоящее время ПИВТ насчитывает 42 тыс. человек, из которых более 50% – женщины. По подсчетам российского эксперта А. Грозина, из примерно миллиона таджикских мигрантов, работающих в России, 200–300 тыс. являются сторонниками ПИВТ. Эта партия уже привлекла к себе внимание США, не исключая для себя диалога с «умеренными исламистами» в Афганистане и на Ближнем Востоке. Обращают на себя внимание в этой связи переговоры, которые провел 17 сентября 2012 г. в Вашингтоне курирующий регион Южной и Центральной Азии помощник госсекретаря США Р. Блейк с М. Кабири, приехавшим в американскую столицу по приглашению Университета Джорджа Вашингтона «для чтения лекции». Учитывая, что Кабири имеет имидж прозападного политика, ориентированного на модернизацию ислама (в отличие от другого лидера ПИВТ Мухаммада Нури, считающегося сторонником ориентации на Иран), нельзя полностью исключить в будущем поддержку американцами Кабири как одного из реальных оппонентов власти и влиятельного оппозиционного элемента.

17. Для Киргизстана с его перманентной внутривнутриполитической нестабильностью и нерешенными проблемами на юге страны любые потрясения извне, откуда бы они ни исходили, способны стать детонатором нового политического или межэтнического конфликта. Ситуацию в сфере безопасности может усугубить и приток в страну использовавшейся в Афганистане военной техники и снаряжения, которые пообещали оставить в республике США.

18. Изменение формата присутствия американско-наатовских войск в Афганистане после 2014 г. скорее всего не скажется на внутривнутриполитической обстановке в Узбекистане, где 30 августа 2012 г. парламент принял закон, запрещающий размещение на территории Узбекистана иностранных военных баз и объектов. Так был снят с повестки дня вопрос об иностранном военном присутствии. Можно предположить также, что элиты республики достигнут консенсуса в вопросе преемственности власти, и Узбекистан избежит в будущем серьезных политических пертурбаций. До

2014 г. республика будет активно развивать военно-политическое сотрудничество с США, хотя бы для того, чтобы купировать силовым путем внутренние угрозы и блокировать возможные усилия по дестабилизации внутривнутриполитической ситуации извне.

19. Нейтральный и закрытый Туркменистан, как и в течение двух последних десятилетий, когда он принимал незначительное по сравнению со своими соседями участие во внутриафганских распрях, сумеет сохранить прежний уровень отношений с правящим режимом Афганистана, вне зависимости от того, кто будет там у власти. Стабильным отношениям Туркменистана с Афганистаном будут способствовать усилия по строительству газопровода для транспортировки туркменского газа и среднеазиатских энергетических ресурсов в Пакистан через территорию Афганистана. Туркменистан останется одним из важнейших маршрутов транзита афганских торговых грузов, и Афганистан будет еще долго зависеть от туркменского топлива, которое в настоящее время поставляется в виде бензина и сжиженного газа в несколько провинций Афганистана, которые снабжаются также и электричеством из Туркменистана.

20. Для Казахстана в силу его географической отдаленности от Афганистана уровень угроз и рисков из-за возможного возникновения в Афганистане гражданской войны заметно ниже, чем для любой другой страны Центральной Азии. Тем не менее обострение ситуации в Афганистане и непредсказуемость его политического будущего после вывода основной части военнослужащих США и Международных сил содействия безопасности с передачей ответственности за поддержание безопасности в стране афганским национальным силам могут негативно сказаться и на Казахстане, Юг которого тесно взаимосвязан с остальной Центральной Азией. При неблагоприятном сценарии дестабилизация в приграничных с Афганистаном центральноазиатских государствах может выйти за их пределы и прямо или косвенно затронуть интересы Казахстана. В случае прямой военной угрозы со стороны Афганистана, вероятность которой, впрочем, незначительна, можно предположить ту или иную форму российского участия по защите Казахстана для отражения этой угрозы. Казахстан, который считался островком стабильности в Центральной Азии, испытывает в последние годы проблемы. 17 мая 2011 г. впервые за новейшую историю этой республики произошел теракт в городе Актобе. Затем теракты были зафиксированы в таких крупных городах и областных центрах, как Актобе, Атырау, Астана, Алматы, Тараз. С начала 2012 г. по

21 сентября в Казахстане было проведено пять антитеррористических операций по обезвреживанию предполагаемых террористов, большинство из которых были убиты. Ответственность за террористические акты взяла на себя не известная ранее исламистская группировка «Солдаты Халифата» («Jund al Khalifah»), имевшая связи с «Аль-Каидой» и занимавшаяся подготовкой боевиков для этой международной террористической организации. Источники в Афганистане и Пакистане сообщали, что в последние годы оттуда активно направляют боевиков – как правило, этнических казахов, – в Казахстан с целью вербовки новых членов и давления на власти. Обращает на себя внимание, что теракты в стране совпали с активизацией политической борьбы за кресло президента Н. Назарбаева. Участились и ужесточились нападения с участием исламистов также и после того, как Казахстан пошел на радикальное сближение с Россией, вступил в Таможенный союз, стал строить с Москвой Единое евразийское пространство. Власти Казахстана не исключают возможности использования территории республики для незаконного транзита оружия и наркотиков, в том числе и с помощью организаций, считающихся исламистскими. При этом в южных районах Казахстана, где имеется большая узбекская диаспора, увеличивающаяся за счет нелегальных трудовых иммигрантов из Узбекистана, наблюдается быстрая радикализация ислама. Замечена здесь спецслужбами и деятельность «Хизб ут-Тахрир». Так что многое (появление листовок с антиправительственными призывами и происламистским содержанием) говорит о том, что Казахстану не удается оставаться в стороне от процессов исламизации, проявляющихся в том числе и в форме религиозного экстремизма, и опасность состоит в возможности использования исламистами социального недовольства.

21. С учетом выхода Узбекистана из ОДКБ граница Казахстана может стать южным рубежом ОДКБ, а экономическая интеграция в рамках Таможенного союза и Единого экономического пространства может быть усилена за счет военно-политической составляющей. Теоретически экономическая и политическая интеграция на основе создания Россией и Казахстаном общего экономического пространства может получить качественно новый импульс в случае возникновения серьезных угроз безопасности, требующих мобилизации и высокой координации усилий в борьбе с этой угрозой. В этом случае верх возьмет сценарий углубления экономической интеграции при сохранении и России, и Казахстана в качестве суверенных государств со своей внутренней и внешней

политикой. В связи с тем, что именно на Россию и Казахстан ложится главная ответственность за поддержание стабильности в Центрально-Азиатском регионе, необходим незамедлительный и углубленный диалог, целями которого должны стать обсуждение путей противодействия деструктивным глобальным и региональным тенденциям, активизация действующих структур безопасности, с тем чтобы они становились не виртуальными, а реально работающими механизмами.

22. На этом пути неминуемо встанут серьезные трудности. Частично они связаны с тем, что страны Центральной Азии, судя по всему, не спешат связывать проблему обеспечения региональной безопасности с ОДКБ и ее структурами (КСОР и пр.), а также с ШОС. Это обусловлено, во-первых, принятием на вооружение центральноазиатскими участниками этих организаций концепции «многовекторности», которая на практике во многих случаях сводится к простому внешнеполитическому лавированию между различными мировыми и региональными центрами. Во-вторых, это может быть объяснено неизжитыми фобиями части политических элит региона, муссирующей – ненамеренно или осознанно, либо под воздействием западной пропаганды – тезис о якобы существующих имперских устремлениях России. В-третьих, пассивным отношением Китая (в рамках ШОС) к потенциальным военным угрозам региону, стремлением официального Пекина ограничить свою деятельность в Центральной Азии исключительно сферами энергетики, экономики и торговли. К этому следует прибавить омрачающие межгосударственные отношения в Центральной Азии разногласия (по водной проблеме, спорным территориям и пр.), препятствующие выработке консолидированной повестки дня, в том числе и по вопросам, затрагивающим жизненные интересы государств региона.

23. В целом эффективность существующих структур безопасности, действующих в Центральной Азии в рамках СНГ и ШОС, оставляет желать лучшего. Но нельзя не признать того факта, что система все же работает. При всех издержках, связанных главным образом с конкуренцией или параллелизмом в деятельности ОДКБ, ШОС и ЕврАзЭС, она позволяет не только находить консенсус по довольно сложным международным проблемам, но и практически решать актуальные вопросы обеспечения региональной безопасности. Императивом является и то, что эти проблемы должны решаться самими государствами Центральной Азии и только в кооперации. Если страны региона хотят сохранить в ус-

ловиях глобализации реальный суверенитет, им, а также и России необходимо ускорить интеграционные процессы. Согласованности действий центральноазиатских государств по противостоянию внешним вызовам и угрозам препятствует не до конца сформированная в регионе архитектура безопасности, которую отличает сложный многоуровневый характер. Региональный срез безопасности обеспечивается такими военно-политическими и военными организациями, как ШОС и ОДКБ; элементы глобального уровня безопасности связаны с членством государств региона в ООН и ОБСЕ, а также с взаимодействием с НАТО и участием в некоторых программах этой организации, притом что НАТО часто конкурирует и соперничает в Центральной Азии с ОДКБ и ШОС. Серьезными помехами для формирования в Центральной Азии действенной системы безопасности служат эгоистические интересы отдельных стран или элитных групп, амбиции некоторых политиков и их нежелание признать, что только коллективными действиями можно минимизировать действующие и потенциальные угрозы, предотвратить не нужное народам региона противостояние. Пока на этом направлении ощущается сильный дефицит политической воли, которую могли бы проявить лидеры государств Центральной Азии. России и ее центральноазиатским партнерам удается, как правило, находить консенсус по довольно сложным международным проблемам, согласовывать многие действия по минимизации внутренних и внешних угроз безопасности. «Раздвоение» же сферы безопасности из-за присутствия нерегionalных сил и структур плохо помогает решению проблем, порождаемых усложненными геополитическими условиями, тем, что вызовы безопасности Центральной Азии обретают не только внутреннее, но и внешнее измерение.

24. Россия в целом определилась с собственными международными приоритетами, и ее действия направлены в числе прочего на создание на постсоветском пространстве новой реальности, которая, как полагают в России, позволит минимизировать многие риски и угрозы, в том числе и те, что исходят из Афганистана. Это новая стратегия России распространяется и на Центральную Азию. С точки зрения экономики предлагаемая Россией соседям идея интеграции строится на очевидном понимании того, что на путях сохранения постсоветскими странами исторических связей можно выиграть больше, чем от призрачных надежд попасть «на содержание» к кому бы то ни было. В военно-политическом плане Москва не предлагает своим центральноазиатским партнерам

выстраивать «союзы против», а призывает по-соседски работать вместе и противостоять реальным угрозам. Если центральноазиатские власти не смогут изыскать ресурсы для преодоления внешних вызовов и внутренних проблем, в странах могут усилиться радикальные оппозиционные настроения, которыми воспользуются экстремисты всех мастей. Для противодействия такому варианту развития государствам региона нужна, помимо сильной армии и специально обученных сил быстрого реагирования, стратегия ответа на внутренние и внешние вызовы и риски. Но эту стратегию трудно будет выработать без внешней помощи. Такую помощь, в том числе в сфере разведки и безопасности, центральноазиатские государства могут получить от России, которая жизненно заинтересована в поддержании стабильности в регионе и нейтрализации исламистской угрозы. Разумной альтернативой может стать иницируемая Россией углубленная экономическая интеграция, которая стимулирует модернизацию и будет способствовать сохранению светского характера политических систем государств региона. Предстоящий уход боевых частей из Афганистана и передача ответственности за обеспечение безопасности в стране правительству в Кабуле ставят Россию и патронируемые ею структуры безопасности – ОДКБ и ШОС – перед серьезными вызовами. В будущем им предстоит играть более значимую роль в деле афганской стабилизации. Она неминуемо станет предметом не только обсуждения, но и деятельности, скорее всего именно ШОС и ее специализированных структур. Поэтому перед Россией уже сегодня стоит задача развить ШОС до уровня эффективно действующей международной организации, выстраивая ее в многостороннем формате в качестве механизма успешного регионального взаимодействия.

«Вызовы безопасности в Центральной Азии / ИМЭМО РАН», М., 2013 г., с. 5–18.

Е. Ионова,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник ИМЭМО РАН
**СТРАТЕГИЧЕСКИЙ СОЮЗ КАЗАХСТАНА
И УЗБЕКИСТАНА В ГЕОПОЛИТИКЕ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

Политический ландшафт Центральной Азии претерпевает изменения, от которых во многом зависит будущая роль в регионе

главных геополитических сил – США / ЕС, Китая и России. Наряду с изменением внешних условий, связанных с выводом войск международной коалиции из Афганистана, расстановка политических сил в ЦА во многом определяется внутрирегиональными процессами. Так, углубление противоречий между центральноазиатскими республиками по вопросу использования водных ресурсов трансграничных рек вылилось в противостояние Астаны и Ташкента, с одной стороны, Бишкека и Душанбе – с другой. Казахстан и Узбекистан, расположенные в нижнем течении Сырдарьи и Амударьи, крайне озабочены планами Киргизии и Таджикистана по возведению крупных гидроэнергетических узлов – Камбаратинской и Рогунской ГЭС.

Долгое время, несмотря на существующий между Казахстаном и Узбекистаном договор о вечной дружбе, отношения между двумя странами не были простыми. Ташкент достаточно ревниво относился к росту экономического влияния Казахстана в регионе. Кроме того, у Астаны и Ташкента разные внешнеполитические ориентиры. Казахстан активно сотрудничает с Россией во всех интеграционных объединениях на постсоветском пространстве. Что касается Узбекистана, то, сохраняя членство в Шанхайской организации сотрудничества (что во многом объясняется его тесными экономическими связями с одним из главных своих инвесторов – Китаем), он вышел из ЕврАзЭС, затем из ОДКБ, старается избегать участия в военно-политических мероприятиях и в рамках самой ШОС. Одновременно Ташкент наращивает сотрудничество с США и странами Европы в военно-стратегической сфере.

Тем не менее, как показали итоги визита Н. Назарбаева в Ташкент в июне текущего года, несмотря на все различия, старейшие руководители стран ЦА, чья карьера началась еще в советское время, готовы объединить усилия в тех сферах, которые представляют для них обоюдный интерес. Защита общих интересов в области использования водных ресурсов стала отправной точкой происходящего в настоящее время стратегического сближения Ташкента и Астаны. Начало процессу положил визит И. Каримова в Астану в сентябре 2012 г., ставший реакцией на озвученное тогда российским правительством намерение оказать финансовую помощь Киргизии и Таджикистану в строительстве гидроэлектростанций.

Логическим продолжением этого процесса стало заключение в июне текущего года договора о стратегическом партнерстве между Казахстаном и Узбекистаном, а также пакета двусторонних

соглашений в таможенной, правоохранительной и культурной сферах. Во время переговоров лидеров подчеркивалось, что между двумя республиками нет непреодолимых противоречий. Стороны заявили о готовности к совместной выработке политики в области региональной безопасности, а также в энергетической, транспортно-логистической, продовольственной и других сферах.

Следует учитывать, что события на Ближнем Востоке продемонстрировали лидерам центральноазиатских стран возможный сценарий развития событий. По мнению директора международных программ Института национальной стратегии России Ю. Солозובה, «есть вполне четкие попытки перевести “арабскую весну” в “тюркскую”. Стратегическое сближение Казахстана и Узбекистана можно рассматривать как попытку предотвратить политическую турбулентность в регионе».

В ходе встречи двух руководителей подчеркивалось, что сближение Казахстана и Узбекистана направлено на снижение уровня участия внерегиональных игроков в решении проблем в Центральной Азии. По словам И. Каримова, «потенциал Казахстана очень высокий, и если к нему добавить потенциал Узбекистана, то это будут достаточно сильные позиции, с которыми будут считаться другие государства. Я думаю, это одна из главных идей, которая явилась мотивацией к подписанию данного договора».

Эксперты расценили это заявление прежде всего как месседж Бишкеку, Душанбе и Москве относительно озвученных ими планов строительства гидроэлектростанций. Предельно ясно позицию Узбекистана и Казахстана изложил известный эксперт по ЦА А. Князев. По его словам, «риторика бишкекского президента Атамбаева и хор киргизских национал-патриотов по водно-энергетической тематике заставляют руководство РУ и РК думать о противодействии подобным проектам, или о том, как заставить финансирующую эту авантюру Москву прислушаться к своим мнениям».

По сути, главным итогом встречи президентов РК и РУ можно считать то, что на официальном уровне было заявлено: именно этим странам принадлежит особый статус региональных держав, ответственных за безопасность и развитие Центральной Азии. На практике это может привести к расколу региона, делению его на блоки и обострению и без того сложной ситуации в ЦА.

Н. Назарбаев призвал соседей – Таджикистан и Киргизию – прежде чем строить Камбаратинскую и Рогунскую ГЭС, провести

экспертизу и убедить народы, живущие в низовьях рек Амударья и Сырдарья, что их не затопит, что у них всегда будут вода и электричество. Особое беспокойство планы Бишкека и Душанбе по развитию своей гидроэнергетики вызывают у Узбекистана, который видит в них угрозу ирригационной системе, необходимой для развития одной из ведущих отраслей своей экономики – хлопководства. На нужды выращивания хлопчатника республика расходует 90% и более своего водозабора в бассейне Амударьи.

Ташкент подписал международные конвенции (в частности, Хельсинкскую конвенцию ЕЭК ООН об охране и использовании трансграничных водотоков и международных озер от 1992 г. и Нью-Йоркскую конвенцию ООН о несудоходных видах использования международных водотоков от 1997 г.), которые декларируют равенство в освоении общих природных богатств, взаимное рациональное использование трансграничных водотоков, принятие во внимание «верхними» странами интересов и потребностей в воде «нижних» стран, решение спорных вопросов путем диалога.

В Астане также склоняются к тому, чтобы ориентироваться не на сложившуюся в регионе практику отношений в водной сфере, а на общепризнанные международные принципы управления трансграничными водными ресурсами. В частности, эксперты киргизского аналитического центра Prudent Solutions считают, что национальное законодательство Казахстана по использованию водных ресурсов будет, скорее всего, переориентировано на европейские стандарты, что предполагает пересмотр региональных водных документов.

Более того, они подчеркивают, что «сугубо субъективный взгляд стран Центральной Азии по этому вопросу, а также их нежелание идти на компромисс во многом свидетельствуют о том, что в дальнейшем ЦА в вопросах распределения водных ресурсов будет необходим наднациональный арбитр, решениям которого будут внимать все страны региона». По их мнению, усиление «водных противоречий» в ЦА гармонично вписывается в курс, намеченный в докладе госсекретаря США Х. Клинтон в марте 2012 г., который предполагает превращение воды в «политический инструмент давления» и готовность США выступить в качестве третьей силы, призванной «укрепить демократические принципы» в разрешении споров за водные ресурсы, в том числе и в Центральной Азии.

Таким образом, водная проблема в ЦА может стать примером превращения региональных экономических вопросов в фактор

нарушения сложившегося политического баланса и важных геополитических сдвигов. В условиях обострения борьбы за влияние в ЦА между Россией и США от того, какие внешнеполитические ориентиры будут положены в основу союза Казахстана и Узбекистана, во многом будет зависеть расстановка политических сил в регионе. Очевидно, что у двух наиболее сильных республик ЦА помимо гидроэнергетики много других общих интересов, главным из которых является обеспечение национальной и региональной безопасности. И в этом вопросе они готовы сотрудничать как с Вашингтоном, так и с Москвой. Однако следует учитывать, что активизация Запада в регионе обусловлена не только краткосрочными задачами, связанными с выводом войск НАТО из Афганистана, но и долгосрочными интересами, нашедшими отражение в разработанной Вашингтоном стратегии «Новый шёлковый путь».

Эта стратегия предполагает присоединение стран бывшей советской Средней Азии к сфере влияния США и переориентацию их экономических связей на близлежащие государства, уже находящиеся под эгидой Вашингтона. Собственно, действия США по обеспечению их краткосрочных задач в ЦА не вызывают особых возражений ни у России, ни тем более у стран региона. В последние месяцы республики ЦА в ускоренном порядке ратифицировали соглашения по предоставлению транзитных маршрутов для вывоза военной техники и персонала из Афганистана, согласно которым они получают, по некоторым данным, в общей сложности около 400 млн. долл.

Однако закрепление США в регионе на долговременной основе вступает в противоречие с национальными интересами России, да и у самих центральноазиатских республик, связанных с РФ многочисленными экономическими узами, не встречает однозначного отношения. Между тем, как отмечал известный казахстанский ученый С. Кушкумбаев, «в основе политики США – скрупулезная работа с региональными лидерами, причем для каждой страны у них свой выработанный набор инструментов». Действительно, такие страны, как Таджикистан и Узбекистан, имеющие общую границу с Афганистаном и проявляющие особое беспокойство по поводу усиления террористической угрозы после вывода войск НАТО из Афганистана, в наибольшей степени заинтересованы в помощи США. Этому, кстати, способствуют события в Афганистане, где в последнее время вблизи границы с этими республиками активизировались террористические и экстремистские группировки.

Готовность Вашингтона взять на себя ответственность за обеспечение безопасности Таджикистана и Узбекистана может стать основой для долгосрочного закрепления здесь Соединенных Штатов. Как сообщают официальные источники, в марте текущего года на встрече в Душанбе правительственной делегации США с руководителями военных ведомств Таджикистана американская сторона «приняла во внимание» предложения таджикского руководства и выразила готовность оказать содействие в борьбе с возможными угрозами. 3 июня в столице Узбекистана состоялось открытие регионального офиса НАТО. На представительство Североатлантического блока в Ташкенте возложены задачи по укреплению взаимодействия со всеми партнерами НАТО в Центральной Азии – Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном, Туркменией и Узбекистаном.

При этом уровень сотрудничества Узбекистана с НАТО непрерывно повышается: республика получила гарантии снабжения новейшим оружием натовского образца, а ее армия уже перешла на натовские стандарты. Это, в совокупности с выходом Узбекистана из ОДКБ и его нежеланием принимать участие в военно-политических мероприятиях в рамках ШОС, дает основание некоторым аналитикам считать, что республика становится форпостом США и его союзников в Центральной Азии.

По мнению бишкекского политолога М. Сариева, «это и есть работа политики “мягкой силы”. Не торопясь, шаг за шагом, НАТО внедряется в инфраструктуру стран Средней Азии. Это длительный и не очень заметный, но зато непрерывный процесс. Возьмите реализацию программы “Партнерство во имя мира”: натовцы прокачали через свои курсы весь генералитет стран Средней Азии и, есть основания полагать, что они получили лояльное прозападное лобби в вооруженных силах всех наших стран. Сейчас начался новый этап внедрения НАТО в ЦА и трансформация здесь военной инфраструктуры».

На долгосрочную перспективу рассчитан ряд экономических проектов Вашингтона, направленных на ослабление экономических связей стран региона с РФ. В том числе это касается создания новых транспортных коридоров в обход России. Так, в ежеквартальном докладе, подготовленном для Конгресса США в начале 2013 г. аппаратом специального инспектора по проектам реконструкции в Афганистане, предусматривается создание с помощью Министерства обороны США железнодорожной магистрали в ЦА, которая бы связала Узбекистан, Таджикистан и Туркмению с Аф-

ганистаном. Как сообщается в докладе, это «создаст новый железнодорожный коридор для государств Центральной Азии, который будет свободен от влияния России и обеспечит им такой выход на мировые рынки, которого раньше никогда не было». Магистраль должна стать альтернативой железной дороге по маршруту Россия–Казахстан–Киргизия–Таджикистан, решение о строительстве которой было принято на последнем саммите ОДКБ.

На сегодняшний день Афганистан располагает двумя короткими железнодорожными ветками, соединяющими его с Туркменией и Узбекистаном. Первая из них, длиной 10 км, которая связывает туркменский Серхетабад и афганский Тургунди, была модернизирована с помощью Ашхабада, в результате чего ее пропускная способность увеличилась вдвое. Сейчас речь идет о строительстве новой железнодорожной ветки, соединяющей Туркмению и Афганистан. Железная дорога протяженностью 15 км, которая идет из узбекского Термеза через Амударью в афганский Хайратон, в 2011 г. была продлена за счет государственных средств Узбекистана еще на 75 км – до Мазари-Шарифа (до 2015 г. Узбекистан осуществляет эксплуатацию этой дороги на основе концессии). Планируется удлинить этот маршрут на 230 км до города Андхой на западе Афганистана. Новая железнодорожная магистраль должна быть проложена из Таджикистана в Афганистан.

В результате в Афганистане появится новый транспортный коридор из Центральной Азии протяженностью 1100 км, который пройдет от границы с Таджикистаном до границы с Ираном и будет иметь ответвления на границе с Узбекистаном и Туркменией.

Сейчас объектом целенаправленной политики США и союзников становится Казахстан, который в Вашингтоне хотели бы видеть вместе с Узбекистаном в числе проводников своего влияния в ЦА. Тем более что Казахстан является не просто развивающейся страной, но локомотивом развития экономики всего Центрально-Азиатского региона. Со своей стороны, Астана также усилила западный вектор своей внешней политики. По информации СМИ, летом текущего года состоялись встречи различного уровня по линии Казахстан – США, направленные на активное вовлечение Вашингтона во внутривосточные вопросы Казахстана.

Пожалуй, наиболее заметным событием стал визит в США в начале июля министра иностранных дел РК Е. Идрисова, в ходе которого он встретился с ключевыми фигурами американского военно-политического истеблишмента. Среди них – первый замес-

титель госсекретаря У. Бернс, министр обороны США Ч. Хейгел, советник президента по национальной безопасности К. Райс и ее заместитель Э. Блинкен, министр энергетики Э. Мониз. Кроме того, казахстанский дипломат выступил на организованном Атлантическим советом США круглом столе на тему «Текущее состояние и приоритеты внешней политики Казахстана», в котором приняли участие представители Белого дома и Конгресса США, руководители аналитических центров, включая бывших советников Президента США по национальной безопасности З. Бжезинского и Дж. Джонса, а также заместителя госсекретаря по экономическим вопросам и энергетике Р. Хорматса.

Спектр двустороннего сотрудничества США и Казахстана весьма широк, однако в ходе визита Идрисова речь в основном шла о военно-политической сфере, в частности предстоящих широкомасштабных учениях в рамках программы НАТО «Партнерство во имя мира», а также экономических проблемах. В частности, американская сторона, подчеркнув «глубокие и масштабные отношения» двух стран, отметила вклад Казахстана в важные международные процессы, которые фактически отражают принципиальные интересы США в макрорегионе, – антитеррористическая деятельность в Афганистане и предоставление территории для вывода войск НАТО, иранский ядерный вопрос, политика нераспространения ядерного оружия.

Со своей стороны, глава МИД РК подчеркнул, что Казахстан является надежным региональным партнером США по стабилизации в Афганистане. Как отметил Идрисов, «вклад Казахстана хорошо известен – мы оказали содействие в развитии Северной распределительной сети, поддержали инициативу “Новый шелковый путь”, успешно провели министерскую конференцию Стамбульского процесса, предоставили гуманитарную и техническую помощь Афганистану, оказываем логистическую поддержку усилиям США по транзиту как в Афганистан, так и в обратном направлении». Следует добавить, что Казахстан, также как и другие центральноазиатские республики, поддержал выдвинутую США и их союзниками резолюцию по Сирии, предоставляющую им фактически карт-бланш по урегулированию внутреннего конфликта, против которой голосовала Россия и еще 11 стран.

По словам главы казахстанского МИД, отношения США и Казахстана переживают новый этап развития и находятся на высоком уровне, о чем свидетельствует институционализация казахстано-американских связей. В данном случае речь идет о деятельности

трех двусторонних комиссий – по стратегическому партнерству, в области энергетики и недавно созданной комиссии по научно-техническому сотрудничеству. В ходе визита казахстанского министра состоялось второе заседание двусторонней комиссии стратегического партнерства, на котором, в частности, обсуждалась работа оборонных ведомств РК и США в рамках пятилетнего плана сотрудничества на 2013–2017 гг. По итогам переговоров было обнародовано совместное заявление сторон об укреплении стратегического партнерства.

В области экономики США поддержали идею скорейшего вступления Казахстана в ВТО и обещали оказать помощь в диверсификации казахстанской экономики (казахстанский дипломат на встрече с руководителями крупнейших американских компаний, работающих в Казахстане, призвал их поддержать развитие в республике «зеленой экономики»). Кроме того, глава МИД РК обратился к американским законодателям с просьбой об отмене поправки Джексона-Вэника, сдерживающей развитие торговых отношений двух стран. При этом следует учитывать рост значения США как рынка сбыта казахстанской урановой продукции. В частности, с целью увеличения продаж на рынке США и налаживания прямых контактов с потребителями в мае текущего года казахстанская компания «Казатомпром» открыла представительство в США.

Летом текущего года стратегическим партнером Казахстана стала Великобритания. Соответствующий договор был подписан Н. Назарбаевым и британским премьер-министром Д. Кэмероном, впервые посетившим Центральную Азию. Великобритания является одним из важнейших торгово-экономических партнеров Казахстана и занимает третье место после США и Нидерландов по объему прямых инвестиций (12 млрд. долл.). Сообщается, что непосредственным поводом для визита Кэмерона стало урегулирование вопросов, связанных с условиями использования казахстанских железных дорог для вывоза в 2014 г. из Афганистана военного контингента и оборудования. Однако весьма впечатляющей стала экономическая составляющая визита британского премьера, прибывшего в сопровождении 30 бизнес-делегаций. По данным интернет-источников, в ходе визита были заключены контракты на сумму около 1 млрд. долл.

Очевидно, противостоять усилению влияния Запада в ЦА Россия может по нескольким направлениям. Во-первых, это активизация усилий по обеспечению коллективной безопасности в

рамках многосторонних структур – ОДКБ и ШОС, во-вторых, усиление взаимодействия со странами ЦА в области предотвращения террористических угроз на двусторонней основе, в-третьих, укрепление экономического сотрудничества со странами региона, включающее предоставление финансовой помощи тем странам, которые продемонстрировали заинтересованность в укреплении отношений с Россией.

Между тем Москва оказалась перед сложным выбором в вопросе поддержки гидроэнергетических проектов Таджикистана и Киргизии, который фактически стал вопросом о выборе основных союзников РФ в ЦА. Некоторые эксперты в сближении Астаны и Ташкента склонны видеть начало создания «тройственного союза» России, Казахстана и Узбекистана. В пользу этого, более оптимистичного с точки зрения интересов РФ, сценария развития событий свидетельствует ряд факторов.

Во-первых, наличие у России договора о стратегическом партнерстве как с Казахстаном, так и с Узбекистаном. Поэтому, если рассматривать сближение двух центральноазиатских республик в более широком контексте, с точки зрения противостояния росту в регионе влияния исламского экстремизма, то Россия, весьма интенсивно проводящая сейчас в ЦА свою политику, по факту становится участником нового стратегического союза. Он может быть не оформлен институционально, но реализоваться по линии Москва – Ташкент и Астана – Ташкент на двусторонней основе. Напомним, что в апреле текущего года в рамках визита И. Каримова в Москву был подписан пакет документов по различным областям сотрудничества РФ и РУ – от экономики (в частности, была подписана межправительственная программа экономического сотрудничества на 2013–2017 гг.) до взаимодействия спецслужб. В июне состоялось первое заседание российско-узбекской межмидовской рабочей группы по проблеме региональной безопасности в ЦА, на котором главное внимание было уделено ситуации в Афганистане и вокруг него. По некоторым данным, в Казахстане уже действует террористическое подполье. Указами Президента РК от 24 июня 2013 г. под эгидой Комитета национальной безопасности РК был создан Антитеррористический центр (АТЦ), в который вошли руководители 23 министерств и ведомств, а также акимы областных центров (<http://www.rosbalt.ru/exurrs/2013/07/01/1147092.html>).

Во-вторых, не снижается значение экономического фактора – тесных хозяйственных связей России с Казахстаном и Узбекиста-

ном. РФ по-прежнему удерживает лидерство среди торговых партнеров Узбекистана – по итогам 2012 г. на ее долю пришлось 29% внешнеторгового оборота РУ. В мае текущего года Узбекистан подписал договор о зоне свободной торговли в рамках СНГ. Это должно существенно расширить рынок сбыта для узбекской продукции. В то же время нет уверенности в том, что Узбекистан ратифицирует договор о присоединении к ЗСТ, вступающий в противоречие с некоторыми положениями внутреннего законодательства, например, программой по ограничению импорта потребительских товаров и услуг и защите собственных производителей.

Июльский визит В. Путина в Казахстан, помимо решения назревших проблем в космической отрасли, был посвящен дальнейшему укреплению отношений двух стран. Хотя этому визиту предшествовало определенное похолодание казахстано-российских отношений, связанное, в том числе, с недовольством Астаны некоторыми инициативами Москвы в рамках Таможенного союза (например, предложением по совместному пограничному контролю на внешних рубежах ТС), по итогам встречи Н. Назарбаев заявил, что между двумя странами нет никаких неразрешимых проблем. Было объявлено о подготовке изменений к базовому договору о добрососедстве и сотрудничестве, а также соглашения о сотрудничестве по линии спецслужб.

* * *

Сегодня, когда Россия стремится предотвратить усиление в Центральной Азии влияния США, а Китай наращивает свое присутствие в регионе, перед странами Центральной Азии стоит задача определения своих главных внешнеполитических ориентиров. В конечном итоге, от решения этой задачи руководителями государств региона и будет зависеть уровень и степень влияния здесь того или иного центра силы. Основопологающими факторами сближения стран ЦА и РФ остаются территориальная близость, общие проблемы безопасности, взаимодополняемость национальных экономик.

*«Россия и новые государства Евразии»,
М., 2013 г., № III (XX), с. 5–14.*

И. Иванова,
востоковед
РЕГИОНАЛЬНЫЕ И ВНЕШНИЕ АКТОРЫ.
ТУРЦИЯ

С приходом к власти Партии справедливости и развития (ПСР) в 2002 г. Турция добилась значительных успехов в укреплении статуса региональной державы. После относительной пассивности в регионе Ближнего Востока Анкара начала проявлять себя здесь как важный дипломатический актор. На внешнеполитическом фронте Турция активно развивает конструктивные отношения с большинством арабских стран, среди которых Египет, Сирия, Иордания, Кувейт, Тунис, Марокко, Ливия, Оман, Катар и Бахрейн. Турецкий президент А. Гюль, премьер-министр Р.Т. Эрдоган и министры его кабинета часто посещали арабские страны с целью укрепления политических и экономических отношений.

2011 год в этом плане начался достаточно активно. Сразу же после окончания конференции послов, которая проходила 3–9 января в Анкаре, первые лица государства вместе с довольно представительными делегациями осуществили ряд содержательных визитов в страны Ближнего Востока. В частности, президент Турции посетил Йемен, а премьер-министр – Кувейт и Катар. В официальные делегации входили представители деловых кругов Турции. Визиты турецких лидеров вызвали большой интерес не только в регионе, но и за его пределами. Особое внимание привлекли резкие высказывания первых лиц государства и инициированные ими региональные проекты. Среди них самый большой резонанс вызвали предложения Турции в связи с ядерной программой Ирана и обострение отношений с Израилем из-за блокады сектора Газа.

В мае 2010 г., когда США достигли договоренности с постоянными членами Совета Безопасности ООН в отношении

введения санкций против Ирана, Турция и Бразилия заключили с иранским правительством соглашение в отношении урана, и министр иностранных дел Турции А. Давутоглу подчеркнул, что теперь нет необходимости в санкциях. Однако представители западных стран придерживались иного мнения. В своем выступлении на комиссии по иностранным делам Х. Клинтон заявила следующее: «В вопросе противодействия Ирана мировому сообществу и поисков решения мы выделяем искренние инициативы Турции и Бразилии, но побуждаем мировое сообщество подготовить действенный пакет акций». 9 июня 2010 г. Турция как временный член Совета Безопасности ООН проголосовала против санкций в отношении Ирана, несмотря на личный звонок президента США Б. Обамы премьер-министру Турции Р.Г. Эрдогану и его просьбу поддержать резолюцию СБ ООН.

Международный интерес, вызванный этими визитами, подогревается и новым тезисом «мудрой страны», выдвинутым министром иностранных дел Турции Ахметом Давутоглу (этот термин впервые прозвучал в его выступлении на январской конференции послов), который подразумевает «более активные и ориентированные на результат шаги» Турции, направленные на упрочение двусторонних отношений в регионе.

С начала 2011 г. многие страны Ближнего Востока и Северной Африки, в частности Тунис, Египет, Бахрейн, Йемен и Ливию, охватила волна народного недовольства, вылившаяся в массовые беспорядки и акции протеста против действующих в этих странах режимов. Народные восстания привели к падению правящих режимов в Египте и Тунисе.

Мировое сообщество по-разному отреагировало на происходящее в Египте и Тунисе. В Турции народ приветствовал действия протестующих и выразил им поддержку. На официальном государственном уровне в первые дни событий господствовали «политика молчания» и подход «поживем – увидим». Изначальные заявления Р. Эрдогана и министра иностранных дел А. Давутоглу были направлены на необходимость развития демократии в регионе, а это означало, что Турция заняла нейтральную позицию исходя из принципа невмешательства во внутренние дела государства.

После того как сопротивление египетского народа на центральной площади Тахрир в Каире усилилось, премьер-министр Эрдоган во время визита в Киргизию, сделав заявление по поводу событий в Египте, заявил, что необходимо прислушаться к голосу египетского народа, а победить должна демократия. Он не

сказал, что Мубарак и его команда должны уйти, как того хотели протестующие, но и не стал защищать режим Мубарака.

Как отметил министр иностранных дел Давутоглу, в Египте или в любой другой стране нельзя допустить краха государственного порядка. К примеру, после оккупации Ирака Соединенными Штатами Америки следовало предотвратить распад основных государственных институтов – армии, полиции и подразделений служб, поскольку после краха государственного порядка есть вероятность возникновения гражданской войны или народ может оказаться перед риском подрыва социальной, политической, экономической и физической безопасности.

Позицию Анкары в отношении Египта можно охарактеризовать так: в АРЕ необходимо «проведение реформ в условиях стабильности». Среди этих реформ, считали в Анкаре, приоритетны следующие: президент Мубарак достойным образом оставит власть; в стране сформируется временное правительство, в котором будут представлены все слои населения; будет разработана новая Конституция; в сентябре 2011 г., по истечении срока президентства Мубарака, состоятся выборы; а далее – начнется процесс развития демократического общества и проведения кардинальных реформ с целью разрешения социально-экономических проблем народа.

Однако все это не означает, что Анкара полностью оказалась вне происходящих событий. Турецкие лидеры, учитывая риск негативного отражения событий в собственной стране, косвенными путями прилагали усилия в целях осуществления «реформ в атмосфере стабильности» в странах Ближнего Востока, охваченных волнениями. По данному поводу премьер-министр Эрдоган несколько раз беседовал с президентом США Б. Обамой, а министр иностранных дел А. Давутоглу провел с Х. Клинтон переговоры по телефону и встречу в формате «один на один». С другой стороны, египетские «Братья-мусульмане» были в постоянном взаимодействии со своими сторонниками в Турции. Представитель организации «Братья-мусульмане» в Турции Эшреф Абдулгаффар в своем заявлении по телеканалу TRT отметил готовность к «реформам в атмосфере стабильности».

Вскоре после отставки президента Х. Мубарака и перехода власти к Высшему совету Вооруженных сил (ВСВС) президент Турции А. Гюль 3 марта посетил Каир с однодневным рабочим визитом. Согласно заявлению Гюля, цель визита заключалась в том, чтобы выразить поддержку народу Египта, вступившему в

новый этап своей истории. Таким образом, как пишет турецкий политолог С. Кохен, президент Турции продемонстрировал солидарность с египетским народом и выразил поддержку ВСВС.

Самой важной стороной визита была встреча Гюля с председателем ВСВС Египта М.Х. Тантауи и лидерами главных оппозиционных групп. Гюль отметил, что военным выпала важная миссия способствовать скорейшему переходу Египта к демократическому порядку и парламентаризму, создав условия для проведения свободных выборов, передать власть гражданскому руководству. Анкара готова поделиться своим опытом в процессе перехода Египта к демократическому правлению. И в обозримом будущем могут быть созданы все условия для сотрудничества двух стран.

Египетская и арабская пресса, подчеркивая важность визита А. Гюля в Египет, цитировала его высказывания: «Необходимо, чтобы Египет вновь добился политической и экономической стабильности и снова стал важным актором в регионе». Визит Гюля в Египет получил освещение и в зарубежных СМИ. Как отметило китайское агентство Синьхуа, «турецкая модель развития» может стать примером для мусульманских стран Ближнего Востока.

Вопрос о «турецкой модели» и о том, может ли она стать образцом для демократических движений в арабских странах, обсуждается в дипломатических, академических кругах, в прессе. Так, заместитель премьер-министра Великобритании Клегг указал, что Турция является важной моделью для стран региона. Клегг, в частности, подчеркнул: «Турция, большинство населения которой мусульмане, член НАТО, добивающийся вступления в ЕС, с динамично многопартийной демократией, являет собой важный образец для арабских стран».

Опрос общественного мнения, проведенный Фондом турецких экономических и социальных исследований в семи арабских странах в марте 2011 г. (Египет, Иордания, Ирак, Сирия, Ливан, Палестина и Саудовская Аравия) и Иране по ряду вопросов, включавших: «Роль Турции на Ближнем Востоке»; «Турция и членство в ЕС»; «Турция как модель для других стран», – дал следующие результаты: 75% опрошенных положительно воспринимают Турцию в таких областях, как дипломатия в регионе, экономика, Турция и демократия. Примечательно, что 78% – считают, что «Турция должна играть еще большую роль в регионе». По мнению опрошенных, Турция, рассматриваемая как демократическая страна, с

учетом успехов в развитии ее экономики, скоро станет реальной экономической силой в регионе.

Демократия, ислам, экономика и внешняя политика – четыре важных индикатора, которые показывают нынешнее восприятие Турции на Ближнем Востоке. Делают ли эти элементы Турцию моделью? Многие считают – да. Но Турция вовсе не позиционирует себя как «модель» для кого-либо. И турецкий президент А. Гюль, и премьер-министр Р.Т. Эрдоган, и другие официальные представители правящей в стране ПСР заявляли об этом не раз.

Перед большинством арабских стран стоят задачи: улучшение государственного управления, борьба с коррупцией, создание институтов демократии, проведение свободных и честных выборов и более эффективной экономической политики. Но арабские страны не нуждаются в Турции или другой стране для претворения их в жизнь, подчеркивает турецкий исследователь И. Калын. Премьер-министр Турции Эрдоган в интервью немецкой газете «Rheinische Post» 26 февраля 2011 г. на вопрос, какое место может занять Турция как мусульманская страна и сможет ли она стать моделью для арабских стран, заявил: «Конечно, мы пристально следили за развитием событий в этом регионе... Хотя Турция и разделяет с арабскими странами общую культуру, традиции и историю, у каждой страны есть свои отличия, и поэтому нельзя ожидать, что все страны региона будут использовать какую-то определенную модель... Турция поддержит усилия стран региона на пути реформ и готова поделиться своим опытом. Наша страна демонстрирует возможность совместного сосуществования демократии, модернизации и ислама. Будучи частью Европы, Турция является членом многих западных организаций, но при этом имеет коренные связи с ближневосточными странами».

Как пишет известный в Турции политический обозреватель Р. Тюрмен, события, начавшиеся в Тунисе в начале 2011 г. и приведшие к свержению Бен Али, а затем Мубарака в Египте, «по принципу домино» распространились и на другие арабские страны. Однако «принцип домино» имеет свои особенности в той или иной стране. Бен Али и Х. Мубарак не противились народным выступлениям, и перемены в этих странах прошли без крови и в короткий срок. А между тем ливийский лидер М. Каддафи, опираясь на армейские части в своем подчинении (включая и иностранных наемников), вверг страну в кровавую внутреннюю войну, пытаясь удержаться у власти. В том, что страна находится на грани катастрофы, большая доля вины Муаммара Каддафи.

Ливия оказалась перед угрозой хаоса и раздела. Премьер-министр Турции Эрдоган подчеркнул, что Турция не может оставаться безучастной в отношении народных движений в арабских странах, и обвинил при этом Запад в том, что он демонстрирует свое безучастие, отдавая предпочтение «нефти и рынкам». С другой стороны, он выступил против «внешней интервенции в Ливию». Эрдоган в телефонном разговоре с Каддафи и его сыном пытался давать им советы, но не получил никаких результатов. Несмотря на это, Эрдоган продолжал настаивать на том, что «перемены в арабском мире должны идти своим ходом, без внешнего вмешательства». В ночь на 18 марта 2011 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию 1973 по Ливии, требующую немедленного прекращения огня и насилия в отношении мирного населения, ввел запрет на все полеты над страной, кроме гуманитарных полетов. СБ ООН также санкционировал любые действия по защите мирных жителей, за исключением ввода оккупационных войск.

Турция выразила поддержку резолюции СБ ООН и призвала к прекращению насилия против мирных жителей. После принятия этой резолюции в тот же день, 18 марта, в Париже состоялась встреча госсекретаря США, представителей ЕС и Африканского союза, генеральных секретарей ООН и Лиги арабских государств с целью обсуждения дальнейших шагов в отношении Ливии. 19 марта французские самолеты начали бомбить Ливию. Турция заняла колеблющуюся позицию. Выступая против иностранной интервенции, Анкара поддержала резолюцию СБ ООН. Но поскольку «в глазах мирового общественного мнения, – как пишет обозреватель газеты “Миллиет” Р. Тюрмен, – Турция рассматривается как сторонница Каддафи, она не была приглашена на парижский саммит, хотя, как правило, она приглашалась на различные встречи ЕС».

Начало авиаударов международной коалиции по территории Ливии подверг критике министр иностранных дел Турции А. Давутоглу, который отметил, что Анкара «проявляет все большую озабоченность сложившейся ситуацией в этой североафриканской стране». Выступая 22 марта в парламенте, премьер-министр Турции Эрдоган заявил: «Мы выступаем за то, чтобы проблемы Ливии решались народом этой страны, а не внешними вмешательствами. Наши опасения относительно операции, проводимой против Ливии, являются в высшей степени оправданными. Мы уже видели в прошлом, что такие операции не приносили никакой пользы, а, наоборот, приводили к росту числа жертв, превращались в оку-

пации, наносили ущерб единству стран». «Подчеркиваю, – сказал Эрдоган, – что Турция ни при каких условиях не станет страной, которая направит оружие против народа Ливии». Он также отметил, что отношения между Турцией и Ливией «не основаны на нефти или корыстных интересах». Эрдоган сказал, что в Анкаре внимательно и постоянно отслеживают ситуацию в Ливии и регулярно проводят переговоры с заинтересованными странами.

Разговор Эрдогана о ситуации в Ливии с президентом США Б. Обамой состоялся 21 марта. Турецкий премьер сообщил ему, что 1 марта лично призвал Каддафи добровольно оставить свой пост и передать власть в Ливии тем, кому полностью доверяют в этой стране. «Политика Турции является предельно четкой. Она будет всегда поддерживать всяческие усилия, направленные на обеспечение внутреннего мира в Ливии», – заявил глава турецкого правительства. «Турция заняла достаточно рискованную, но изменившуюся к лучшему позицию», – пишет турецкий политолог М.А. Биранд. По его мнению, политика сомнений осталась в прошлом. На первый план выходят следующие факторы: Турция против использования в Ливии оружия; Турция выступает за прекращение военной интервенции в регионе; Турция против возможной оккупационной операции; в рамках НАТО Турция готова участвовать в оказании гуманитарной помощи.

Подобная позиция, указывает Биранд, не удовлетворит ни западную коалицию, ни поможет сыграть сколько-либо влиятельную роль в ливийской войне: «Нельзя забывать, что ливийские события еще на начальном этапе, и неясно, куда подуют ветры». «Ветры перемен в регионе, с одной стороны, дают Турции возможность сыграть активную роль и усилить свое влияние здесь, однако, с другой стороны, рожают риск расшатать близкие отношения с некоторыми странами», – пишет турецкий политолог С. Кохен. И с этой точки зрения, по его мнению, наиболее критичной страной является Сирия, которая в последнее время стала ареной кровавых событий. «Действительно, Б. Асад готов идти на некоторые политические и экономические реформы, но предугадать, насколько они могут успокоить народ, очень сложно». Для Турции, подчеркивает турецкий исследователь, «очень важно как проведение реформ в Сирии, так и сохранение стабильности, т.е. сохранение правления Б. Асада. В противном случае: 1) могут быть подорваны двусторонние отношения, развивавшиеся последние годы; 2) нарушение стабильности в Сирии приведет региональный

баланс в полный беспорядок; 3) могут всколыхнуться сепаратистские чувства курдов на Севере страны».

Другой турецкий политолог М.А. Биранд, выражая тревогу по поводу событий в Сирии, указывает, что «если и есть лидер, который может действительно изменить Сирию – так это только Б. Асад. Молодой, открытый реформам, хорошо осознающий, что надо молодежи. Единственная проблема – сможет ли он избавиться от пожилой команды, доставшейся от отца. И другой козырь его – Турция». Биранд утверждает, что если «Асад избавится от паранойи старой команды и прислушается к советам Анкары, он укрепит свои позиции. И премьер-министр Эрдоган желает ему удачи. И в этом он абсолютно искренен, поскольку в интересах Турции стабильная Сирия под руководством Асада». Весной 2011 г. Турция внимательно следила за ситуацией в Сирии. Премьер-министр Эрдоган дважды провел телефонные переговоры с Асадом, министр иностранных дел Ахмет Давутоглу посредством СМИ и по дипломатическим каналам выразил необходимость проведения в Сирии эффективных реформ для мирного преобразования страны. Поездка главы организации нацразведки в Сирию получила освещение в СМИ. Хотя заявления по поводу содержания поездки не было сделано, можно предположить, что оно касалось процесса реформ в Сирии.

У Турции с Сирией давние соседские отношения, нельзя пренебрегать тем фактом, что в последние годы между странами в положительном русле развились многосторонние отношения. Нельзя не учитывать отмену визового режима между странами и подписание в рамках основанного в 2009 г. Совета стратегического сотрудничества высшего уровня множества соглашений в социально-экономической, торговой, политической сферах в области безопасности. Отношения Турции с Сирией имеют значение не только на двустороннем уровне, но также и в рамках арабо-израильского мирного процесса, в региональных вопросах, касающихся Ирака, Ирана, Ливана.

Министр иностранных дел А. Давутоглу 7 апреля 2011 г. совершил визит в Дамаск, где встречался с президентом Сирии Б. Асадом и министром иностранных дел В. Муаллимом. На встречах Давутоглу, напомнив, что для Турции Сирия является ключевой страной на Ближнем Востоке, подчеркнул, что «с первых дней, когда в регионе начали дуть ветры перемен, турецкая сторона настойчиво призывала к проведению в Сирии необходимых реформ». Давутоглу заявил, что в событиях, происходящих в

Сирии, Турция не берет на себя роль посредника, «поскольку все происходящее – это внутреннее дело, однако мы разделяем наши взгляды по вопросу перемен, которые могут обеспечить мир в сирийском обществе». В заключение он подчеркнул, что «все происходящее в Сирии окажет воздействие на Турцию, а происходящее в Турции – на Сирию».

Турецкий министр иностранных дел посетил в начале апреля Бахрейн, где встретился с премьер-министром Бахрейна принцем Халифом бен Сальманом и министром иностранным дел шейхом Халифом бен Ахмедом. В ходе переговоров были обсуждены последние события на Ближнем Востоке и в Бахрейне. В заявлении, сделанном после переговоров, Давутоглу указал: «Мы поддерживаем реформы в Бахрейне, которые делают его более сильным. Мы против каких-либо религиозных разногласий здесь. Если религиозные разногласия становятся предметом политики, это порождает серьезные проблемы. Религия должна объединять, а не разделять людей. Мы придаем большое значение целостности, стабильности и процветанию Бахрейна».

Таковы были основные подходы Турции к событиям на Ближнем Востоке весной 2011 г., которые с лета начали претерпевать известную трансформацию.

Рассматривая турецко-сирийские отношения, можно отметить, что вплоть до августа 2011 г. Турция проводила в отношении событий в Сирии взвешенную политику. На встрече с журналистами в июне 2011 г. турецкий министр иностранных дел А. Давутоглу выразил уверенность в том, что реформы в Сирии проводятся последовательно, и пожелал стране скорейшего выхода из кризиса. Как указывалось в сообщении сирийского информационного агентства «САНА», Давутоглу подчеркнул, что Турция считает сирийцев, находящихся в лагерях на ее территории, не беженцами, а гостями, которые могут вернуться в свои дома как только пожелают. Советник президента Турции Э. Хюрмюзлю назвал турецко-сирийские отношения прочными, неизменными и испытанными временем, подтвердив, что их не ослабят события, происходящие в Сирии.

Ситуация изменилась после военной операции, проведенной сирийской армией в городе Хама в начале августа 2011 г. То, что операция была проведена именно перед началом Рамадана, связано с тем, что в этот месяц мусульмане имеют больше возможностей для общения и встреч в мечетях, а значит, имеется больше возможностей для организации антиправительственных акций.

Именно этот факт мог подвигнуть сирийское руководство на проведение операции в данный период. Турция резко отреагировала на события в Хаме. Премьер-министр Эрдоган выступил с посланием в адрес Асада, указав, что «терпению пришел конец».

Таким образом, с августа 2011 г. отношения с Сирией резко ухудшились. Если еще шесть-семь месяцев назад Сирия, которая рассматривалась как «стратегический партнер» и с которой проводились «совместные заседания кабинетов», теперь превратилась в «проблемного соседа». После того как в начале августа военные силы Асада вторглись в город Хама, Турция, долгое время проводившая сдержанную в отношении сирийского руководства политику, забыла принцип «ноль проблем с соседями». В ответ на события в Хаме президент Турции А. Гюль выступил с резкой критикой режима Асада. Он заявил следующее: «События в Сирии привели всех нас в ужас. Использование в священные дни Рамадана танков и оружия против народа глубоко потрясло меня».

Премьер-министр Эрдоган с начала августа начал открыто озвучивать свое мнение о том, что «сирийский вопрос – это внутренняя проблема Турции». Мотивируя подобную постановку вопроса, Эрдоган заявил следующее: «У нас с Сирией имеются 850 км общей границы, родственные, исторические, культурные связи. И следовательно, все, что происходит в этой стране, ни в коем случае не позволит нам быть просто зрителями. Мы слышим все происходящее здесь и должны предпринимать все необходимые меры». 8 августа 2011 г. в резиденции турецкого премьер-министра было проведено совещание по оценке проблем внешней безопасности, в котором приняли участие начальник Генерального штаба Н. Озел, министр иностранных дел А. Давутоглу и министр обороны И. Йылмаз. В здание заседания прибыл и посол США. Американский посол сделал краткое заявление: «Мы рассмотрели важные вопросы, стоящие на повестке дня».

В этой связи заслуживают внимания высказывания турецкого ученого, заместителя председателя Центра международных отношений и стратегического анализа доктора С. Явуза. «Те, кто рассматривает события в Сирии как внутреннее дело Турции, не могут выступать с тезисом – ноль проблем с соседями». На службу поставлены некоторые механизмы, чтобы во главе с США привести в действие Турцию и некоторые другие страны. И один из этих механизмов – Вашингтонский институт. Этот институт призывает США к совместным с Турцией действиям против Сирии. А к ме-

рам действий можно отнести экономическое эмбарго, угрозу Сирии военной силой и военное вмешательство.

«Решительно события в Сирии, – указывает турецкий ученый, – не внутренняя проблема Турции, но проблема, которая касается Турции. Если нынешний режим в Сирии сохранится, в отношении Турции начнется прежний антагонизм. Если режим сменится, регион может быть втянут в новую анархическую нестабильность. Турция, в одиночку проявляя воинственность, должна прикладывать усилия, чтобы не тратить национальные ресурсы». Визит министра иностранных дел Турции Давутоглу в Дамаск 8 августа 2011 г. и его переговоры с Б. Асадом рассматривались «Турцией и мировым сообществом как последний шанс для Асада отказаться от политики силы». Режиму Асада был дан 15-дневный срок. И действительно, после визита Давутоглу сирийская армия вышла из Хамы и город был открыт для иностранных журналистов. Однако вскоре сирийское руководство провело еще более жесткую военную операцию в порту Лазкие, что «привело весь мир, включая Турцию, в шок». По выражению Давутоглу, «разговаривать больше не о чем», диалог прекратился.

В рамках происходящего в Сирии усилились контакты между Анкарой и Вашингтоном. Между Клинтон и Давутоглу, Обамой и Эрдоганом состоялись важные телефонные переговоры. В плане решения кризиса обе стороны высказывались за прекращение «использования армии против народа» и скорейшее проведение реформ. Однако если США уже были готовы сказать Асаду: «Уходи», Турция все еще не была готова пожертвовать Асадом.

Вместе с тем, как указывалось выше, турецкое руководство восприняло восстание в Сирии как свою внутреннюю проблему. Турция на различных платформах в резкой форме критиковала применение силы в отношении народа, она открыла двери для сирийцев, покинувших свои дома, и способствовала проведению на своей территории совещаний сирийской оппозиции. Турция наиболее активно поддерживает Свободную сирийскую армию (ССА), ведущую партизанскую войну в Сирии. Ее командиры руководят операциями своих сторонников с турецкой территории. При этом Давутоглу продолжает говорить о необходимости демократизации Сирии «мирным путем». Вместе с тем в октябре 2011 г. в Стамбуле был создан Сирийский национальный совет, и турецкий министр иностранных дел стал первым иностранным компетентным лицом, который провел официальные переговоры с представителями Совета. Турция планирует проведение санкций против Дамаска.

ска. В Дамаске считают, что Анкара фактически вступила в гражданскую войну на стороне «мятежников». В качестве ответного шага лояльные правительству сирийские курды угрожали провести «акцию возмездия» в Турецком Курдистане.

В Дамаске больше всего опасаются, что Анкара реализует свои угрозы создать на границе двух стран буферную зону, которая будет находиться под защитой турецких вооруженных сил. В окружении Башара Асада предполагают, что этот район станет плацдармом для Свободной сирийской армии, а в перспективе, возможно, и для «теневого правительства», объединяющего противников режима. Жесткая позиция турецких властей в отношении Сирии была критически воспринята некоторыми турецкими политологами и учеными. В этой связи можно сослаться на публикацию известного турецкого политолога М.А. Биранда, в которой представлена динамика развития турецко-сирийских отношений на протяжении осени 2011 г. Вот вкратце ее содержание.

Начиная с 2003 г. под руководством Партии справедливости и развития Асад и Эрдоган начали развивать совершенно новые отношения. Были отменены визы, экономическое сотрудничество достигло невероятных показателей, проводились заседания по созданию совместных банков. Подобное сближение с Сирией позволило как улучшить имидж Турции в арабском мире, так и облегчило дипломатические маневры Анкары в регионе. Потом все пришло в полный беспорядок. Ветры демократии «арабской весны» затронули и Сирию. Сирийская оппозиция восстала. Асад отреагировал жестко, вывел армию на улицы, начались кровавые события, погибли люди. И тогда взбунтовалась Анкара, начав действовать совместно с Вашингтоном. Вначале были дружеские предупреждения, затем последовали настойчивые требования. Потом мосты были взорваны. Турция продемонстрировала жесткую позицию. Премьер-министр регулярно негативно комментировал режим Асада. Этого оказалось недостаточно, и была организована помощь оппозиции. Турция предоставила свою территорию Свободной сирийской армии для обучения и начала предоставлять ей оружие. Ожидания Анкары сводились к тому, что сирийская оппозиция выйдет на улицы и режим Асада за короткий период рухнет.

Однако эти ожидания не были реализованы. Или Анкара с Вашингтоном сделали ошибочные расчеты, или Асад оказался твердым орешком. Точнее говоря, ему помогла международная конъюнктура. Следует подчеркнуть, что западный мир, включая и Турцию, не планировал военное вмешательство в Сирию. Фактор,

сдерживающий Запад, – это неопределенность после возможного ухода Асада.

К тому же Иран продолжал поддерживать Асада, а если добавить поддержку России и Китая в Совете Безопасности ООН, ситуация становится более определенной. Сегодня Асад выглядит как правитель своей страны. А те, кто рассуждал о том, что он падет в течение нескольких недель, говорят о сопротивлении его режиму в течение нескольких лет.

Турецкий политолог подчеркивает, что «в то время когда Вашингтон занимается своими делами, работа по свержению Асада остается за Турцией. Анкара либо в своих оценках действовала ошибочно, либо не может отступить от занятой позиции. Однако надо учитывать реальность того, что Асада не так легко свалить. И в свете этих событий, следует ли держать на турецкой территории сирийскую оппозицию, обучать и вооружать ее?».

Турецкий профессор И. Узгель подчеркивает, что турецко-сирийские отношения еще более осложнятся, увязывая данную ситуацию с тем, что Турция проводит данную политику в контексте США. Еще один турецкий политолог С. Кохен указывает, что расхождения во взглядах между Турцией и Ираном по ряду вопросов порождают трения между этими странами. «И один из этих вопросов – Сирия. Иранское руководство полно решимости удерживать у власти Асада, который является его самым близким союзником, а Анкара выступает за свержение Асада». Кроме того, предметом расхождений между двумя странами является идеологическое определение сути «арабской весны». Турция рассматривает народные движения как период перехода от деспотических режимов к свободе и демократии. А Тегеран расценивает эти движения как исламскую революцию. В этой связи иранские лидеры критикуют Эрдогана, защищающего идею светскости, считая, что эта идея – «точка зрения западного либерала».

23 декабря в интервью иранскому информационному агентству PressTv Намик Кемаль Зейбек, глава Демократической партии Турции, заявил, что военные действия против Сирии превратят регион в «озеро крови». По словам известного турецкого политика, западные силы подталкивают Турцию к военной операции против Сирии путем тренировки боевиков на территории Турции и осуществления терактов против Сирии с турецкой территории. Эти действия, считает политик, направлены на то, чтобы поставить Турцию в ситуацию, в которой она будет вынуждена начать боевые действия против Сирии. Интересно, что, осуждая такую

политику западных стран, Намик Кемаль Зейбек (отметим, он – политик, находящийся в оппозиции правящей происламской Партии справедливости и развития) сослался также и на ислам, заявив, что эта война не послужила бы интересам мусульман и что ни один мусульманин не примет такую войну.

14 декабря 2011 г. в информационном агентстве «Анадолу Ажансы» было опубликовано интервью председателя Турецко-сирийского объединения предпринимателей Октайя Тархана, в котором он заявил, что в результате острого политического кризиса в Сирии турецкая экономика понесла существенные потери: прекратился транзит товаров из Турции через эту страну, а также произошло резкое сокращение товарооборота двух государств. Вследствие этого турецкое государство по приблизительным подсчетам потеряло от 7 до 8 млрд. долл. Тархан также отметил, что у Турции имеется довольно протяженная граница с Сирией, и в этой стране у многих турецких граждан проживают родственники. Сирия является очень важным рынком для турецкого бизнеса. Особенно большое оживление финансовой активности наблюдалось в последние два года. Из-за сокращения экономических связей между странами сильно пострадали приграничные районы Турции в связи с сократившимся потоком туристов и грузов через границу. Тархан, отметив, что за последние пять лет товарооборот двух стран вышел на качественно новый уровень, заявил, что в 2007 г. турецко-сирийский товарооборот составил 995 млн. долл., а уже в 2010 г. он превысил сумму в 2,5 млрд. долл. Ожидалось, что в 2011 г. оборот составит 3 млрд. В настоящее время прекращены экономические отношения с сирийским правительством и банками страны, нет авиационного сообщения. Экономические связи двух государств имеют и социально-культурный подтекст, особенно легко это можно проследить на примере приграничных районов.

Министр иностранных дел Турции Ахмет Давутоглу заявил, что руководство Сирии должно открыть двери для своего собственного народа, вместо того, чтобы закрывать свои консульства. Между тем президент Сирии Башар Асад продолжает критиковать Турцию: «Турция не может ничего навязывать Сирии. Мы боремся с Западом, а потворствующая ему Турция, очевидно, не самый сильный игрок в регионе», – заметил он в своем интервью для ливанской газеты «Аль-Ахбар».

С весны 2011 г. турецко-ливийские отношения развивались по следующему сценарию. 3 мая премьер-министр Эрдоган заявил: «В истории Ливии начался новый период. Несмотря на все наши

предупреждения, М. Каддафи продолжает кровопролитие, он должен немедленно уйти». А через два месяца Турция отозвала своего посла в Триполи.

Еще до полной победы повстанцев и до того, как столица Ливии Триполи перешла к Переходному национальному совету (ПНС), многие страны «начали соревнования» по установлению контактов и особенно деловых связей с новой властью. И в этих соревнованиях одним из первых игроков стала Турция. В начале августа министр иностранных дел Турции Давутоглу посетил Бенгази, став первым иностранным представителем, встретившимся с лидерами ПНС. Помимо символического визит носил характер вполне активной поддержки – турецкий министр предоставил повстанцам 100 млн. долл.

На заседании политических директоров Контактной группы по Ливии, которое состоялось в Стамбуле 25 августа, министр иностранных дел А. Давутоглу произнес вступительную речь и выразил желание поднять триколор с полумесяцем и звездой – флаг ливийских оппозиционеров – под сводами ООН. «Новая Ливия заслуживает стать равноправным и уважаемым членом международного сообщества. Флаг новой Ливии должен развеваться и в ООН, и мы надеемся, что это произойдет уже после сентябрьского заседания Генеральной Ассамблеи ООН», – отметил глава турецкой дипломатии.

Эксперты обратили внимание на публикацию британской газеты «Financial times», которая, освещая визит министра иностранных дел А. Давутоглу в Ливию, выразила мнение, что «А. Давутоглу стремится к тому, чтобы Анкара заняла передовые позиции в послевоенном обустройстве Ливии». Газета напоминает, что Турция оказала ливийским оппозиционерам помощь, которая исчисляется сотнями миллионов долларов, призвала страну сформировать правительство, которое бы опиралось на широкие массы, а мир – разморозить ливийские активы. «Wall Street Journal», в свою очередь, охарактеризовал Турцию как «ключевого игрока» в ближневосточных вопросах и отметил «бесшумные выплаты Анкары оппозиционерам».

(Окончание в следующем номере).

«Ближний Восток. Арабское пробуждение и Россия: Что дальше?», М., 2012 г., с. 508–528.

Л. Раванди-Фадаи,
кандидат исторических наук (ИВ РАН)
**ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ
В СОВРЕМЕННОМ ИРАНЕ**

Национальная политика для такой этнически неоднородной страны, какой является Исламская Республика Иран (ИРИ), всегда была одним из актуальных направлений государственной политики (табл. 1). До исламской революции в основе национальной политики лежала концепция «единой иранской нации», на основе которой осуществлялась «персизация» национальных меньшинств. Целью реализации этой концепции было предотвращение развития сепаратистских тенденций, сохранение территориальной целостности государства.

После установления исламского режима эта цель также осталась актуальной, но в основу новой национальной политики легла концепция общности мусульманской уммы (ст. 11 Конституции ИРИ). При этом, хотя Конституцией ИРИ в качестве официальной религии признан ислам¹ джафаритского толка², признаются и другие течения ислама (ст. 12 Конституции ИРИ). Важнейшим аспектом национальной политики в Иране является государственная позиция по различным конфессиям. Несмотря на приход к власти шиитского духовенства, в новой иранской конституции сохранились те же принципы взаимоотношений государства с конфессиональными меньшинствами, которые были заложены еще в первой иранской конституции, принятой в период династии Каджаров. Каджары – тюркская династия, правившая Ираном с 1781 по 1925 г. Она запомнилась объединением Ирана, утверждением Тегерана в качестве новой столицы, а также конституционной революцией 1906 г. В 1925 г. Учредительная ассамблея меджлиса объявила о низложении Ахмад-шаха Каджара. Новым шахиншахом был провозглашен Реза-хан Пехлеви. В результате исламской революции Иран перешел от шахского монархического режима Пехлеви к исламской республике аятоллы Хомейни. 1 апреля 1979 г. после проведения всенародного референдума Иран провоз-

---

¹ Ислам в Иране исповедуют более 90% населения.

² Джафаритский толк (мазхаб) – школа исламского права (фикха), которой следуют шииты-двунадесятники (иснаашариты). Это преобладающее направление в рамках шиитского ислама, преимущественно распространенное в Иране, Азербайджане, Бахрейне, Ираке и Ливане.

глашен исламской республикой. В ст. 13 Конституции ИРИ свободу религиозного исповедания получили иранские зороастрийцы, иудеи и христиане, а по ст. 19 «иранцы, относящиеся к любому этносу или племени, обладают равными правами; цвет кожи, раса, язык и т.п. не ставят никого в привилегированное положение». Местные национальные языки могут свободно использоваться наряду с персидским языком в прессе и иных средствах массовой информации, а также для преподавания национальных литератур в школах.

Но на практике этим конституционным принципам не всегда удается воплотиться в жизнь. Запад очень часто обвиняет национальную политику ИРИ в дискриминации этнических меньшинств, например в отношении права на образование на родном языке.

Население Ирана по языковому признаку можно разделить на следующие основные группы: ираноязычная – персы 51% всего населения, курды – 7,5, гиланцы (гилаки) и мазандаранцы – 8, лурь – 2, белуджи – 2%, а также племенная группа бахтияр, незначительное число таджиков, афганцев, талышей и др.; тюркоязычная группа – азербайджанцы 24,5%, туркмены – 2, узбеки и кашкайцы – менее 2%; арабоязычная группа – арабы более 2%. Кроме того, в Иране с глубокой древности живут армяне, ассирийцы (или айсоры), евреи, и несколько тысяч этнических грузин, около 2 тыс. русских.

С одной стороны, запрет на использование в системе образования и СМИ национальных языков можно рассматривать с точки зрения нарушения прав определенного этноса. Но, с другой стороны, нельзя не учитывать, что этот запрет в определенной степени сдерживает сепаратистские тенденции в развитии этнического национализма.

Этнический национализм является важным фактором в жизни любой страны, который следует учитывать с точки зрения укрепления внутренней безопасности, особенно в Иране, находящемся на перекрестке цивилизаций и этносов. Деятельность этнических националистов в западных и юго-восточных районах Ирана, в которых экономическая и религиозная ситуации заметно отличаются от центральных провинций (останов) Ирана, и возможность провокаций, инспирированных внешними силами в этих районах, могут быть значительны. Ситуация осложняется наличием «разделенных народов» («ирредентизм») и естественным желанием этносов соседних стран объединиться в единое целое. С одной стороны, Иран получает возможность влиять на своих соседей, но,

с другой стороны, и соседи могут подстрекать «свой» этнос к провоцированию межэтнических конфликтов в Иране.

Проблема, которая больше всего вызывает недовольство среди национальных меньшинств, – это отсутствие школ на родном языке. В связи с этим хотелось бы отметить, что вопрос о том, в какой степени государство должно разрешить этносам проявлять и развивать свою особую этническую и национальную идентичность, является крайне непростоим для любого государства. Например, США часто критикуют национальную политику других стран в отношении национальных меньшинств, в том числе и Ирана, но в американских государственных учебных заведениях учеба ведется только на английском языке. Хотя, по данным официальной переписи 2010 г., 16,3% населения США – латиноамериканцы. А их доля в юго-западных штатах намного больше (например, в штате Калифорния – 37,6%). Но и в Калифорнии учеба в государственных высших учебных заведениях ведется только на английском языке. Для американских политиков представляется бесспорной важность единого государственного языка. Еще в 1907 г. президент США, лауреат Нобелевской премии мира за 1906 г. Т. Рузвельт заявил: «В нашей стране хватает места только для одного языка – это английский язык. Потому что мы намерены создавать наших граждан американцами, людьми американской национальности, а не обитателями какого-то проходного дома многих языков».

Аналогичной позиции в отношении этнических проблем Ирана придерживался в начале XX в. редактор иранского журнала «Айандэ» М. Афшар. В статье «Прошлое – настоящее – будущее», опубликованной в 1925 г., он писал, что национальное единство Ирана – это политическое, культурное и социальное единство всего населения, которое обеспечивает сохранение политической независимости и географической целостности страны. По его мнению, для достижения такого национального единства только персидский язык должен использоваться по всей стране и должны исчезнуть национальные различия в одежде, обычаях и т.п. По мнению Афшара, проект сплочения народностей в одну нацию в Иране должен начаться с языка, для чего некоторые персоязычные народы должны быть переселены в регионы, где говорят не на персидском языке, и наоборот. Он предлагал даже заменить все географические названия городов и деревень, получившие имена в периоды Чингисхана и Тамерлана, на персидские.

Существуют различные взгляды на проблему этнического национализма. Одни считают, что этносы – уже дело прошлого. Этносы существовали веками, как и семейные, общественные и т.п. связи, которыми любой человек окружен с детства. В настоящее время, когда идет «построение наций», неизбежно происходит «разрушение этносов». Зачастую людям приходится отказываться от этнической самоидентификации, чтобы стать частью чего-то большего – нации, страны. Это естественный процесс, и конфликты, связанные с ним, также естественны. Социальные перемены ничего не изменяют, а решения проблемы данный подход не предлагает. Согласно другой точке зрения, этнические конфликты, как мы их знаем сегодня, – это результат политических, социальных, культурных и т.п. изменений в обществе. Таким образом, зная причины и последствия таких перестановок, можно найти оптимальное решение. Чтобы понять современную ситуацию в Иране, необходимо сочетать оба эти подхода.

До определенного момента этот взгляд позволял объяснить причину политизации национального сепаратизма. Но в настоящее время ситуацию в иранских национальных районах такой подход мало объясняет. В последние годы все большую значимость приобретает вопрос национального представительства во властных структурах. Так, число правительственных постов ограничено. Если их получают представители одного этноса, то не получают представители другого. Все это приводит к конкуренции и политизации национальных противоречий. То же происходит и в экономике, культуре и т.п. Внутри же этнической группы подобные противоречия приводят к «мобилизации этноса», его сплочению.

Сами по себе межэтнические проблемы на религиозном, культурном и других уровнях не являлись бы настолько серьезными, если бы не становились политизированными. Объединение людей на этнической почве нередко происходит по расчету. Если они видят, что объединение в группу по этническому признаку принесет им больше выгод, чем неприятностей, – они объединяются. Такое сплочение в ущерб целостности страны может вызывать серьезные проблемы. В разжигании межэтнических конфликтов нередко виноваты руководящие элиты, лидеры этносов, играя на различиях между этносами и центральной властью («Да, мы сунниты!», «Да, мы курды!»). Элиты таким способом «шантажируют» центральное правительство, стремясь получить больше полномочий и привилегий, демонстрируя свою власть над этносом.

Существуют разные определения этносов. На наш взгляд, наиболее удачным представляется определение Э. Смита. Он считает, что этническая группа – это «единица общества с определенным названием, с общим мифом о происхождении, общей исторической памятью, общими культурными элементами, связанная с определенной землей исторически, и с определенным чувством солидарности». Таким образом, элементы идентичности, религии и общей культуры являются ключевыми элементами в решении этнических вопросов.

Некоторые считают, что если этносы внутри государства будут чувствовать, что имеют все необходимые и равные права (право на родной язык и преподавание на нем, равный доступ к политической жизни и т.п.), то они будут чувствовать себя частью единого государственного организма («мы – иранцы», а не «мы – белуджи»). Однако если подобные проблемы не будут решаться, достаточно малейшей проблемы для того, чтобы вызвать мобилизацию этноса и его конфликт с центральной властью.

Что вызывает этнический национализм? Структура распределения власти, исторический опыт различных этносов (сами они правила в прошлом или кто-то правил ими), реакция других соседних с этносом стран или международных сил на определенные этносы внутри страны, геополитические условия жизни общества, «соседи» (курды в Турции могут вызвать и проблему с курдами в Иране). Безусловно, наличие большого количества этносов осложняет формирование и проведение национальной политики в Иране. Иран является 16-й страной в мире по разнообразию языков и этносов. Имеются шесть крупных этнических групп, которые в течение истории оказали наиболее сильное влияние на формирование современного иранского государства.

Крупнейшим этническим меньшинством Ирана являются азербайджанские тюрки (нам известны как иранские азербайджанцы). Они живут в провинциях Восточный и Западный Азербайджан, Зенджан, где они составляют более 80% населения, а также в останах Хорасан, Гилян и в крупных городах Хамадан, Казвин, Саве, Арак и Тегеран. В столице ИРИ проживает до 1 млн. азербайджанцев. Эта этническая группа занимает достаточно сильные позиции в экономике, и потому экономические проблемы не могут стать главной причиной межэтнического конфликта. Но при этом данная группа отличается сильным чувством национальной идентичности – именно она боролась против центральной власти при

Каджарах, в период Конституции. В Иране выпускается масса журналов и книг (более 11 тыс.) на азербайджанском языке.

Другая многочисленная этническая группа – курды. Они более подвержены межэтническим конфликтам, так как живут на очень небольшой территории, у них плохо развита экономика, мало образовательных и медицинских учреждений. Добавляется и географическая ситуация – «соседи», где курдские националисты могут легко найти убежище в горных районах Курдистана на турецкой и иракской территориях. Курды, в отличие от азербайджанцев Ирана, испытывают политическую изоляцию, их присутствие в политической элите Ирана очень невелико. На них большое влияние оказывает ситуация с курдами в Северном Ираке и Южной Сирии. Публикуются некоторые издания на курдском языке.

Луры представляют собой достаточно сплоченную этническую группу, с сильно выраженной племенной властью. В свое время они выступали против центральной власти при Каджарах в период Насреддин-шаха, в конституционный период и годы правления Реза-шаха.

Белуджи в основном сконцентрированы в Систане и Белуджистане. Они в отличие от вышеперечисленных этносов в основном исповедующих шиизм, являются суннитами, поэтому вовлечены в конфликт с центральным иранским правительством на религиозной почве, также имеются проблемы в экономическом отношении. Они – «соседи» белуджей в Пакистане и Афганистане, и это оказывает на них большое влияние, побуждая выступать против центрального правительства.

Арабы в большинстве своем проживают в провинции Хузестан на юго-западе Ирана. Если после исламской революции 1978–1979 гг. произошел всплеск националистических взглядов, то после начала войны с Ираком они «забыли» о национализме, но этот этнический фактор все-таки остается из-за соседства с арабскими странами. После войны большая часть богатых арабов покинула Хузестан. Несмотря на то что Хузестан – один из центров добычи нефти в Иране, в этом остане высок уровень безработицы и велик контраст между уровнем жизни арабов в Иране и арабских странах, что становится причиной возникновения националистических движений.

Туркмены на северо-востоке Ирана компактно проживают в сельских местностях останов Мазандаран и Хорасан, а также в городах Горган, Гомбеде-Кабус, Бандаре-Торкеман, расположенных к востоку от Сари до Мешхеда. По неофициальным данным, чис-

ленность туркменского населения Ирана колеблется от 0,5 до 2 млн. человек. Туркмены не идентифицируют себя как часть туркменского этноса, большинство их называют себя иранцами. Но они все равно подвержены влиянию Туркменистана.

Проблема этнического сепаратизма достаточно резко стояла перед Ираном в течение всего XX столетия. Особенно острой она стала после исламской революции 1978–1979 гг. Наиболее напряженной ситуация была в Иранском Курдистане, когда в течение нескольких лет там велись настоящие боевые действия Демократической партии Иранского Курдистана с вооруженными силами ИРИ. Сейчас ситуация менее напряженная, но еще далека от идеальной.

В период президентства М. Ахмадинежада курдское движение как политическое и как сепаратистское себя фактически не проявляет. Можно говорить о развитии национальных оппозиционных движений, которые базируются за рубежом. Придавая большое значение снижению уровня оппозиционных настроений в национальных останах, Ахмадинежад сразу же после своего избрания начинает периодически посещать эти регионы, особенно наиболее отсталые в экономическом отношении. Там же неоднократно проводились выездные правительственные сессии. Именно Ахмадинежад был первым президентом, которому удалось привлечь внимание разных государственных органов к этим столь отдаленным и малоразвитым районам страны. По решению правительства часть средств от продажи нефти была выделена на развитие этих депрессивных районов, и меджлис согласился с тем, чтобы на нужды этих регионов была израсходована часть средств Стабилизационного фонда и Национального фонда развития.

На этническую ситуацию в последние годы стал влиять внешний фактор. В этнических регионах страны, особенно в Систане и Белуджистане, а также в Курдистане, появилось значительное количество новых националистически настроенных организаций, которые осуществляют террористические акты. Этнический терроризм, несмотря на то что его основой являются экономические, политические и культурные притеснения национальных меньшинств со стороны официального Тегерана, может быть усилен внешними факторами, угрожает вероятностью иностранного вмешательства. Это является одной из форм давления США и их союзников на официальные иранские власти. Можно предполагать, что этнический фактор будет и в дальнейшем влиять на стабильность социально-политической жизни ИРИ.

Этнический состав населения Ирана
(Сальнаме-йе амарийе кешвар, 1385, т. 2.6
[Электронный ресурс]. Режим доступа www.amar.sci.org.ir])

<p><i>Ираноязычные народы</i> Курды – около 7 млн. человек, преимущественно мусульмане (шииты и сунниты), но среди курдов также имеются иудеи, христиане и йезиды Белуджи – около 4 млн. человек (в основном сунниты) Мазандаранцы – около 4 млн. человек Гиляки – около 4 млн. человек Бахтиары – около 3 млн. человек Луры – около 5 млн. человек</p>
<p><i>Тюркоязычные народы</i> Азербайджанцы (иранские турки) – около 13 млн. человек (в основном мусульмане-шииты) Кашкайцы – около 1 млн. человек Туркмены – около 1,5 млн. человек</p>
<p><i>Арабоязычные народы</i> Арабы Хузестана – около 1,5 млн. человек Арабы Хорасана – около 50 тыс. человек</p>
<p><i>Немусульманские народы</i> Ассирийцы – около 70 тыс. человек. В парламенте имеют одного представителя В Иране действует несколько ассирийских обществ и организаций, таких как «Анджомане адабийе джаванане ашури» («Общество литературы ассирийской молодежи»). Они имеют свои собственные школы, в которых преподается ассирийский язык</p>
<p>Армяне – около 500 тыс. человек. В парламенте имеют двух представителей Имеют свои школы и церкви</p>
<p>Евреи – около 25 тыс. человек. Это самая большая еврейская община на Ближнем Востоке после Израиля. В парламенте имеют одного представителя У иранских евреев есть несколько синагог и религиозных святынь (в Хамадане, Сузах, Дамаване и Казвине). Имеют свои школы, больницы, спортивные залы, общества. Издают журнал «Офогх бина» («Горизонт»)</p>
<p>Зороастрийцы – около 20 тыс. человек В парламенте имеют одного представителя Имеют свои школы (например, школа «Маркар» или школа «Фируз Бахрама») Зороастрийцы имеют свои общества и организации, издают еженедельный журнал «Амордад»</p>

Население ИРИ по останах (2008)
(Сальнаме-йе амарийе кешвар, 1385, Т. 2.6
[Электронный ресурс]. Режим доступа: www.amar.sci.org.ir])

	Административ- ный центр	Население, тыс. человек	Площадь (тыс. км ²)
1. Восточный Азербайджан	Тебриз	3603,5	45,6
2. Западный Азербайджан	Урмийе	2873,5	37,4
3. Ардебиль	Ардебиль	1225,3	17,8
4. Исфахан	Исфаган	4559,2	107,0
5. Элам	Элам	545,8	20,1
6. Бушехр	Бушехр	886,3	22,7
7. Тегеран	Тегеран	13 413,3	18,8
8. Чахармахаль и Бахтиария	Шахрекорд	857,9	16,3
9. Южный Хорасан	Бирджанд	636,4	88,4
10. Хорасан Разави	Мешхед	5593,3	125,8
11. Северный Хорасан	Боджнурд	811,6	28,4
12. Хузестан	Ахваз	4275,0	64,1
13. Зенджан	Зенджан	964,6	21,8
14. Семнан	Семнан	589,7	97,5
15. Систан и Белуджистан	Захедан	2405,7	181,8
16. Фарс	Шираз	4336,9	122,6
17. Казвин	Казвин	1143,2	15,5
18. Кум	Кум	1040,7	11,5
19. Курдистан	Сенендедж	1438,5	29,1
20. Керман	Керман	2652,4	180,8
21. Керманшах	Керманшах	1879,3	25,0
22. Кухгилуйе и Бойерахмед	Ясудж	634,3	15,5
23. Голестан	Горган	1617,1	20,2
24. Гилян	Решт	2404,9	14,0
25. Лурестан	Хоррамабад	1716,5	28,3
26. Мазандеран	Сари	2920,6	23,7
27. Центральный (Маркази)	Арак	1349,6	29,1
28. Хормозган	Бендер Аббас	1403,7	70,7
29. Хамадан	Хамадан	1703,3	19,4
30. Йезд	Йезд	990,8	129,3

*«Вестник Российской нации»,
М., 2013 г., № 1–2, с 209–219.*

Н. Горбунова,
востоковед
**ЛИВАНСКИЙ КРИЗИС: ТРАНСФОРМАЦИЯ
ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА**

В делящемся десятилетиями ближневосточном конфликте, в котором принимают участие не только расположенные в этом регионе страны, но и другие государства, Ливан занимает не самое видное место. После гражданской войны 1970–1980-х годов он потерял свою роль ближневосточного финансового центра и постепенно утрачивал самостоятельность в решении многих важных государственных проблем. Ливанскому государству приходилось прилагать немалые усилия для того, чтобы соблюсти баланс интересов внутренних и внешних сил. За этот период ливанское общество претерпело различные изменения, которые повлекли за собой необходимость трансформации государственных институтов. Рассмотрим наиболее заметные из них.

Хорошо известно, что политическая структура этой страны с самого начала строилась на принципах конфессионального представительства, в соответствии с величиной той или иной религиозной общины, что отличало Ливан не только от западных стран, но и от соседних арабских государств. Несмотря на некоторые оговорки в правовых актах, на практике в Ливане всегда в первую очередь учитывалась религиозная принадлежность кандидата на тот или иной пост, а уже потом – его профессиональные и личные качества. Конфессиональный принцип положен в основу избирательной системы страны. Ситуацию усугубляет то, что политические партии, за некоторым исключением, строятся опять же на религиозной платформе и «в действительности представляют собой не что иное, как конфессиональные кланы» [Rizk, 1966, p. 110]. Это утверждение ливанского ученого Шарля Ризка остается актуальным до сих пор.

Таким образом, любые изменения в государственном устройстве страны становились невозможными без решающих изменений в религиозном и социальном составе самого общества. 18 религиозных общин являются основными игроками в ливанской политике. По законодательству, еще с османских времен они управляют семейным правом в соответствии со своими традициями. Дополнительную нестабильность создает неоднородность самих этих общин, внутривнутриполитическая борьба различных группировок внутри них.

До начала гражданской войны в Ливане проживали 2,4 млн. человек (по данным за 2009 г., население Ливана составляло 4,17 млн. человек) (krugosvet.ru/). Около 50% населения исповедовали ислам, соответственно, другая половина – христианство. Среди христиан наиболее крупной являлась маронитская община – 54% всех ливанских христиан, греко-православная община составляла 20, униаты (греко-католики) – 11, христиане Армянской апостольской церкви – 10, армяно-католики – 2, протестанты – 1, другие христианские меньшинства – 2%. Из мусульманской общины наиболее многочисленной была суннитская – 46% всех мусульман, шиитская – 40, друзская – 14% (Man, State., 1972, p. 260–264, Мельников, 1970, с. 156). За последующие 20 с лишним лет в конфессиональном составе ливанского населения произошли заметные изменения, которые наряду с другими факторами сыграли определяющую роль в реформировании политической и властной структуры государства.

Согласно современным оценкам, ливанцы-христиане уже не составляют большинства населения, их насчитывается около 40%; число мусульман, включая друзов, достигает 60%. При этом самой многочисленной мусульманской общиной стала шиитская. Число ее приверженцев превысило 50%. Сунниты составляют одну треть всех ливанских мусульман (krugosvet.ru/). Среди главных причин демографических изменений конфессионального состава населения страны – вытеснение христиан и их эмиграция, более высокая рождаемость у мусульман. Несмотря на заметное уменьшение числа ливанцев-христиан, даже сейчас Ливан имеет самый большой процент христианского населения из арабских стран. На демографический и конфессиональный состав населения страны по-прежнему сильно влияет палестинский фактор. На территории Ливана живут около 400 тыс. палестинских беженцев, поэтому все проблемы арабо-израильского конфликта сказываются и на Ливане.

Следует особо отметить, что приводимая статистика весьма приблизительно отражает реальность, поскольку каждая религиозная община заинтересована в завышении числа своих приверженцев. При этом, несмотря на споры о процентном соотношении конфессиональных групп, религиозные лидеры избегают проведения новой всеобщей переписи населения из-за опасения, что это может вызвать очередной виток межконфессиональных конфликтов. Последняя официальная перепись населения в Ливане была проведена в 1932 г.

Очевидные изменения в конфессиональном составе ливанского населения в пользу мусульман, в первую очередь шиитов, усилили давление их общин как на центральные структуры власти, так и на местные. Возросли требования пересмотра ряда статей Конституции, в частности, ослабления власти президента-маронита. Гражданская война обнажила политическую дезинтеграцию общества. Власть в стране оказалась в руках лидеров многочисленных вооруженных группировок, которые контролировали небольшие районы. Тем не менее механизм государственного управления сохранился, и время от времени различные политические силы делали попытки восстановить прерогативы центральной власти.

Изматывающая гражданская война, присутствие сирийских войск в стране, дезорганизация экономики, а также изменения в демографическом составе населения поставили вопрос о приведении политической структуры в соответствие с новыми реалиями. 30 сентября 1989 г. депутаты ливанского парламента собрались на заседание в саудовском городе Ат-Таиф (в Бейруте военная обстановка не позволяла это сделать). Соглашения в Ат-Таифе, достигнутые с помощью Комитета трех (Алжира, Саудовской Аравии и Марокко), привели к выработке и принятию 22 октября «Хартии национального согласия», в которой основными национальными задачами были объявлены ликвидация политического конфессионализма, принятие нового избирательного закона, административная децентрализация, проведение других назревших реформ. За представителями трех основных общин были закреплены только высшие посты. Формально упразднен принцип конфессионального представительства во всех звеньях госаппарата, суда, в армии и органах безопасности, учреждениях государственного и смешанного секторов, за исключением чиновников первой категории (от директора департамента и выше), где стало действовать правило равного представительства христиан и мусульман (Мезхер, 1999, с. 14–17).

Парламент (Палата депутатов, или Ассамблея представителей, – Маджлис ан-Наваб) был расширен с 99 до 128 депутатов, избираемых на основе всеобщего избирательного права сроком на четыре года по принципу фиксированного представительства от религиозных общин. В нем заседают 64 мусульманина (27 суннитов, 27 шиитов, 8 друзов и 2 алавита) и 64 христианина (34 маронита, 14 греко-православных, 8 греко-католиков, 5 армяно-григориан, один армяно-католик, один протестант, а также еще

один христианин, по усмотрению). Сами функции парламента практически не претерпели изменений за последний период. Он по-прежнему избирает президента, утверждает состав правительства и контролирует его деятельность, рассматривает важнейшие международные договоры и соглашения до ратификации их президентом, избирает членов Верховного суда, утверждает законы и государственный бюджет республики (kugosvet.ru/). Глава республики – президент – избирается парламентом на шестилетний срок, причем одно лицо не может дважды занимать этот пост. За все время это правило нарушалось два раза: в 1995 г. на три года был продлен срок пребывания у власти Элиаса Храуи, а в 2004 г. президентские полномочия были продлены для Эмиля Лахуда до 23 ноября 2007 г.

Исполнительная власть в республике представлена правительством Ливана во главе с премьер-министром. Президент по представлению парламента назначает премьер-министра и его первого заместителя. Премьер-министр формирует кабинет министров по принципу религиозного квотирования после консультаций с президентом и парламентом. Президент утверждает состав кабинета, затем он получает вотум доверия в парламенте. Правительство несет солидарную ответственность перед парламентом и обязано в случае вынесения ему последним вотума недоверия уйти в отставку.

Конституция в редакции 1990 г. предусматривает, что с избранием первой Палаты депутатов на общенациональной, неконфессиональной основе учреждается Сенат, в котором должны быть представлены все религиозные общины. Еще одним изменением, внесенным в Конституцию, было учреждение Конституционного совета. Закон о Конституционном совете был принят в 1993 г. Этот орган был призван контролировать конституционность законов и выносить решения относительно конфликтов, возникающих при проведении парламентских и президентских выборов. Официально признанные главы религиозных общин получили при этом право консультироваться с Советом относительно законов, касающихся только личного статуса, свободы веры и религиозной практики, а также свободы религиозного образования.

Таким образом, по окончании гражданской войны была сделана успешная попытка устранить внутренние причины конфликта. Национальная конференция приняла новую Хартию согласия между ливанскими общинами, и на основе принципов этой Хартии была принята новая редакция Конституции. Был открыт путь к

мирному урегулированию конфликта, начались всесторонние консультации всех заинтересованных сторон. На этом пути было достигнуто значительное продвижение.

Результаты гражданской войны и парламентские выборы 1992 г. все же оказались не в пользу христианских сил. Самая крупная и влиятельная маронитская партия «Катаиб», недовольная вводом сирийской армии в Ливан и перераспределением власти в пользу мусульман, бойкотировала те парламентские выборы. Она продолжала терять свое влияние, и на следующих выборах в 1996 г. ее кандидатам не удалось пройти в парламент. Лишь в 2000 г. в высший законодательный орган были избраны три члена от партии «Катаиб», а ее руководство перешло к сторонникам компромисса с Сирией.

Эта война имела фатальные разрушительные последствия для процветавшей до того ливанской экономики. Введение сирийской армии в Ливан кардинально изменило ситуацию: упал курс ливанского фунта, промышленная и туристическая инфраструктура страны была разрушена, начался отток капитала. Ливан как мировая туристическая Мекка перестал существовать. Лишь к середине 1990-х годов туристический сектор экономики частично восстановился. То же произошло с ливанскими банками. Надо отметить, что финансовая система Ливана в целом консервативна. Налоги здесь традиционно низкие. Например, максимальная ставка подоходного налога составляет 10%, столько же – налога на прибыль

В последующие годы в жизни страны все более значительное место завоевывали мусульмане, особенно шииты, что заметно сказывалось и на бытовом уровне, в повседневных поведенческих нормах. Усилились попытки мусульманских влиятельных кругов придать религиозный характер всем жизненным сферам – образованию, научной деятельности, политическому управлению обществом. Набирал силу религиозный фундаментализм (Николаева, 2011, с. 197–199).

На этом фоне внутри страны не спадала напряженность, время от времени вылившаяся в вооруженные конфликты. Дело в том, что после ухода израильских войск с ливанской территории, по соглашению, были разоружены все вооруженные группировки, кроме «Хезболлы». Она была призвана защищать южную границу страны. Затем, когда опасность израильского вторжения отступила, «Хезболла» осталась наряду с армией единственной группировкой, обладавшей большим количеством оружия. В последние

годы «Хезболла» почувствовала себя настолько уверенно, что устраивала демонстративные провокационные силовые акции, чтобы дестабилизировать ситуацию в стране. Эти военные акции имели целью изменить в свою пользу конституционные правовые нормы и расшатать те демократические в своей основе постулаты, на которых основываются институты Ливанской Республики.

18 сентября 2010 г. в Международном аэропорту Бейрута им. Рафика аль-Харири произошел серьезный инцидент – фактический захват аэропорта вооруженными отрядами «Хезболлы». По следам этого события обозреватель саудовской газеты «Аль-Джазира» Джассер аль-Джассер написал статью под говорящим названием «Постепенное разрушение Ливана», в которой заявил, что «Хезболла» пытается захватить власть в Ливане при поддержке Ирана: «Во-первых, “Хезболла” захватила Южный Ливан под предлогом сопротивления израильской оккупации; она заставила войска и службы безопасности покинуть этот регион, так как она, по ее мнению, несет ответственность за ее безопасность. Впоследствии южный пригород столицы Бейрута превратился в закрытую зону, и никто не осмелился бороться с “Хезболлой” за контроль над этой территорией. После этого военное крыло этой организации добралось до западной части Бейрута. 7 марта 2010 г. столица подверглась разрушению, были подожжены здания СМИ и телестанции, а сунниты были арестованы и убиты» (Аль-Джазира, 17.10.2010).

Нарастающей напряженности в Ливане в тот период саудовская пресса уделяла много внимания, обвиняя «Хезболлу» в стремлении захватить контроль над Ливаном и считая это частью иранского заговора. Рассуждения на эту тему, впрочем, приводили авторов статей в целом к взвешенному выводу. «Разве какая-то отдельная сторона может захватить контроль над Ливаном, даже если у нее есть оружие и людские резервы? Христиане не могут объединиться; сунниты не могут занять единую позицию, несмотря на то что они представляют правительство в лице премьер-министра; то же самое касается “Хезболлы”... Каждая из этих групп связана политическими интересами с арабскими, региональными и международными силами. Израиль также тщательно следит за ливанской ситуацией, утверждая, что охраняет безопасность на севере страны, и не скрывая своих намерений вмешаться в войну с “Хезболлой” в любой момент...» – писал редактор газеты «Эр-Рияд» Юсеф аль-Кувайлит в октябре 2010 г. При этом он критически оценивал позицию ливанских лидеров, которые «меняют

своих союзников при перемене ветра», а это приводит к нестабильности правительства и слабости национального единства. «Словесные войны приводят к настоящей войне», – предупреждает он (Аль-Джазира, 17.10.2010).

Как раз в те дни состоялся визит президента Ирана М. Ахмадинежада в Ливан. Умело используя крайне сложную ситуацию на Ближнем Востоке в своих интересах, Иран предложил вложить в ливанскую экономику миллиарды долларов и потребовал взамен от Ливана занять максимально жесткую позицию по отношению к Израилю. Укреплению проиранских сил в лице «Хезболлы» немало способствовала и Сирия.

Непреходящая напряженность в этой ближневосточной стране напрямую связана с конфликтной палестино-израильской ситуацией и между Ираном и его сателлитом – Сирией, с одной стороны, и Саудовской Аравией, другими государствами Персидского залива и их единоверцами в Ливане и Сирии – с другой. Именно с этим связаны частые предупреждения, появляющиеся в саудовской прессе, о том, что «Хезболла» стремится к доминированию в Ливане, что является частью иранского заговора. Они констатируют, что все внешние силы, опирающиеся на те или иные конфессиональные или этнические группы ливанского населения, не имеют шансов на полный контроль над страной, поскольку, в противном случае «...ни одно законное правительство не сможет обеспечить стабильность и национальное единство» (Эр-Рияд, 19.10.2010).

Правоту такого мнения подтверждает тот факт, что всеобъемлющее сирийское влияние на ливанскую внутривосточную обстановку, продолжавшееся почти три десятилетия после ввода сирийских войск в Ливан, сильно поколеблено последними событиями в самой Сирии, где режим Асада едва держится и ему сейчас не до ливанских дел. В самом же Ливане довольно регулярно происходят вооруженные инциденты с участием милиции «Хезболлы». По свидетельству саудовской газеты «Аль-Джазира», в октябре 2010 г. не менее 15 машин, заполненных ее боевиками, штурмовали аэропорт Бейрута. «Это была военная демонстрация силы... Ливанцев интересует вопрос: не присоединила ли “Хезболла” Международный аэропорт Бейрута к четырем своим охраняемым территориям... По всей видимости, государство постепенно передает безопасность и военный контроль в руки “Хезболлы”...» (Аль-Джазира, 17.10.2010).

В другой своей заметке Аль-Джассер предположил, что «Хезболла» пытается повторить в Ливане то, что Иран совершает в Ираке. Он разъясняет, что Иран пытается посеять политическую анархию в арабских странах для усиления контроля своей агентуры над политическими системами государств, которые он хочет разрушить. По мнению Аль-Джассера, «Хезболла» угрожает не только министрам и высокопоставленным политикам, но готовится совершить переворот, захватить правительство и саму столицу, применив насилие, как это произошло 7 мая 2008 г. При этом «Хезболла» использует партию Мишеля Ауна «Реформы и прогресс» для выполнения плана иранских мулл подчинить себе Ливан, «плана, который достиг очень опасной стадии и который может вызвать большие беспорядки в этой цивилизованной стране, которую они пытаются погрузить во мрак» (Аль-Джазира, 17.10.2010).

Эти опасения саудовской прессы находили реальное подтверждение в дальнейших событиях в Ливане. В середине января 2011 г. из состава правительства вышли 11 министров, представлявших оппозицию, и правительство было вынуждено уйти в отставку. Причиной этого демарша стали разногласия между опирающейся на поддержку Сирии и Ирана оппозицией, с одной стороны, и правящей коалицией во главе с Саадом Харири, ориентирующейся на страны Запада и Саудовскую Аравию, – с другой. Поводом для разногласий было по-прежнему расследование убийства в 2005 г. его отца Рафика Харири. Независимая комиссия по расследованию этого теракта была преобразована в Специальный трибунал ООН по Ливану, который начал работать в Гааге 1 марта 2009 г. В начале 2011 г. Спецтрибунал ООН готовился огласить обвинительный вердикт по этому вопросу. Ответственность за покушение на Харири была возложена на четырех членов диверсионного крыла шиитской группировки «Хезболла». «Хезболла» же требовала от Саада Харири прекратить сотрудничество с трибуналом, обвиняя в теракте Израиль. Лидер «Хезболла» Хасан Насрулла отказался выдать подозреваемых международному правосудию. Опираясь на решение трибунала, коалиция лидеров христианских партий предъявила движению «Хезболла» обвинение в причастности к гибели премьер-министра и 22 его помощников и охранников. Помимо этого Коалиция 14 марта направила президенту Мишелю Сулейману открытое письмо, в котором говорилось, что начатый движением «Хезболла» «государственный переворот» уже привел к распаду правительства национального единства и

«направлен против свободы, демократии и Конституции Ливана». В письме «Хезболла» обвинялась в стремлении установить диктатуру одной партии и говорилось, что Коалиция не допустит захвата власти в стране «вооруженной милицией» этой партии и установления религиозной диктатуры по типу иранской (news.mail.ru/politics/5175940/). По этому поводу член руководства движения «Хезболла» Набиль Каук заявил, что его группировка «не стремится к установлению контроля над правительством и не бросает вызов какой-либо ливанской конфессии или политической партии... Сопrotивление не интересуют места в правительстве. Его главная забота – защитить Ливан от американских заговоров».

Надо сказать, что в эти дни, в январе 2011 г., в стране реально произошла смена политической власти: президент Мишель Сулейман доверил крупнейшему ливанскому бизнесмену Наджибу Микати, выдвигенцу «Хезболлы», сунниту, создать новый кабинет министров. Однако сторонники С. Харири отказались в нем участвовать. Страна раскололась на два лагеря. Противники «Хезболлы» обвинили ее в «конституционном перевороте». Кандидатуру Микати поддержали лидер ливанских друзей Валид Джумблат и еще шесть членов возглавляемого им блока «Демократическая встреча». Микати впервые ввел в состав кабинета сразу пять министров из своего родного города Триполи – «суннитской столицы» Ливана, а шестым оказался суннит Алаутдин Терро, депутат от Прогрессивно-социалистической партии (ПСП) В. Джумблата. После этого в правительстве шиитов оказалось меньше на одного члена, по сравнению с суннитами. Это произошло благодаря компромиссу со стороны спикера парламента, председателя движения Амаля Набиха Берри, пожертвовавшего одним местом в шиитской квоте ради гражданского мира и поддержки кабинета Микати. Таким образом, за кандидатуру Микати проголосовали около 70 депутатов, что было достаточно для формирования кабинета. 25 января президент М. Сулейман утвердил состав правительства.

Тогда противники «Хезболлы» вышли на улицы. Акции протеста прошли в регионах, преимущественно населенных суннитами. В Триполи перекрыли основную дорогу, ведущую в Сирию. «Серьезную обеспокоенность» происходящим выразили США, где «Хезболлу» считают террористической организацией. Под вопросом оказалась финансовая помощь США Ливану (Фещенко, 26.01.2011).

Поскольку реально нет возможности исключить «Хезболлу» из политической жизни Ливана, и никто не желает новой гражданской войны, наилучшим вариантом было бы достижение политического компромисса. По мнению Г. Мирского, главного научного сотрудника ИМЭМО РАН, такое развитие событий было бы возможно в случае, если правительство Ливана не встанет полностью на сторону международной комиссии и объявит о намерении провести собственное расследование убийства Р. Харири. «Хезболлу» такой вариант устроил бы. Но тогда наверняка мир никогда не узнает, кто убил Р. Харири, и эта неопределенность будет вечно раздражать разные религиозные конфессии Ливана.

В последнее время ситуация вокруг Сирии и в целом на Ближнем Востоке быстро развивается по кризисному сценарию, который может привести к прямому конфликту. Некоторые аналитики называли и его временные рамки – осень–зима 2012 г. В качестве одного из возможных сценариев называется новая война «Хезболла» с Израилем на территории Ливана. После первой войны в Ливане в 2006–2007 гг. Сирия продолжила укрепление позиций «Хезболлы» и перевооружение отрядов этого движения, играя роль коридора для поставок оружия и денег из Ирана. Она обеспечивала подготовку военизированных группировок этого движения, действующего внутри Ливана, для укрепления своих политических позиций и вне его – для борьбы с Израилем. Сложившийся альянс трех сил – Ирана, Сирии и движения «Хезболла» использует Ливан как плацдарм для осуществления своих планов. В настоящее время «Хезболла» располагает примерно 50 тыс. ракет, поставленных в основном из Ирана. События в Сирии, продолжающиеся уже второй год, значительно ослабили этот альянс. И как бы ни рассматривать развитие ближневосточного конфликта, в интересах Ливана – сохранять внутривосточный баланс интересов всех сил, всех конфессий и социальных групп.

Знаменательным шагом в этом отношении явилось заявление в феврале 2012 г. лидера ливанской оппозиции Саада Харири «о поддержке героического восстания сирийского народа». Обращаясь к участникам массового митинга в Бейруте по телемосту из Парижа, бывший премьер-министр призвал к сотрудничеству с Сирийским национальным советом (СНС), который поддерживают страны Запада, Турция и монархии Персидского залива. Он утверждал, что «создание после революции свободной и демократической Сирии станет благом для Ливана и позволит установить между братскими народами соседних стран подлинно дружеские и

тесные отношения». По его словам, ливанским христианам и шиитам не следует опасаться падения режима Башара Асада: «Я гарантирую, что в Ливане не начнется междоусобицы, и никакой экспансии суннитских экстремистов не случится». Он также подтвердил, что возглавляемое им движение «Аль-Мустакбаль» отстаивает принципы умеренности, толерантности и плюрализма (Зеленин, 2012).

Между тем власти в качестве превентивной меры в феврале 2012 г. установили армейские блокпосты на всем протяжении стратегического шоссе Бейрут–Дамаск в долине Бекаа. В Триполи и других городах на севере Ливана на почве событий в Сирии уже неоднократно происходили ожесточенные столкновения между суннитами и алавитами, а в мае на самом севере Ливана члены суннитской общины, выступающие на стороне сирийского руководства, открыто выступили против своих единомышленников, поддерживающих СНС.

Во время визита в Россию в марте 2012 г. глава МИД Ливана Аднан Мансур заявил: «То, что происходит в Сирии, вызывает тревогу в Ливане, потому что негативные события, которые происходят сейчас в этой стране, могут отрицательно повлиять на обстановку в соседних странах, в том числе в Ливане... Никто не выступает против реформ, все ждут реформ, но все выступают против насилия». В заключение он отметил: «Если мы хотим, чтобы Сирия вышла из кризиса, необходимо помочь сирийскому руководству в осуществлении реформ и обеспечении безопасности. Нельзя требовать от правительства прекратить использование силы, в то время как с другой стороны оно будет продолжаться» (ИТАР-ТАСС. Внешняя политика. 20.03.2012). Такова в настоящее время официальная позиция правительства Ливана, считающего сохранение нейтралитета в отношении сирийских событий наилучшим способом не быть втянутым во внутренний кризис в соседней стране. В свою очередь, министр иностранных дел РФ С. Лавров высказал позицию России в отношении событий в Сирии и Ливане. Он заявил, что в случае падения нынешнего сирийского режима есть вероятность создания там суннитского режима под давлением некоторых стран региона. Россия обеспокоена в данной ситуации судьбой христиан и других меньшинств – курдов, алавитов и друзов. «Ливан – такая же многоэтническая, многоконфессиональная страна, там очень хрупкое государственное устройство», – заключил С. Лавров.

Обеспокоенность мировой общественности событиями в Сирии и возможность их распространения на соседние страны отражают визиты в Бейрут в середине января этого года Генерального секретаря ООН Пан Ги Муна и министра иностранных дел Турции Ахмета Давутоглу. Они провели переговоры с премьер-министром Ливана Н. Микати и приняли участие в международной конференции, посвященной политическим переменам, происходящим в арабских странах, – «Реформы и переход к демократии». В интервью крупнейшей ливанской газете «Ан-Нахар» Пан Ги Мун заявил, что ожидает возобновления конференции по общенациональному диалогу в Ливане под эгидой президента М. Сулеймана. Кроме того, Пан Ги Мун совершил поездку в штаб-квартиру Временных сил ООН в Ливане в Ан-Накуре, где свыше 12 тыс. солдат и офицеров из 30 стран в качестве миротворцев следят за обеспечением режима прекращения огня на ливано-израильской границе. Генсек ООН призвал ливанских руководителей разоружить милицию «Хезболлы» в соответствии с резолюцией 1559 СБ ООН (ИТАР-ТАСС. Новости. 14–15.01.2012).

Нынешнее ливанское правительство Н. Микати в целях стабилизации и снижения градуса напряженности внутри страны пытается делать ставку на новые масштабные экономические проекты. В середине сентября 2011 г. на крупном Арабском форуме по инвестициям, банковскому делу, недвижимости, промышленному и туристическому сектору Микати выразил уверенность, что Ливан «сумеет... пережить этот чувствительный период, который опасен воздействием региональных кризисов». По его мнению, сила Ливана – в его гибкой демократической системе, культурном разнообразии и открытости. Он сообщил участникам форума, что разрабатывает всеобъемлющую программу развития, которая «направлена на повышение эффективности производства и улучшение социальных показателей, а также исправление ситуации с государственным долгом (52 млрд. долл., или 147% ВВП). Успехом кабинета министров можно считать принятие парламентом плана реконструкции энергетического сектора, который предусматривает сооружение новых и модернизацию уже имеющихся ТЭЦ, что позволит к 2014 г. ливанцам иметь в домах электричество 24 часа в сутки» (Зеленин, 2011, с. 44–46).

Позитивные прогнозы премьер-министра связаны с тем, что некоторое время назад на шельфе Средиземного моря у берегов Израиля, Кипра и Ливана были обнаружены крупные месторождения нефти и газа. В 2011 г. парламент утвердил закон, открываю-

щий путь к созданию необходимой правовой базы для соглашений о разделе продукции с иностранными фирмами, а также закон о делимитации морских границ, в том числе в пределах исключительной экономической зоны в Средиземном море. Однако сразу же после этих шагов возникли неизбежные споры с Кипром и Израилем о разграничении морского шельфа. Интересно, что за «газовой конфронтацией» пристально следит «Хезболла», лидер которой шейх Хасан Насрулла уже предостерег Израиль от посягательств на ливанские берега.

Если подвести итоги трансформации политической и государственной системы Ливана за последний период, то можно сказать, что она привела к заметному усилению роли шиитской общины. При этом «Хезболла» имеет союзником президента М. Сулеймана, спикера парламента Набиха Берри, а также вождей друзей и христиан (например, маронитского патриарха Бишара Райи). Таким образом, ливанский кабинет Н. Микати постепенно укрепляет свое положение, но его прагматичные расчеты во многом зависят от того, в каком направлении пойдет развитие событий в Сирии и как отреагирует на них Иран. Нет пока ответа на вопрос, не воспользуется ли Израиль ослаблением Сирии для нанесения удара по шиитским боевикам. Ливанцы, безусловно, понимают, что их страна легко может вновь стать «горячей точкой».

Ливанская Республика на протяжении своей истории постоянно совершенствовала свои государственные и общественные институты. Это позволило ей провести модернизацию экономики, законодательства, стать крупным финансовым и культурным центром на Ближнем Востоке, резко поднять уровень жизни населения, гибко реагировать на сложнейшие вызовы времени, отстаивать свою независимость и безопасность. Однако в быстро развивающемся современном мире барьеры, стоящие между конфессиями, тормозят процессы объединения ливанцев и конкурентную среду, в первую очередь, между людьми. Этот объективный фактор будет еще долго влиять на все стороны жизни Ливана. Хотелось бы верить, что он больше никогда не станет спусковым механизмом новых вооруженных конфликтов между ливанцами.

«Восток (Oriens)», М., 2013 г., № 4, с. 114–121.

Д. Нечитайло,
востоковед
«НИГЕРИЙСКИЙ ТАЛИБАН»
И ЕГО ПОСЛЕДОВАТЕЛИ

Страна, в которой заметна деятельность «Аль-Каиды», – это Нигерия с населением 140 млн. человек, около половины которых исповедуют ислам. В последние пять лет исламисты, преимущественно на севере, стали вводить шариатские нормы. Это привело к распространению насилия в регионе. Кстати, ислам пришел в Нигерию еще в XI в., в основном через арабских торговцев. Исторически сложилось так, что мусульмане населяют Север страны, а христиане – Юг.

По мнению исследователей исламизма в Африке, основной причиной возникновения радикальных группировок служит деятельность международных «благотворительных» организаций, которые являются основными проводниками радикальных тенденций среди мусульман Африки, и Нигерии в частности. Например, у последователей суфизма вызывает настороженность деятельность фонда «Аль-Мунтада аль-Ислами». Как заявил в интервью представитель одного из суфийских орденов, «...до появления фонда в штате Кано не наблюдался межрелигиозный конфликт..., теперь же мы находимся на грани гражданской войны. “Аль-Мунтада” “промывает мозги” молодым нигерийцам в саудовских университетах и принуждает нигерийских мусульман следовать исламским нормам через хорошо спонсируемую сеть мечетей и религиозных школ. Это и есть интервенция исламизма в Нигерию».

В январе 2004 г. в стране возникла группировка численностью около 200 человек под названием «Нигерийский Талибан». Как было заявлено, ее целью является создание независимого исламского государства на части страны. Через несколько недель в результате столкновений с армией группа была разбита. В начале 2007 г. Верховный суд Нигерии предъявил обвинение в терроризме Малламу Бело Ильясу Дамагуну, руководителю компании «Media Trust Ltd», который был связан с «Аль-Каидой», отправлял молодежь в Пакистан, Афганистан и другие страны для прохождения военной подготовки. Он входил в группировку «Нигерийский Талибан» и получил от «Аль-Каиды» за последние пять лет около 300 тыс. долл. для вербовки молодых людей. Ему также инкриминируется отправка 14 человек в военно-тренировочный лагерь «Умма аль-Кура» в Мавритании.

Организация «Нигерийский Талибан» также известна как движение «Аль-Хиджра». По мнению лидеров организации, общество настолько погрязло в неверии, что истинным мусульманам надлежит удалиться туда, где торжествуют законы шариата. В середине 2003 г. члены «Аль-Хиджры» переехали в лесистую местность административного центра Майдугури. В этом районе члены группировки вместе с женами и детьми создали поселение. Сначала события развивались в мирном русле, но уже с конца того же года группировка стала совершать налеты на полицейские участки, захватывала оружие, распространяла листовки с призывами к созданию исламского государства.

В октябре 1999 г. губернатор нигерийского штата Замфара Ал-хаджит Ахмед Сани заявил о введении в своем штате шариата. При этом он решил взять за образец законодательство Саудовской Аравии. В штат стали приезжать проповедники из стран Персидского залива. Для изучения судопроизводства молодые люди направлялись в страны Ближнего Востока. Примеру Замфара последовали 11 северных штатов Нигерии, которые объявили о постепенном введении у себя шариатских норм. Как отмечает руководитель Центра стратегических и международных исследований США Стефан Моррисон, «...существует большая вероятность благожелательного отношения к “Аль-Каиде” на севере Нигерии».

Постепенное введение шариата в некоторых штатах страны не осталось без внимания со стороны первых лиц всемирного радикального исламизма. В 2003 г. Бен Ладен в очередном обращении объявил Нигерию одной из приоритетных стран для «освобождения» (наряду с Иорданией, Пакистаном, Саудовской Аравией, Йеменом) от предательских режимов, подконтрольных США. Нигерия занимает не последнее место в планах всемирного исламизма, который получает здесь возможность нанести удар по экономическим интересам Запада – нефтяным месторождениям страны.

С начала 90-х годов экономика Нигерии стала практически полностью зависимой от экспорта нефти. В стране добывается более 2 млн. баррелей «черного золота» в сутки. Правительство Нигерии издало законы, которые фактически передали нефтяные ресурсы в собственность иностранным нефтяным компаниям. В результате большинство жителей дельты реки Нигер были переселены со своих ферм в другие места, а их земли отданы в распоряжение нефтедобывающих компаний.

В 2004 г. Бен Ладен заявил, что в настоящее время США стремятся получить контроль над природными ресурсами Ниге-

рии. Он призвал народ страны «...остановить величайший грабеж истории – нефтяных богатств, которые принадлежат нынешнему и будущему поколениям». Аз-Завахири в 2005 г. призвал моджахедов сконцентрировать свои атаки именно на нефтяных месторождениях – «...богатствах, украденных у мусульман, так как большинство доходов от нефти получают враги ислама». После этого в феврале 2006 г. военный лидер организации «Движение за освобождение Дельты Нигера» (ДОДН) генерал-майор Г. Тамуно объявил тотальную войну всем иностранным нефтедобывающим компаниям. Эта группа ведет борьбу, как было заявлено, с «...угнетателями народа дельты Нигера и загрязнением окружающей среды иностранными ТНК». Ее основная цель – взять под контроль добычу природных ресурсов региона. «Движение за освобождение Дельты Нигера» потребовало от президента Нигерии освободить из тюрьмы Муджахиды Докубо-Асари – руководителя «Народных добровольных сил Дельты Нигера», одной из самых боеспособных группировок региона. Эти группировки тесно сотрудничают и придерживаются одинаковых целей. Их совместные действия привели к тому, что компании «Шеврон» пришлось эвакуировать часть сотрудников и сократить добычу нефти. В 2006 г. были убиты 37 военнослужащих нигерийской армии, похищено более 70 заложников, устраивались взрывы нефтепроводов и терминалов.

Впоследствии акции ДОДН стали более изощренными. В мае 2006 г. его боевики остановили нефтедобычу в г. Варри, одном из крупнейших городов дельты Нигера. После терактов представители ДОДН отправили e-mail ведущим информационным агентствам с предупреждением о продолжении террора против экономических интересов Запада. Вместе с тем, несмотря на то что ДОДН далеко от идеологических установок всемирного радикального исламизма, его тактика отвечает интересам «Аль-Каиды». Первая показательная акция террора ДОДН в начале 2006 г. практически совпала по времени с проведением «Аль-Каидой» атаки на крупнейший нефтяной комплекс Саудовской Аравии. И даже, несмотря на то что нападение в Саудовской Аравии окончилось неудачно, мировые цены на нефть возросли более чем на 2 долл. за баррель. Специалисты до сих пор не могут ответить на вопрос, были эти атаки кем-то спланированы либо это простое совпадение. Фотографии акций против нефтедобывающих объектов «Шелл» в декабре 2006 г. были размещены на исламистских веб-сайтах. Причем интересно, что в большинстве своем христиане – боевики из ДОДН

были представлены как «моджахеды Нигерии», которые «ведут борьбу с американскими нефтяными компаниями, расхищающими богатства мусульман».

«Боко харам»: Борьба за «истинный ислам» или за нефть?

Особенность нигерийской радикальной исламистской организации «Боко харам» (БХ) заключается в том, что она действует на территории страны, где мусульмане проживают вместе с христианами. Речь идет о крайне чувствительном вопросе, так как достаточно лишь искры, чтобы в стране вспыхнула межрелигиозная гражданская война. Кроме того, Нигерия – крупный производитель нефти. Но в этом богатом нефтью государстве наблюдается парадоксальная ситуация: бензин продается по очень высоким ценам. Бедность растет по экспоненте. Многие эксперты считают, что нынешние руководители «Боко харам» заинтересованы в первую очередь в нефти, а не в насаждении правильных, по их мнению, мыслей и взглядов.

В Нигерии, густонаселенной стране Африки, проживают 150 млн. человек и насчитывается около 350 этнических групп, говорящих на 250 языках. Около 50% населения – мусульмане, 40 – христиане и 10% – представители местных верований. Религия является главным признаком самобытности в стране. Противостояние христиан и мусульман в борьбе за политическую власть – важный фактор текущих беспорядков.

«Боко харам» за сравнительно небольшой срок своего существования уже наладила связи с другими региональными группировками салафитской направленности («Аль-Каида исламского Магриба» (АКИМ), «Аш-Шабаб», «Ансар ад-Дин», Движение за единобожие и джихад в Западной Африке (ДЗЕДЗА)). В частности, несколько сот членов БХ принимали участие в боевых действиях на стороне этих организаций на севере Мали. Укрепление позиций нигерийских салафитов в Нигере позволило им расширить зону своего влияния до Мали.

После нанесения нигерийским экстремистам серьезных ударов со стороны армейских подразделений к восстановлению БХ немало усилий приложила организация АКИМ. Она же спонсировала многие исламские террористические группировки в странах Африки от Мали до Чада. В Чаде бежавшие из Нигерии сторонники и основатели БХ встретились с представителями АКИМ, кото-

рые предложили им свои услуги по восстановлению организации. Многие члены нигерийской группировки были отправлены в тренировочные лагеря в арабские страны и Пакистан. От зарубежных спонсоров БХ получила деньги, учебные пособия и инструкции по строительству подпольных фабрик по производству взрывчатых веществ. По некоторым сведениям, между АКИМ, БХ и сомалийской салафитской группировкой «Аш-Шабаб» было заключено соглашение о координации действий. Тем не менее БХ не только осталась сугубо нигерийской организацией и сохранила свою полную независимость, но и, как утверждают многие эксперты, изменилась идеологически.

БХ действует в приграничных районах Нигера и Нигерии, в северной части Камеруна и Западном Чаде. Первоначально возникнув в городах Диффа и Зиндере, движение начало набирать силу и в настоящее время уже проводит операции в соседних государствах. Нигерия имеет общую границу с Нигером, Камеруном и Чадом. Ее протяженность составляет около 2 тыс. км. При этом, как указывают в миграционной службе Нигерии, на всей протяженности границы находится всего 84 КПП.

Вследствие языковых, культурных и родственных связей кланов, проживающих по обе стороны 950 км нигерийско-нигерской границы, боевики БХ легко находят укрытие в соседней стране. В Нигере экстремисты получили, по сути, неисчерпаемый ресурс молодежи для вовлечения в свои ряды. Эта страна относится к одной из самых беднейших и экономически отсталых в мире. Многие молодые люди вливаются в ряды БХ исключительно по экономическим соображениям.

«Боко харам» выступает за справедливое распределение доходов от экспорта нефти. Нигерия – крупнейший экспортер нефти в Африке. Однако практически все значительные запасы нефти находятся в южных штатах страны и в контролируемой Нигерией части Гвинейского залива. В свое время на юге страны тоже действовали террористы, называвшие себя сторонниками создания независимого государства Огони, тем не менее после заключения удовлетворившего все стороны соглашения о разделе доходов теракты в центрах нигерийской нефтедобычи, которые организовывали сепаратисты, прекратились.

Несмотря на доход в размере 2700 долл. США на душу населения и ежегодный рост показателя ВВП на 7%, Нигерия остается одной из беднейших стран мира. По подсчетам, 70% населения живут на 1,25 долл. в день. Экономические противоречия между

севером и остальной частью страны на данный момент являются особенно острыми. На севере за чертой бедности живут 72% населения по сравнению с 27% бедных на юге и 35% – в дельте реки Нигер.

Одновременно исламская традиция в Нигерии слабая, поэтому местным жителям очень легко навязать экстремистскую трактовку «чистого ислама». БХ выплачивает 30 долл. за убитого военнослужащего и 60 долл. за его захваченное оружие. Основным источником получения финансовых средств в группировке стали налеты на банки, а также теневые доходы от продажи бензина и сигарет. БХ активно вовлекает в свои ряды сотрудников силовых структур.

В стратегическом плане интересы БХ выходят за пределы «традиционной зоны их ответственности» в нигерийском штате Борно. В настоящее время отмечается усиление их активности в штате Сокото, который представляет значительный интерес для салафитов с географической и религиозной точек зрения. Именно здесь живет духовный лидер мусульман Нигерии, султан Сокото. Именно через этот штат пролегает путь в Азавад на севере Мали. В планах исламистов – объединить силы с радикалами «Ансар ад-Дин», ДЗЕДЗА, АКИМ для свержения в Нигерии светского режима.

В январе 2013 г. около 100 боевиков БХ провели диверсии в северо-западном штате Кано, убив 180 человек, из которых 150 были мирными гражданами. После этой акции официальный представитель группировки заявил, что целью этой диверсии было предупреждение султану Сокото А. Абубакару III. По его словам, подобные акции продолжатся до тех пор, пока не будут освобождены сторонники БХ, содержащиеся в тюрьмах Сокото.

В июле 2013 г. волна терактов докатилась и до самого Сокото. Два заминированных автомобиля, управляемых смертниками, были взорваны около зданий руководства полиции. Одновременно в штате Кадуна боевики БХ обстреляли дом вице-президента Нигерии. БХ намерена реализовать план по «исламизации Нигерии». Власти Нигерии предпринимают попытки наладить диалог с БХ. Так, Самбо Дасуки из Национального совета безопасности страны предпринял попытку провести переговоры между БХ, исламскими учеными и умеренными салафитами с целью установить перемирие.

Экстремисты не только отказались от диалога, но и устроили теракт около дома представителя правительства во время секрет-

ных переговоров Н. Самбо. БХ также заявила, что главное условие для начала каких-либо контактов с властями – освобождение из тюрьмы Нигерии всех членов организации. В рядах БХ наметились разногласия относительно политики исламистов, направленной на уничтожение несогласных с идеологией салафитов мусульманских лидеров, а также простых жителей – христиан. В частности, от экстремистов отделились «Юсуффийя», «Джамаат», «Ансар», «Аль-Муслим». Эти группировки заявляют о своей готовности вести борьбу за создание «истинно исламского государства» на севере Нигерии, но отвергают идею тотального террора, используемого БХ.

В настоящее время БХ направляет своих боевиков на север Мали в военно-тренировочные лагеря салафитов для получения боевой подготовки, а также приобретения навыков по проведению операций, связанных с захватом заложников. Между АКИМ и БХ наметилось тесное сотрудничество в сфере похищения иностранцев. Летом текущего года АКИМ выделила нигерийским экстремистам 200 тыс. долл. для похищения европейцев, работающих в Нигерии. В случае захвата «белых заложников» и передачи их «акимовцам» последние обещали перекупить похищенных по более высокой цене, а также направить БХ оружие и боеприпасы.

Сотрудник Совета по международным отношениям Дж. Кэмпбелл в своей книге «Нигерия: Танцы на грани» отмечает, что «о сопутствующих факторах “Боко харам” говорить легче, чем о самой “Боко харам”». Беззаконие и бедность, равно как и вера в то, что Запад пустил в правительственной сфере корни коррупционного влияния, – это суть причин, которые определяют стойкое желание учредить шариат и стремление «Боко харам» к исламскому государству. Официальная политика на севере Нигерии «в большинстве своем проводится доминирующей мусульманской элитой, которая, как и ее коллеги по всей стране, извлекает выгоду из нефтяных богатств за счет регионального развития». Нигерийский аналитик К. Нгвуду считает, что появление «Боко харам» знаменует собой зрелое оформление экстремистских импульсов, которые своими корнями глубоко уходят в общественные реалии Северной Нигерии.

Нечитайло Д.А. «Идеология и практика современного радикального исламизма», М., 2013 г., с. 172–178.

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Р. Хисамов,

политолог

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В СТРАНАХ АРАБСКОГО ВОСТОКА

События в странах Арабского Востока, названные «арабской весной», стали причиной изменений во всех сферах общественной жизни государств региона. Институциональные структуры арабских государств также находятся в процессе переформатирования и реструктуризации.

Согласно теории рационального выбора, которая «дает самое элегантно объяснение происхождению институтов», институты возникают и изменяются благодаря деятельности рациональных индивидов. В настоящей статье под институтом предлагается понимать реализованную в повседневной практике норму поведения, ставшую устойчивой и типичной. Как отмечает О. Зазнаев, институционализированная норма – это норма, «реализованная на практике, внедренная и ставшая привычной». Понятие института, таким образом, представляет собой абстракцию, в которой отражается результат реализации нормы на практике (Hall P., Taylor R., 1996).

Институциональные изменения в контексте теории рационального выбора можно представить в виде двухуровневого процесса. На высшем уровне, содержащем как сознательные ментальные процессы, так и личное и коллективное бессознательное, в результате определенных событий формируется информационный импульс, являющийся отражением потребности части общества в некотором институте. Этот импульс активизирует так называемых институциональных адаптеров, осуществляющих поиск соответствующей модели среди базисных протоинститутов. Адаптеры, таким образом, выполняют роль институциональных разведчиков. Ими, как правило, являются лидеры общества или те, чей

голос будет услышан. Если подобная модель не обнаруживается, под воздействием необходимости формируется некая протонорма, являющая собой результат «скрещивания». Возникает новый про-тоинститут, которому предстоит пройти процесс институционализации и укорениться либо исчезнуть из общественной практики (Клейнер Г.Б., 2005).

Но что является отправной точкой институциональной динамики? Для институциональных структур в масштабе страны это, как правило, такие крупные исторические пертурбации, как войны, революции, кризисы и т.д. Для обозначения подобных триггеров институциональной динамики Г. Клейнер предложил термин «событие», подразумевая под ним «сочетание... действий внешних или внутренних факторов, приводящее к существенному изменению конфигурации системы» (там же).

Институциональные изменения в арабских странах, приведшие к возникновению норм парламентаризма, целесообразно разделить на три этапа. Первый этап начинается с обретения арабскими странами независимости от колониальных властей в середине прошлого столетия. В этот период происходит складывание институциональных структур нового образца, заимствованных из общественно-политической практики западных стран. Учреждаются парламенты и политические партии, в политическую практику вводятся выборы. Но, как отмечает Л. Васильев, «одно дело – респектабельная внешняя форма демократической президентско-парламентарной республики и нечто совершенно иное – наполняющие эту форму жизненные реалии».

Общая тенденция заключалась в установлении режимов личной власти в форме президентских республик и абсолютных монархий. Ведущими адаптерами в данный период времени выступали правящие элиты, состоящие преимущественно из военных, избравших путь внедрения новых норм «сверху». Однако, как отмечает Г. Клейнер, максимум, на который могут рассчитывать адепты спроектированных «вручную» внутренних институтов или институтов, заимствованных как фрагменты социально-экономической структуры других стран, – это создание относительно работоспособных квазиинститутов, пригодных лишь для временного выполнения функциональных нагрузок в определенных режимах. Парламенты и политические партии, функционировавшие в арабских странах в этот период, выполняли функцию легитимации авторитарных режимов в заданных социально-экономических условиях. Подобная функциональная специализация

ция парламентских институтов в условиях отсутствия парламентской автономии свидетельствовала о низкой степени укорененности института в нормах политической практики.

Установление однопартийных режимов, по словам Л. Васьильева, имело своим недостатком даже не произвол власти, а то, что «оппозиция лишалась голоса... немалая часть этнических групп оказывалась как бы отодвинутой от рычагов власти». Вполне закономерно, что недовольство, накопленное оппозицией, искало выхода и нашло его в период кризиса, с которым однопартийные режимы столкнулись в конце 80-х – начале 90-х годов XX в. Тем не менее итогом первого этапа институциональных изменений в арабских странах стало формальное закрепление норм парламентаризма, пусть и «не подлинно буржуазно-демократического свойства» (Рейснер Л.И. и колл. авт., 1984).

С одной стороны, сильная президентская или монархическая власть была необходима на данном этапе, так как обретение независимости не означало обретение стабильности: в государствах региона бушевали гражданские войны и разворачивались политические кризисы, для урегулирования конфликтов, в свою очередь, требовалось наличие единого центра принятия политических решений. Как отмечает А. Емельянов, «в основе... глубинных процессов этого периода развития... лежала незавершенность создания постколониальных структур в рамках колониального общества». Поэтому президент и монарх продолжали оставаться стержнем всей политической системы, причем на уровне массового политического сознания это воспринималось как благо. Но, с другой стороны, к началу второго этапа арабские страны успели приобрести достаточно длительный опыт выборов на многопартийной основе и неоднократно подтвердить возможность смены правительства выборным путем.

Начало второго этапа институциональных изменений было связано со сменой поколения харизматических лидеров. К власти пришли представители новой элиты, настроенной на проведение не только экономических, но и общественно-политических реформ в своих странах.

Новый этап был отмечен резко возросшим конституционным динамизмом. Новые конституции были приняты в Саудовской Аравии (1992), Алжире, Омане (1996), Йемене (1991), Бахрейне (2002), Катаре (2003), Ираке (2005). Изменения были внесены в конституции Ливана (1990), Туниса (1988), Египта (1980; 2007).

Адаптеры в лице правящей элиты, а также представителей новой восточной интеллигенции, получившей европейское образование, стремились к политической модернизации посредством заимствования присущих западной политической культуре идеалов равенства, справедливости и демократии. Были приняты новые законы о политических партиях, выборах на многопартийной основе, о прессе и т.д. Вместе с тем политические лидеры старались сохранить черты традиционных взаимоотношений, что проявлялось в религиозно-этнических связях, клиентелизме и покровительстве на основе родственных связей (непотизме).

Общей чертой второго этапа стало изменение норм, регулирующих функционирование системы сдержек и противовесов, выразившееся в расширении полномочий представительных органов власти при сохраняющемся доминировании главы государства. Это хорошо видно на примере процесса становления многопартийности.

В условиях политической нестабильности, политические лидеры, как правило, прибегали к чередованию так называемых мягких и жестких форм авторитарного правления. Стоящие у власти политические лидеры санкционировали создание новых политических партий, однако при этом держали этот процесс под контролем, законодательно ограничивая их количество посредством введения конституционного запрета на этнорегиональные и конфессиональные партии. Как отмечает М. Сапронова, законы о политических партиях в арабских странах носят специфический характер и отличаются от законов в развитых демократических странах, так как нацелены на всевозможное ограничение свободы образования новых политических партий.

Активное использование конституционных положений для укрепления властных структур и создания механизмов преемственности и стабильности – отличительная черта второго этапа институциональных изменений. Так, в Алжире, Тунисе, Марокко и ряде других стран были созданы двухпалатные парламенты. Правящие элиты преподносили подобное нововведение как решительный шаг на пути демократизации. Но если учесть социальный состав верхних палат (ученые, крупные землевладельцы, представители бизнеса) и активное участие главы государства в их формировании, стремление правителей ограничить власть нижней палаты и контролировать деятельность оппозиции становится очевидным. Важно отметить, что двухпалатный законодательный орган был создан и в некоторых арабских монархиях.

Другая заметная черта второго этапа институциональных изменений – это то, что американский исследователь Л. Садики обозначил как электорализм, или электоральный фетишизм, называя его основной причиной парламентаризации систем стран Арабского Востока. Электорализм, по его мнению, характеризует ситуацию, сложившуюся в арабских странах в конце 90-х годов, когда участие в выборах стало для граждан этих стран неизменным атрибутом политической жизни. Как отмечает учёный, в арабских странах «без выборов не проходит и месяца» (Sadiki L., 2009).

К 2007 г. уже три арабские монархии провели первые в своей истории выборы, а четвертая возобновила электоральный процесс после тридцатилетнего перерыва. Опыт арабских республик к этому периоду исчислялся тремя-четырьмя десятилетиями. Однако, по мнению Л. Садики, количество проведенных выборов отнюдь не является показателем демократичности режимов в арабских странах, так как выборы редко ведут к смене политических лидеров. Следовательно, данный канал взаимодействия власти и гражданского общества не функционирует либо функционирует недостаточно эффективно. Именно отсутствие институционализированных форм взаимодействия власти и общества привело к тому, что растущее недовольство населения не могло быть выражено в конвенциональных формах политической активности.

В целом второй период продемонстрировал то, что нормы и практики парламентаризма прочно укоренились в политическом процессе арабских республик и ряда арабских монархий, и доказал, что особенности политического бытия стран региона не являются непреодолимым препятствием для складывания местной уникальной модели парламентаризма. Как отмечает П. Панов, «к деинституционализации правил приводит не “нарушение правил”, а потеря его значимости для актора».

То, что нормы парламентаризма являлись значимыми для населения и политической элиты, было ясно продемонстрировано в ходе второго этапа институциональных изменений. Проблема заключается в том, что между населением и властью отсутствует консенсус относительно целей парламентаризма. Для элиты это – принцип, формальное следование которому позволяет относительно легко добиться легитимации власти. Такое понимание не было бы существенным недостатком (в любом государстве власть стремится к легитимности), если бы не порождало ложные политические ценности у населения. Невозможность добиться адекватного

политического представительства приводит к тому, что политическое участие осуществляется скорее по принципу *wasta*¹, т.е. с целью получения конкретной материальной выгоды, а не осуществления политических прав (Tessler M, Jamal A., de Miguel C.G.).

Третий этап институциональных изменений связан с началом событий, названных «арабской весной». Положительным является тот факт, что институциональная структура арабских стран выстояла в кризисных условиях и сохранила свою целостность. Парламенты не только не были упразднены, но даже получили гораздо больше полномочий как в республиках, так и в монархиях. Однако и президенты республик, и монархи продолжают играть роль ключевого института политической системы.

В новой Конституции Египта полномочия президента по-прежнему остаются широкими. Конституция Египта «характеризует президента одновременно как главу государства и лицо, возглавляющее исполнительную власть, президенту поручается контролировать взаимоотношения властей – законодательной, исполнительной и судебной. В качестве главы исполнительной власти президент совместно с Советом министров разрабатывает общую политику государства и наблюдает за ее осуществлением, он назначает премьер-министра и смещает его с должности, назначает министров и их заместителей, назначает 1/3 членов Консультативного совета и губернаторов областей, президент вправе проводить референдум по любым важным вопросам, касающимся высших интересов страны, предлагать поправки к статьям Конституции и т.д.». Схожая ситуация наблюдается и в остальных арабских республиках (Сапронова М.А.).

Другая характерная черта третьего этапа институциональных изменений – увеличение роли ислама в общественно-политической жизни арабских стран. В сфере конституционного права это выразилось в закреплении мусульманского права в качестве основного источника законодательства. Однако и здесь пока нет единства мнений по поводу того, ведет ли положение о государственном характере ислама к необходимости приведения всего законодательства в соответствие с нормами мусульманского права. Так, например, сторонники одной точки зрения считают, что закрепление в конституции государственного характера ислама

---

¹ *Wasta* или *wasata* (с араб. – тот, кого ты знаешь) – используется для обозначения системы непотических связей, семантически близко русскому слову «блат».

лишено юридического смысла без признания шариата основным источником законодательства.

Сторонники другого подхода утверждают, что подобное положение автоматически закрепляет нормы мусульманского права в качестве источника законодательства, так как исламу не свойственно отделение религии от государства, а следовательно и от права. Основной вопрос, таким образом, это не содержание конституционного положения, а то, какое место ислам реально занимает в социально-политической жизни и конституционном механизме той или иной страны. Это, в свою очередь, проистекает из исторического опыта функционирования исламских институтов и норм и их соотношения со светскими структурами (Сапронова М.А.). Так, например, провозглашение шариата источником законодательства Египта вовсе не означало, что правовая система этой страны развивалась в этом направлении, напротив, само государство продолжало сохранять, по сути, светский характер. Так называемый «вахаббитский тандем» (Саудовская Аравия и Катар), напротив, ясно демонстрирует, как может функционировать государство, в котором шариат действительно является основой законодательства. Именно декларативная роль ислама в арабских республиках часто вызвала жесткую критику и противодействие со стороны Саудовской Аравии и Катара, активно поддерживавших исламистов на их пути к власти в республиках.

Дискуссии о роли норм ислама в общественно-политической жизни – это тот фактор, который способен привести к расколу не только в пришедшей к власти группе исламистов, но и в обществе в целом. Необходимо учитывать, что консенсуса по этому вопросу нет даже в самом стане исламистов. Умеренные исламистские партии подходят к этому вопросу с позиций прагматики, понимая, что чрезмерная радикализация режимов вызовет не только внутри- но и внешнеполитические проблемы, что в условиях подорванной экономики лишь ухудшит и без того тяжёлое положение арабских республик.

Другой фактор – поликонфессиональный состав стран, где исламисты пришли к власти. Утверждение суннитского ислама в качестве государственной религии с фиксацией шариата в качестве основы законодательства разделит общество по признаку религиозной принадлежности, что создаст новые очаги конфликтов. Республикам, которые в течение многих десятилетий являлись суперпрезидентскими, будет сложно трансформироваться в парламентские, так как это предполагает существенное перераспреде-

ление полномочий между государственными органами в пользу законодательной власти.

Ключевым вопросом современного этапа, таким образом, станет выбор между парламентской и президентской формами правления¹. О смене формы правления в монархиях говорить не приходится. Королевские элиты следуют тактике дозированного внедрения демократических практик в общественно-политическую жизнь, сохраняя, таким образом, стабильность. Основные нововведения касаются, как правило, расширения парламентских полномочий по контролю за деятельностью Кабинета министров.

Ключевые акторы политического процесса продолжают действовать в тех же институциональных рамках, что были установлены до «арабской весны». Ведется поиск новых норм функционирования политических систем. Основным ресурсом, к которому обращаются «институциональные разведчики», является ислам. Представляется, что именно нормы ислама будут определять характер государственной идеологии, а также сущность политических институтов на современном этапе. Вероятно, это повлечет за собой расширение полномочий консультативных советов, а также всплеск политической активности со стороны партий, созданных на религиозной основе.

Таким образом, базовые институты, обеспечивающие существенные связи между основными акторами политического процесса, в странах Арабского Востока сохраняют своё содержание. Изменениям при этом подвергается лишь их воплощение в неких институциональных формах политической практики. Институциональные изменения в странах Арабского Востока фактически являются собой пример того, как альтернативные по своей сути институциональные формы, такие как выборы, парламенты и политические партии, способствуют воспроизводству и обновлению традиционных для данного региона институтов.

*«Ученые записки Казанского университета:
Гуманитарные науки»,
Казань, 2013 г., т. 155, кн. 1, с. 249–255.*

---

¹ В арабском мире всего две парламентские республики – Ливан и Ирак.

В. Амелин,
доктор исторических наук,
К. Моргунов,
кандидат исторических наук
(НИИ истории и этнографии Южного Урала
(г. Оренбург))
**ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ И РЕЛИГИОЗНЫЕ
КОНФЛИКТЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ**

Прошедший XX век еще на его излете ученые определили как «век взбунтовавшейся этничности». В различных странах мира произошли десятки этнических вооруженных конфликтов, сопровождавшихся сотнями тысяч человеческих жертв, появлением миллионов беженцев. И сегодня межэтнические и религиозные конфликты, без сомнения, являются одними из сложнейших проблем развития современного мира.

Чтобы понять природу и сущность конфликтов, необходимо их изучать. Это представляет исключительную важность для понимания современных этнополитических процессов и формирования целостной концепции развития российской государственности и общегражданской идентичности.

Изучение истоков, объективный анализ побудительных мотивов и способов предупреждения межэтнических конфликтов, выработка комплексных проектов и научно обоснованных программ их предупреждения являются одной из актуальнейших задач современной науки. Именно этому – многоаспектному анализу современных этнополитических конфликтов, посвящено коллективное исследование «Этничность и религия в современных конфликтах»¹, изданное Институтом этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук под редакцией ведущих специалистов в этой области исследований В.А. Тишкова и В.А. Шнирельмана.

Книга посвящена изучению причин, движущих сил и последствий этнических конфликтов, ставших на рубеже веков одним из определяющих факторов социального и этнополитического развития государств как на постсоветском пространстве, так и во всем мире.

---

¹ Этничность и религия в современных конфликтах / Отв. ред. В.А. Тишков, В.А. Шнирельман; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. – М.: Наука, 2012. – 653 с.

В основу структуры данного исследования положено представление о четырех типах конфликтов. Самостоятельные части книги посвящены анализу спонтанных конфликтов, или погромов, гражданско-правовых конфликтов, возникающих в рамках политического процесса, открытых вооруженных конфликтов и религиозных конфликтов. Естественно, подобный подход подразумевает определенные идеальные теоретические модели. Как показывает практика, конкретные конфликты чаще всего сочетают в себе особенности сразу нескольких моделей. Тем не менее такой подход представляется, безусловно, оправданным, так как дает возможность структурировать конфликты по типичным формам их проявления.

В свою очередь, в каждой из статей, посвященных анализу отдельных конфликтов, прослеживаются общая структура и комплексный подход к изложению сути конкретных конфликтов. Описывается история конфликта, анализируются его причины, поводы, а также рациональные и иррациональные мотивации конфликта, дается характеристика противоборствующих сторон, преследуемых ими целей и интересов. Подробно авторы останавливаются непосредственно на этапе эскалации конфликта, показывая характер насильственных действий. Важным моментом, на котором останавливают свое внимание авторы отдельных статей, является указание на участие в конфликте третьих сторон, а также на особенности выхода из конфликта или миротворческого переговорного процесса. Комплексному анализу изучаемых конфликтов способствует анализ психологических последствий конфликта, оставшейся коллективной травмы, которая накладывает свой отпечаток на взаимоотношения сторон после окончания конфликта.

Первую часть издания, представляющую модель спонтанных конфликтов, открывает исследование С.Н. Абашина и И.С. Савина, посвященное Ошскому конфликту 2010 г. Изначально авторы постарались ответить на вопрос: какую модель выбрать для объяснения этого конфликта? Можно ли считать Ошские события этническим конфликтом или этничность использовалась только в качестве внешнего прикрытия для противоборства разных группировок и внешних сил? При этом авторы не стремятся дать однозначный ответ на этот непростой вопрос. Свою основную задачу они видят в том, чтобы показать роль этнического фактора в возникновении и эскалации конфликта, во всестороннем изучении фактов, позволяющих ответить на вопрос о том, какими способами имеющиеся

противоречия и недовольства приобрели этническую окраску, стали способом мобилизации и манипуляции.

Такой подход позволяет авторам не замыкаться на поиске «истинных» причин и описании «истинного» хода Ошских событий, а поэтапно проследить, какими средствами этничность превратилась в лозунг и объяснительную модель конфликта. Исходя из этой задачи, авторы подробно останавливаются на предыстории конфликта, детально анализируют состав и внутреннюю структуру конфликтующих сторон, акцентируя внимание на экономическом и социальном неравенстве между горожанами-узбеками и селянами-киргизами. Справедливо указывается на определенные ошибки в деятельности местных властей, а также на некомпетентность и двусмысленную позицию правоохранительных органов.

В этой же части книги В.А. Шнирельман рассматривает индусско-мусульманский конфликт, вызванный процессами деколонизации и стремительного роста индусского движения. Индийский национализм с самого начала в основе своей идеологии имел определенные религиозные компоненты, что, безусловно, ставило сложные вопросы перед деятелями Индийского национального конгресса, стремившимися создавать гражданскую нацию в условиях поликонфессиональности индийского общества. Имеющиеся конфессиональные противоречия неизбежно вели к росту напряженности между представителями разных религиозных общин – индусами, мусульманами, сикхами, буддистами. Вместе с тем автор приходит к выводу, что индусско-мусульманский конфликт лишь внешне имеет религиозный характер. Конфликтующие стороны преследуют реальные политические и экономические интересы. Это подтверждается и тем, что в погромах участвуют в основном городские люмпены. В сельской же местности, где отсутствует противоборство экономических интересов, отношения между индусами и мусульманами носят добрососедский характер.

Неслучайно поэтому, что в статье особое внимание уделяется событиям 1992 г., приведшим к разрушению мечети в Айодхье. Это вызвало ужесточение политики центрального правительства по отношению к националистам. Но без поддержки общественного мнения запретительные меры оказались малоэффективными. Автор приводит многочисленные факты, свидетельствующие о росте зрелости гражданского общества в Индии. Именно в этом можно увидеть тенденцию к снижению общественной роли индусского фундаментализма и прекращению межобщинных конфликтов.

Вторая часть книги представляет гражданско-правовые конфликты, которые находят свое разрешение в рамках парламентских процедур в Канаде, Франции и Ливане. Наиболее типичным для конфликтов данной категории является Квебек. Автор статьи В.И. Соколов рассматривает историю квебекского национализма в Канаде, отмечает роль франкоканадцев в этнической мозаике этого государства, а также подробно останавливается на современном состоянии в отношениях двух центров культуры канадского государства, основных методах и подходах к решению конфликтов, возникающих в ходе их сосуществования и взаимодействия. Отмечая специфику федеративного устройства Канады, позволяющую франкоканадцам сохранять свои традиции, культурные и религиозные ценности, В.И. Соколов подчеркивает особую роль федерального центра и эффективный парламентаризм, способствующий снятию напряжения вокруг квебекской проблемы. Включение квебекского национализма в общую политическую систему, а тем самым его «легитимизация», позволили решать вопросы сепаратизма в русле политического процесса. Не стоит при этом забывать и о том, что Канада относится к числу высоко развитых стран и тенденции ее социально-экономического развития положительно влияют на снижение уровня социального напряжения вокруг «квебекского вопроса». При этом франкоязычное население успешно интегрировалось не только в политическую, но и в экономическую систему государства. Данный пример наглядно демонстрирует, что этнокультурные и этнополитические конфликты можно успешно решать мирным путем на основе имеющихся политических и правовых механизмов, с опорой на различные социальные институты и с использованием разнообразных средств, направленных на формирование общественного мнения.

Эволюцию и особенности корсиканского национализма детально рассматривает в своей статье Е.И. Филиппова. Корсиканское движение сепаратистского толка отличается сложностью своего состава, противоречивостью и противоборством в своей деятельности различных националистических организаций. Вместе с тем автор отмечает отсутствие последовательной государственной политики, направленной на разрешение «корсиканского вопроса». В результате, за последние полвека националистические движения прошли путь от выдвижения культурной программы и борьбы за социальную справедливость до открытого и массового политического протеста с использованием радикальных методов борьбы. Не имея массовой поддержки населения, националисты

лишены возможности использовать парламентские методы борьбы и регулярно напоминают о себе, демонстрируя силу. Причину затяжного характера конфликта Е.И. Филиппова видит в особенностях самого корсиканского общества, а также в том, что наиболее острая борьба ведется не между центром и периферией, а между местными политическими и экономическими элитами. В этой ситуации никакие уступки центральной власти не способны устранить имеющийся на Корсике конфликтный потенциал, и даже напротив, только разжигают противостояние в борьбе за властные полномочия и получаемые финансовые ресурсы.

Аналізу генезиса, факторов и перспектив урегулирования современного ливанского конфликта посвящена статья Н.В. и И.М. Моховых. Политическая система Ливана после принятия Конституции 1926 г. была основана на пропорциональном представительстве в органах государственной власти официально признанных религиозных общин. Кроме того, конфессиональным общинам предоставлялась широкая самостоятельность в регулировании различных вопросов, связанных с личным статусом их членов. И несмотря на то что гражданская война 1975–1990 гг. продемонстрировала уязвимость и слабость государства, существующего в рамках политического конфессионализма, эта система сохраняет свое значение в политике, общественных отношениях и нравах ливанского общества. Этот факт подтверждается и тем, что до сих пор в Ливане конфессиональная идентичность имеет приоритет над общенациональной. Последствия гражданской войны привели к изменениям политической системы и положения конфессиональных общин. Резко возросла роль шиитской общины.

Особое внимание авторы уделяют влиянию внешних факторов. Развитие конфликта в 2005–2011 гг. связано с противостоянием антисирийских и просирийских сил и не носило ярко выраженного конфессионального характера. Ключевые роли в ливанской политике при этом играют религиозные лидеры, которые в политической борьбе опираются на свои конфессиональные общины и заинтересованы в укреплении их позиций. Но, как показывают авторы, ливанский конфликт лишь косвенно связан с религией и в своей основе имеет политический характер. Тем не менее можно лишь согласиться с мнением, высказанным в статье, о том, что закостеневшая конфессиональная система парализует ливанскую политику и не позволяет найти приемлемого решения затянувшегося конфликта.

Самая значительная часть книги посвящена анализу открытых вооруженных конфликтов, как уже завершившихся, так и тех, которые продолжаются и в настоящее время, то затихая, то разгораясь вновь. При этом большинство таких конфликтов имеют сложную структуру и постоянно трансформируются под влиянием как внутренних, так и внешних факторов.

Пожалуй, наиболее остро этнические и религиозные противоречия стоят в Ближневосточном регионе. Подводя читателей к анализу сути израильско-палестинского конфликта, Г.Г. Косач показывает роль государства, этничности и элит на Ближнем Востоке. Сами обстоятельства возникновения государственных образований на Ближнем Востоке в ходе демаркации постколониальных границ создали благодатную почву для возникновения конфликтов.

Следствием процесса деколонизации стал еще один конфликт – франко-алжирский. Анализируя эволюцию этого конфликта, автор статьи Н.В. Мохов отмечает неспособность французских властей решить многочисленные проблемы, обусловленные социальным неравенством жителей заморских территорий Франции. Длительный и кровавый конфликт, завершившийся обретением Алжира независимости, имел тяжелые последствия для обоих государств. В основе данного конфликта лежит отнюдь не этнический фактор, не различие культур и религий. Здесь мы видим пример обретения независимости в процессе деколонизации, который в значительной мере был осложнен жесткостью позиций конфликтующих сторон. Неспособность пойти на компромиссы в ходе переговорного процесса во многом обусловила ожесточенный и кровавый характер длительного вооруженного противостояния (1954–1962).

Политические, социальные и экономические проблемы лежали и в основе косовского конфликта. Поэтому совершенно неправильно было бы рассматривать этот конфликт исключительно как этнический. Однако, безусловно, этнический фактор и националистические лозунги активно использовались сторонами противостояния. Характеризуя предпосылки конфликта в Косове, М.Ю. Мартынова отмечает, что в постсоциалистический период этнический фактор приобрел исключительно важное значение на Балканах. Впрочем, это характерно для всего постсоветского пространства, так как именно в эпоху общественных кризисов этническая идентичность выступает в роли мобилизующего фактора.

Неслучаен тот факт, что эскалация конфликта началась именно после того, как взаимные претензии приобрели этническую окраску. Косовские албанцы на протяжении 1980-х годов добивались собственной государственности. В начале 1990-х годов косовские радикальные националисты перешли к вооруженной борьбе, включающей теракты и погромы. На фоне развертывания конфликта автор анализирует процесс конструирования новых идентичностей, а также обращает внимание читателей на положение сербов, пострадавших от этнических чисток в сербских анклавах и северной части Косова. Фактическое разделение Косова по этническому принципу и специфика положения сербского населения оставляют угрозу возникновения новых столкновений. Автор обращает внимание на тот факт, что подобное решение косовской проблемы может стать прецедентом для решения схожих проблем в других странах. Во многом поэтому более 50 государств, включая Россию, не торопятся признавать независимость Косова.

Следствием распада СССР стали многочисленные межэтнические конфликты, захлестнувшие постсоветское пространство в 1990-е годы. Примером подобного рода может служить постсоветская Грузия. В статье С.М. Маркедонова, посвященной этнополитическим конфликтам в Абхазии и Южной Осетии, анализируются историко-правовые истоки конфликтов, причины и этапы перерастания их в открытое военное противостояние. Автор статьи предостерегает от попыток поиска решения этих конфликтов, основываясь на моделях других государств. Выстраивание миротворческих проектов необходимо начинать с серьезного анализа причин неудач предыдущих усилий в этой области.

Еще одним длительным и тлеющим конфликтом, имеющим этнополитический характер, является кипрский конфликт, который рассматривается в статье В.В. Степанова. Идеи националистического толка распространялись среди греков-киприотов еще в период турецкого владычества. В дальнейшем постоянная напряженность между двумя этническими общинами привела к их разделению. В статье анализируются программы политических сил, их идеологические доктрины, в том числе попытки конструирования новой кипрской идентичности. Основываясь на результатах проведенных недавно на Кипре исследований, автор приходит к выводу, что в настоящее время общественного и политического согласия на острове не наблюдается, но определенно имеется стремление к большей экономической и общественной интегра-

ции. Поэтому, по его мнению, развитие мирного процесса здесь требует более продолжительного времени.

К длительным конфликтам с глубокими историческими корнями относятся и кашмирский конфликт, значительную роль в котором играет этноконфессиональный фактор. Уникальное геополитическое положение бывшего княжества Джамму и Кашмир, расположенного на стыке границ Индии, Пакистана, Китая, Афганистана и Таджикистана, а также сложный этноконфессиональный состав его населения обусловили наличие социальной напряженности в этом регионе. Процесс урегулирования конфликта осложняется сохранением индо-пакистанских противоречий, которые резко обострились в конце 1980-х годов, и до настоящего времени это напряжение не спадает. В статье Т.Л. Шаумяна прослеживаются исторические корни этого конфликта, начиная с национально-освободительного движения против британского колониального господства.

Сингало-тамилский конфликт в Шри-Ланке – еще один из затяжных и самых кровопролитных межэтнических конфликтов – рассматривается в статье Б.М. Волхонского. Этнические противоречия проявились на острове в первые десятилетия независимости и с каждым годом они усиливались. Их корни в историческом прошлом. Сингалы переселились на эту «прекрасную землю» из Северной Индии и постепенно смешались с местными племенами. В своем большинстве они исповедуют буддизм. Тамилы разделены на две группы – шриланкийские и индийские (выходцы из Южной Индии, завезенные на остров англичанами для работы на чайных плантациях). Превалирующая религия тамилы – индуизм. Здесь в основе конфликта лежит представление тамилы о своем неравноправном положении в государстве и обществе, ограничении социальной мобильности и этнокультурной незащищенности. После принятия в 1956 г. закона, провозгласившего сингальский язык основным государственным языком, отношения между сингальской и тамилской общинами, составлявшими около четверти населения острова, резко обострились. Начинается эскалация сингало-тамилского конфликта вплоть до открытой гражданской войны (1983–2009). Миротворческие усилия Индии и международных посредников не дали положительных результатов. Несмотря на прекращение открытого вооруженного противостояния, по мнению автора, проблемные вопросы остаются нерешенными, и для того, чтобы сделать мирный процесс необратимым, потре-

буются кардинальные политические, экономические и социальные реформы.

В четвертой части книги представлена статья А.А. Ярлыкапова, в которой анализируются формы и современные тенденции развития ислама на Кавказе. Автор отмечает стремление мусульман всего мира к «исламской глобализации», призванной стереть этнические и государственные границы, выйти за пределы деления ислама на течения и толки. Это движение имеет особенную популярность среди городской мусульманской молодежи, что во многом обусловлено развитием современных информационных технологий и сетевых структур. По сути «исламская глобализация» приводит к мысли о подчиненности этнической принадлежности религиозной. Отсюда, по мнению автора, вытекает следующая черта – фундаментализация ислама.

Новый «универсальный ислам», в сравнении с более консервативным «традиционным исламом», оказывается гораздо привлекательнее для мусульманской молодежи. Еще одной важной тенденцией, на которой акцентируется внимание в статье, является трансформация сепаратистского движения на Северном Кавказе от этнического к религиозному, предполагающему освобождение мусульман от власти «государства неверных». Происходит своеобразная политизация ислама. Но развитие новых тенденций в исламе приводит к формированию противоборствующих группировок, имеющих разное представление о целях и способах своей деятельности. Таким образом, современный ислам на Кавказе представляет собой пеструю мозаику разных направлений, толков, течений и интерпретаций. Вместе с тем ислам приобретает все большее значение в общественно-политической жизни Северо-Кавказского региона.

В заключительной статье В.А. Тишков, отмечая тенденцию политизации культурных различий, останавливается на сущности и типологии конфликтов, анализирует известные теории, объясняющие суть и причины возникновения этнических конфликтов. По мнению автора, основополагающими причинами современных этнополитических конфликтов являются дискриминация и отсутствие или неразвитость демократических институтов, позволяющих своевременно реагировать и решать возникающие проблемы. Автор отмечает, что в современном мире этнополитическое противостояние идет не между этническими группами, а по типу «группа против государства». Таким образом, «этнический конфликт» становится в некотором смысле условным определением,

так как власть чаще всего выступает от лица полиэтничного территориального сообщества.

Среди других важных факторов, которые могут привести к этнополитическому конфликту, называются этнический сепаратизм, ирредентизм, борьба за легальный статус группы, стремление к обретению групповой автономии, борьба за общинные интересы или сектантские религиозные движения. Культурные различия могут использовать в своей борьбе за власть и ресурсы политики. Этнические противостояния чаще всего питаются исторической памятью, которая выступает в качестве мобилизующего фактора для сторон конфликта.

В условиях мобилизации этничности, когда культурная отличительность приобретает важное значение как для отдельного человека, так и общества в целом, требуется особенно взвешенный подход к решению культурных проблем, государственным структурам необходимо уважительное отношение к этнокультурному многообразию, основанное на принципах демократии, согласия и справедливого распределения ресурсов – политических, экономических и культурных.

Этнополитические конфликты распространены во всем мире, подрывая политическую и социальную стабильность, препятствуя экономическому развитию. Этнический национализм особенно распространен в государствах со сложным этнокультурным составом и незавершенными процессами нациестроительства. При этом в мировой политике и миротворческом процессе распространены двойные стандарты относительно конфликтующих сторон и способов решения различных конфликтных ситуаций.

Можно только согласиться с мнением В.А. Тишкова о том, что урегулирование этнополитических конфликтов сегодня является важнейшей политической проблемой. И самая главная задача любой ответственной политики – недопущение обострения конфликтов и человеческих жертв.

Следует отметить, что многие из авторов книги являются постоянными участниками международного проекта «Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов» (основатель и руководитель Сети с 1993 г. – академик РАН В.А. Тишков), в рамках которого в странах, где десятилетиями тлеют межэтнические конфликты, проводятся научные семинары по их изучению, осуществляется обмен опытом по предупреждению и разрешению конфликтов. Представленные в книге статьи являются результатом многочисленных поездок в различные ре-

гионы мира и досконального изучения предмета исследования. Рецензируемый коллективный труд является реальным вкладом в дело всестороннего изучения и научного осмысления одной из самых сложных и драматичных проблем современности. Безусловно, хотелось бы, чтобы аналитическое осмысление этнополитических конфликтов было продолжено на таком же высоком и профессиональном научном уровне.

*«Вестник Российской нации»,
М., 2013. № 1–2, с. 326–335.*

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР
2014 – 1 (259)**

Научно-информационный бюллетень

Содержит материалы по текущим политическим,
социальным и религиозным вопросам

Художественный редактор Т.П. Солдатова
Компьютерная верстка
Н.М. Власова, Е.Е. Мамаева

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 10/1-2014 г. Формат 60x84/16
Бум. офсетная № 1. Печать офсетная. Свободная цена
Усл. печ. л. 10,75 Уч.-изд. л. 10,1
Тираж 300 экз. Заказ № 238

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997**

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел. Факс (499) 120-4514
E-mail: inion@bk.ru**

**E-mail: ani-2000@list.ru
(по вопросам распространения изданий)**

Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9